

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

4/2025

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета**

Основан в 2010 году

№ 4 / 2025

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
 - 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
 - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
 - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN (Online) 2949-5032

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

**The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University**

Founded in 2010

№ 4 / 2025

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
 - 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
 - 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
 - 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Российский социально-гуманитарный журнал

основан в 2010 году (до сентября 2023 года журнал назывался "Вестник Московского государственного областного университета").

Учредитель: Государственный университет просвещения.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-85734.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф., Государственный университет просвещения;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.-Г. – д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., проф. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени ГР. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Баэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псих.н., проф., Российской государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псих.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псих.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухун Г. Т. – д.филол.н., проф., Государственный университете просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010.
(The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: Federal State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate № ФС77-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. – Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. – Doctor of Philology, Professor of State University of Education;
Kramarenko Natalya S. – Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. – Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;
Vilkov Aleksandr A. – Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;
Egorov Vladimir G. – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);
Manoilov Andrei V. – Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;
Komleva Natalya A. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;
Markarov Alexander A. – Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.
Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740
<https://evestnik-mgou.ru/>
E-mail: info@evestnik-mgou.ru

Martynov Mikhail Y. – Doctor of Political Sciences, associate professor

Surgut state University;

Sel'cer Dmitrii G. – Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. – Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. – Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

SHirinyants Aleksandr A. – Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. – Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. – Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. – doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Ol'ga V. – Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. – Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. – Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. – Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. – Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. – Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. – Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. – Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. – Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatalia);

Simashko Tatyana V. – Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. – Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Егоров В. Г., Абрамов А. В.</i>	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	8
<i>Афонин Д. В.</i>	
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	41
<i>Бродовская Е. В., Аппаков К. О., Валиахметова А. А., Лопухов В. С.</i>	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА О ВООРУЖЁННЫХ НАПАДЕНИЯХ НА УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ (2021–2024 ГГ.)	53
<i>Девочкина А. С.</i>	
ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: РЕТРОСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ	75
<i>Денильханов А. Х.</i>	
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И САМОБЫТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	88
<i>Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А., Бурда М. А.</i>	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	110
<i>Кочетков А. П.</i>	
О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	131
<i>Перников В. В.</i>	
К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИЙ КАК КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	150
<i>Подольский В. А.</i>	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX В. О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАК О СРЕДСТВЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ	166
<i>Товмасян Н. Т.</i>	
ДИСКУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО-ЮГРЫ).	185

Ширинянц А. А., Бересневич А. А. М. П. ПОГОДИН И ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	203
--	-----

ПСИХОЛОГИЯ

Альперович В. Д. «ОБРАЗ МИРА», «ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО МИРА» И «МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МИРА» В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	217
Сидячева Н. В., Коловой А. С. РИСКИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	232

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Максименко О. И. ЭВОЛЮЦИЯ ДИССЕРТАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ В СФЕРЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	246
Маньковская З. В. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ В ИНТРОДУКТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ БЛОК	264
Филиппова И. Н. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОРФОЭПИЧЕСКАЯ МАНЕРА В КИНОПЕРЕВОДЕ	281

POLITICS

<i>Vladimir G. Egorov, Andrey V. Abramov</i>	
STATE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DOMESTIC POLITICAL DIMENSION.....	8
<i>Dmitriy V. Afonin</i>	
THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE LEVELS OF THE POLITICAL PROCESS	41
<i>Elena V. Brodovskaya, Kirill O. Appakov, Alexandra A. Valiakhmetova, Vadim S. Lopukhov</i>	
SOCIAL MEDIA ON ARMED ATTACKS ON EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA (2021–2024)	53
<i>Arina S. Devochkina</i>	
YOUTH POLICY STUDIES IN THE CONTEXT OF RENEWING THE RUSSIAN POLITICAL ELITE: RETROSPECTIVE OF RESEARCH	75
<i>Aslanbek K. Denikhanov</i>	
ON ISSUES AND IDENTITY OF THE RUSSIAN LIBERALISM (19TH – EARLY 20TH CENTURY)	88
<i>Vladimir Yu. Zorin, Maya A. Astvatsaturova, Mikhail A. Burda</i>	
MIGRATION PROCESSES IN MODERN RUSSIA: CURRENT POLICY AND MANAGEMENT REACTIONS.....	110
<i>Alexander P. Kochetkov</i>	
ON RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN THE CONTEXT OF A NEW POLITICAL REALITY	147
<i>Vladislav V. Pernikov</i>	
ON THE CONCEPTUAL BASIS OF TERRITORIAL BRANDING AS A STATE POLICY COMPONENT.....	150
<i>Vadim A. Podolskiy</i>	
19TH CENTURY POLITICAL PHILOSOPHY OF SOCIAL POLICY AS MEANS FOR CONFLICT RESOLUTION	166
<i>Narine T. Tovmasyan</i>	
HISTORIC MEMORY AND CIVIC IDENTITY DISCOURSES IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG YUGRA)	185

Alexandr A. Shirinyants	
M. P. POGODIN'S WORK ON TEACHING POLITICAL HISTORY AT THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY	203

PSYCHOLOGY

Valeriya D. Alperovich	
THE "WORLD' IMAGE", THE "SOCIAL WORLD' IMAGE", AND THE "SOCIAL WORLD' MODEL" IN RUSSIAN PSYCHOLOGY	217
Natalya V. Sidyacheva, Andrey S. Kopovoy	
RISKS OF GENERATIVE AI TECHNOLOGIES INTEGRATION INTO THE EDUCATIONAL SPACE	233

LINGUISTICS

Olga I. Maksimenko	
EVOLUTION OF DISSERTATION ACTIVITY IN LINGUISTICS IN RUSSIA.....	246
Zoya V. Mankovskaya	
INTEGRATION FEATURES OF PRECEDENT SCIENTIFIC TEXTS INTO AN INTRODUCTORY TEXT BLOCK.....	264
Irina N. Filippova	
INDIVIDUAL ORTHOEPIC MANNER IN FILM DUBBING	281

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Егоров Владимир Георгиевич

- e-mail: korrrka@mail.ru;
доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры политической экономии
и истории экономической науки;
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация;
профессор кафедры информационной аналитики
и политических технологий
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной
политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Егоров В. Г., Абрамов А. В. Государственный суверенитет Российской Федерации во внутриполитическом измерении // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 01.05.2025
- Статья размещена на сайте 12.11.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Суверенитет: теория и современная практика](#)

[Информационный суверенитет](#)

[Технологический суверенитет](#)

[Экономический суверенитет](#)

[Цивилизационно-культурный суверенитет](#)

[Военно-политический суверенитет](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности развития российского суверенитета в современных условиях, произвести внутриполитическое измерение данного феномена.

Процедуры и методы. На основании политологического анализа современной ситуации рассмотрена эволюция российского суверенитета, охарактеризованы его основные виды. Рассмотрен спектр мнений российских и зарубежных исследователей по проблемам современного состояния суверенитета в Российской Федерации.

Результаты. Показана сложность и структурированность суверенитета, выделены его виды, интегрированные в системную сущность его качества. Особое внимание в статье удалено инновационным чертам суверенитета, вызванным к жизни турбулентностью современного переходного этапа развития человечества. Анализ российского суверенитета дополнен характеристикой актуального политологического дискурса и его отражения в текущей российской повестке.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования представляют интерес для изучения современной российской политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

суверенитет, Российская Федерация, информационный суверенитет, технологический суверенитет, экономический суверенитет, цивилизационно-культурный суверенитет, военно-политический суверенитет

ВВЕДЕНИЕ

События, последовавшие за началом Специальной военной операции России на Украине, прежде всего введённый Западом в отношении нашей страны беспрецедентный санкционный режим, попытки отмены достижений российской культуры и спорта, информационная война и т. п., стимулировали интерес российских исследователей к проблеме государственного суверенитета. Исследования указанной темы, осуществлявшиеся ранее преимущественно во внешнеполитическом аспекте, претерпели существенные изменения. Внимание исследователей оказалось сосредоточено на исследовании внутриполитических вопросов, без решения которых в современных условиях невозможно сохранение самостоятельности государства [1; 6; 8; 15].

В соответствии с этим целью настоящего исследования является анализ актуальных политических вызовов и угроз, без ответа на которые невозможны проведение независимого внешнеполитического курса и самостоятельное позиционирование России на международной арене.

Методологической основой исследования выступают политологический анализ современной ситуации, через призму которого рассмотрена эволюция российского суверенитета и охарактеризованы его основные виды, а также анализ мнений российских и зарубежных исследователей по проблемам современного состояния суверенитета в Российской Федерации.

СУВЕРЕНИТЕТ: ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Одной из важнейших черт народа является его суверенная государственность. Статья 3 Конституции России называет многонациональный народ России «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации»¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 12.04.2025).

Для прояснения вопроса о народе как носителе суверенитета обратимся к этимологии и истории возникновения понятия. Широкое распространение слово «суверенитет» (от фр. *souveraineté* – верховная власть, верховенство, господство) получило благодаря труду «Шесть книг о государстве» французского юриста Ж. Бодена. Мыслитель выделял такие свойства суверенитета, как: 1. общественный и публичный характер (власть государства распространяется на всё общество и тем отличается, например, от власти в семье); 2. непрерывность (государственная власть функционирует постоянно, а не ограничена каким-либо временным сроком); 3. неограниченность (суверенная власть выше человеческих законов, поскольку сама является их источником); 4. единство и неделимость, обозначающие отсутствие над государственной властью какой-либо вышестоящей инстанции, а также запрет на дробление власти. Ж. Боден считал, что наилучшим образом способна обеспечить суверенитет только абсолютная монархия. Государство, где власть находится в руках небольшой социальной группы (аристократов) или народа, будет нестабильным из-за конфликтов среди правящих [9].

Иначе смотрел на вопрос о суверенитете французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо. Живший два века спустя, в эпоху, продемонстрировавшую все недостатки абсолютизма, мыслитель отрицательно относился к концентрации всей власти в руках монарха. Оппонируя Бодену, Руссо сформулировал теорию народного суверенитета. В сочинении «Об общественном договоре» французский философ выделил такое свойство суверенитета, как неотчуждаемость. Источником высшей власти, полагал Руссо, является общая воля народа, которая не может быть делегирована кому-либо. Только все граждане, а не отдельные должностные лица, избранные представители или специальные государственные учреждения должны издавать законы, выражющие общие интересы. Исполнителями принятых решений могут быть чиновники или государственные институты, но действовать они должны исключительно в интересах всего народа [7].

Широкое распространение теория народного суверенитета Руссо получила в эпоху Великой Французской революции, став основой многих революционных законов, в том числе и в «Декларации человека и гражданина» (1789 г.). Помимо констатации прав отдельной личности, документ указывал на народ как

единственный источник власти и определял государство как учреждение, установленное «в интересах всех, а не для частной пользы тех, кому она вверена»². Таким образом, права и обязанности каждого и интересы всего общества оказывались неразрывно связанными друг с другом.

Однако невозможность реализовать на практике идею Руссо о всеобщем народном законодательстве была очевидна уже в конце XVIII в. Таким образом, в последующую политическую практику была внедрена лишь часть доктрины Руссо – утверждение о народе как источнике суверенитета (высшей государственной власти). Реализовать задумку философа о всеобщем участии всех граждан в создании законов оказалось технически невозможно ни в одной стране мира.

Любопытно, что аналогом понятию «суверенитет» в России стала категория «самодержавие». Понятие появилось в документах в XV в., когда Русь избавилась от ордынского ига. Великий князь Московский из вассала и данника хана превратился в правителя, который отныне проводит самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику – «сам держит» государство или, говоря западным языком, становится сувереном. Иное значение – синоним неограниченной власти царя (императора) – понятие «самодержавие» приобрело значительно позднее [10].

Сложная структурированность современных государственных образований и их международного правового статуса, дополняемого гуманитарным содержанием, позволяет различать государственный, народный и национальный суверенитеты, видеть международное, внутриполитическое, региональное и даже индивидуальное измерения этого явления [6; 25].

Очевидно, что интересы общества и даже социально ориентированного государства совпадают далеко не полностью, а значит, и наполнение суверенитета в такой описательной оптике выглядит нетождественно. Аспект, связанный с суверенными правами народов и наций, неизбежно включает в проблематику суверенитета как демократии, если таковую понимать как движение к народовластию, народному самоопределению, федерализации и автономизации государственно-территориального устройства. В каждом из перечисленных аспектов обнаружится целый комплекс субсистем суверенитетов, каждая

² Декларация прав человека и гражданина. Ст. 12 // Дилетант: [сайт]. URL: <https://diletant.media/articles/37033615> (дата обращения: 12.01.2025).

из которых является элементом ёмкого понятия научной и политической категории – суверенитет.

Учитывая объективно складывающуюся ситуацию в современном западном мире, где происходит дифференциация сил, агрегирующих основные материальные ресурсы, и гражданского большинства, актуализируется внутреннее противоречие суверенитета. Народ всё более отчуждается от государства, выдавливающего его из публичного политического пространства. В этой связи ничего удивительного нет в том, что, согласно данным Института Гэллапа 2023 г., за свою страну готовы сражаться лишь 18% немцев, 19% бельгийцев и 15% граждан Нидерландов³.

Нарастающая напряжённость межэтнических противоречий в мире свидетельствует о значимости, деликатности и чрезвычайной сложности проблем федерализации и автономизации. Перекос в любую крайность ведёт к деструктивным последствиям.

Таким образом, динамика соотношения подсистем государственного, народного и национального суверенитетов не является проблемой тривиальной и обретает всё большую практическую сложность в современной общественной практике и политологической рефлексии.

Развитие суверенитета есть результат единства и борьбы двух противоположных тенденций: с одной стороны, укрепление автономии и независимости составляет жизненно важную сторону усиления государственности, с другой, дальнейшее нарастание мегатренд глобализации как объективного процесса вносит существенные изменения в его качественное содержание, учитывающее взаимосвязанность мира. Построение национального суверенитета в отрыве от обеспечения равных возможностей его укрепления другими государствами становится всё менее релевантным [21].

Представители западной неолиберальной мысли, абсолютизирующие лишь одну сторону противоречия – мировую тенденцию коннективности (связанности) власти мира, – считают, что традиционный институт суверенитета «размывается» [24]. Суверенитет становится мифом, дезавуирующими политическую реальность – структурирование глобального пространства вокруг центров мировой силы, фактически исключающее

³ Карта: Какой процент жителей европейских стран готов сражаться за Родину // Maxim: [сайт]. URL: www.maximonline.ru (дата обращения: 12.04.2025).

самостоятельность слабых «игроков» [19]. «Очевидно, – пишет Ф. Сниман, – что на международном уровне наблюдается значительный отход от классической идеи суверенитета как абсолютной и неограниченной. Однако эта эволюция всё ещё продолжается, и её конечным результатом может стать полный упадок национального государства в том виде, в каком мы его знаем сегодня» [24, р. 28].

Позитивно оценивают «конец суверенитета» сторонники теории постмодерна. По их мнению, приближающийся «конец истории» и универсализация глобального пространства как мира, «состоящего из либеральных демократий», ведут к ликвидации международных конфликтов и национальных суверенитетов, на смену которым приходит становление «суверенной власти в глобальном масштабе» [12; 20].

Итак, подведём некоторые итоги. Во-первых, находящийся в развитии феномен суверенитета, зародившийся и развивавшийся как неотъемлемая сущность национального государства, подвергается влиянию тех же вызовов и новаций, что и «материнская» полития. Процессы глобализации размыают государственный суверенитет «малых» стран и усиливают полномочия центров мировой силы.

Во-вторых, дискуссия о суверенитете поставила перед исследователями важный вопрос о соотношении понятий «народный» и «государственный суверенитет». Эти категории не противоположны друг другу, но и не тождественны. В идеале государство выступает формой организации народной жизни, через него народный суверенитет находит своё практическое воплощение. Учреждённые народом органы государственной власти предпринимают конкретные действия, направленные на достижение общих интересов всех граждан. Собственно, в обеспечении всеобщего блага народа и заключается главная функция государства. «Власть... – писал об этом известный российский мыслитель конца XIX – начала XX вв. Л. А. Тихомиров, – порождается общественными силами, стало быть, в известном смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать» [11, с. 245].

В-третьих, государственный суверенитет имеет внутреннее и внешнее измерения. В первом случае речь идёт о проведении внутренней политики в интересах народа. Внешнее измерение суверенитета обозначает уважение права на проведение самостоятельной политики со стороны других государств, реали-

зацию принципа невмешательства одного государства в дела другого. Резюмируя вышеизложенное, можно определить суверенитет как способность народа через государство проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, обеспечивая целостность и неприкосновенность своей территории.

В-четвёртых, в современных условиях материальными основаниями государственного суверенитета служат территория, природные богатства страны, человеческие ресурсы, в совокупности обеспечивающие определённый уровень экономического и военно-политического развития. Большое значение имеют и нематериальные факторы: устойчивость политической системы, способность государства обеспечивать безопасность и правопорядок, сохранять культурно-цивилизационную самобытность народа и др.

В условиях беспрецедентных экономических санкций и внешнеполитического давления на Россию со стороны колективного Запада вопрос о государственном суверенитете нашей страны получил особую значимость, что актуализирует вопросы обеспечения права российского народа на самостоятельную жизнь и деятельность, т. е. экономический, технологический, военно-политический, информационный, цивилизационно-культурный и другие виды суверенитета.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Глобализация мирового пространства, нарастающая по мере перехода человечества в эпоху постмодерна, актуализирует целый ряд проблем, подвергающих «испытанию» незыблемость представления о суверенитете. Во-первых, и это главное, информация, приходящая на смену материальным активам, в качестве основного источника развития легко преодолевает трансграничные препятствия и повышает, выражаясь словами П. Ханны, «коннективность» современного мира [13]. Всеобщая природа информации является серьёзным вызовом одному из «столпов» суверенитета – незыблемости государственных границ и создаёт всё более очевидные риски для верховенства политической власти.

Информация и совершенные технологии её распространения становятся фактором социально-политической консолидации, сила которого не уступает, а по большей части превосходит эффективность традиционных форм сотрудничества:

союзов, альянсов, партий. Не в полной мере контролируемая властью, информация способна активно влиять, в том числе деструктивно, на все институты государственности.

Именно поэтому в научный оборот вполне оправданно входит концепция информационного суверенитета [1]. В отечественной политологии утверждается определение, согласно которому информационный суверенитет есть способность государства генерировать, распределять, контролировать потребление и использовать информацию в национальных интересах как ресурс политического влияния.

В силу всеобщности природы информационной составляющей этот суверенитет реализуется особенно сложно. В России суверенитет этой важной сферы обеспечивается комплексом законодательных актов⁴.

В теоретическом плане проблема концептуализации суверенитета в информационной пространстве связана с трудностями, проистекающими от невозможности его локализации на внешнее и внутреннее.

Отсутствие непосредственной связи информации с естественно-географической средой затрудняет определение пространства обеспечения суверенитета. Так, достижение информационной безопасности России предполагает купирование не только негативного влияния внутри страны, но и трансграничного потока информации, направленного на дестабилизацию ситуации в стране.

Другим важным аспектом проблемы является сама процедура властовования в информационной сфере, или содержание

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#nra=58851> (дата обращения: 24.04.2025); Внесённые Правительством Российской Федерации 06.12.2016 проекты федеральных законов: №47571-7 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/{Spravka}&OpenAgent&RN=47579-7> (дата обращения: 24.04.2025); №47579-7 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/{Spravka}&OpenAgent&RN=47579-7> (дата обращения: 24.04.2025); №47591-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <https://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/{Spravka}&OpenAgent&RN=47591-7> (дата обращения: 24.04.2025).

деятельности власти, обеспечивающей суверенитет. Как показывает опыт, методы, ограничивающие потоки информации, малоэффективны и должны сопровождаться деятельностью государственных структур по обретению субъектности в информационном пространстве и распространению влияния внутри его пределов.

В силу инновационной природы информации «независимость» как атрибут суверенности не может трактоваться абсолютно в силу того, что коммуникационная связанность мира приобрела устойчивый и необратимый характер. Помимо этого, накопление информации является важным ресурсом развития. Неслучайно в этой связи отмечается различие в отношении информационных потоков, поступающих извне развивающихся и развитых стран. Если развивающиеся государства сосредоточены на ограничении потоков информации в целях обеспечения национальной безопасности, то развитые, напротив, проявляют заинтересованность в их расширении [17, р. 267]. Отмеченное противоречие характерно для научной дискуссии относительно конструктивности интернета, являющегося, как известно, технологией, контролируемой США. В представлении западных политологов, опасения, связанные с распространением интернета, характерны исключительно для представителей «авторитарных режимов». Однако на самом деле такие утверждения не имеют адекватного основания и не согласуются с требованием авторитетных специалистов перевести интернет в международную юрисдикцию [22; 23].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Не менее важным условием современности, наполняющим новеллой традиционное содержание суверенитета, становится императив нового технологического уклада, достижение которого есть наряду с необходимостью решения проблемы национального экономического развития веление времени, связанное по большому счёту с выживанием человечества. В рамках существующего технологического уклада планетарная цивилизация движется к тупику, достижение которого будет сопровождаться политическими и социально-экономическими катаклизмами, способными если не уничтожить человечество, то отбросить его назад в своём развитии.

Очевидно, что страны, не обладающие возможностью интегрироваться в грядущий технологический мейнстрим, будут вынуждены обеспечивать своё существование, добровольно интегрируясь в альянсы с носителями научно-технического прогресса, жертвуя или делегируя им часть своего суверенитета. По данным ЮНКТАД, совокупная рыночная стоимость инновационных технологий в мире в 2020 г. составила 1,5 трлн долл. США, а к 2030 г. достигнет 9,5 трлн долл. США⁵.

Российским Агентством стратегических инициатив дано определение технологического суверенитета как «способности страны разрабатывать и применять критически важные технологии для обеспечения независимости и конкурентоспособности производства продуктов в ключевых сферах деятельности общества и государства»⁶.

Более разёрнутое определение понятия содержит «Концепция технологического развития на период до 2030 года», в которой под таковым понимается «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»⁷.

Дополнительно к сформулированному содержанию в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в определении технологического суверенитета сделан акцент на способности создания и применения научёмких и критически важных для обеспечения независимости страны технологий⁸.

Определение приоритетных направлений технологического развития России осуществляется в соответствии с принципа-

⁵ Доклад о технологиях и инновациях за 2023 год // ЮНКТАД: [сайт]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2023overview_ru.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

⁶ Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://ts.nti2035.ru> (дата обращения: 11.04.2025).

⁷ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 №145) // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353> (дата обращения: 07.04.2025).

⁸ Проект Федерального закона №632206-8 «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84799.html> (дата обращения: 27.04.2025).

ми, учитывающими удовлетворение жизненно важных потребностей населения, задачи страны и государства, перспективы общественного развития и обеспечение национальных интересов в мире. Согласно Постановлению Правительства от 15 апреля 2023 г., в качестве приоритетных намечены 13 технологических направлений: «авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, специализированное машиностроение, станкоинструментальная промышленность, судостроение, фармацевтика, химическая промышленность, электроника и энергетика»⁹.

Намеченные векторы приоритетного технологического развития ориентированы на реализацию четырёх главных целеполаганий: народосбережение, преодоление территориальной разобщённости страны, обеспечение экономического развития и комфортности жизнедеятельности в суровых климатических условиях (2/3 территории России находится в зоне вечной мерзлоты), независимость и конкурентоспособность российской экономики.

С 2011 по 2022 гг. в России использование передовых производственных технологий суммарно выросло на 40%. Однако на протяжении указанного периода уровень использования таких технологий оставался стабильным и составлял только третью часть общего объёма [15, с. 13].

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Суть экономического суверенитета в обобщённом толковании сводится к обеспечению материальной возможности осуществления власти в пределах государственной границы и независимой внешней политики.

Экономический суверенитет Российской Федерации реализуется посредством нескольких принципов: независимости федерального центра от субъектов федерации в формировании государственного бюджета и его распределении, самостоятельности формирования фискальной политики, суверенитета над природными ресурсами, разграничения предметов

⁹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 №603 // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/48272> (дата обращения: 11.04.2025).

ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, субсидиарности решения федеральным центром только вопросов, которые не могут быть решены субъектами РФ¹⁰.

Обеспечение экономического суверенитета как основы государственной власти являлось центральной проблемой, начиная с правителей формирующегося с XV в. централизованного Московского государства. Великий князь Иван III, освобождавший страну от бремени уплаты дани ордынским ханам, царь Иван Грозный, подчинивший Москве лоскунные суверенитеты вотчинников и пополнивший казну ясаком с бывших «диких степей», внесли свою лепту в формирование экономического суверенитета. По мере становления и развития российской государственности нарастало противодействие в выстраивании её суверенности. Так, «политический заказ» польского короля Стефана Батория, направленный против стремления Ивана Грозного обеспечить безопасность западных рубежей страны и выход к Балтийскому побережью, сплотил европейскую антироссийскую коалицию в Ливонской войне [14].

Политический кризис XVII в. в России инициировал появление сонма «желающих» поживиться за счёт российского достояния. События Смутного времени, и в том числе разграбление государственной казны поляками в 1610–1612 гг., поставили суверенитет Московского государства под большое сомнение [5].

В отличие от Запада, российская модернизация осуществлялась по инициативе государства, в интересах государства и имела целью укрепление традиционной государственности. Периодически всплывающее в научной литературе её определение как «догоняющей» в действительности не отражает сущности этого явления. Проблема релевантной оценки российской модернизации заключается далеко не в том, чтобы констатировать отставание процесса индустриализации, но в определении его сущностных черт и целеполагания, ориентированного, кстати говоря, на укрепление экономического суверенитета традиционного государственного устройства, а не на становление буржуазных отношений, как это было на Западе.

¹⁰ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2000 №118-О, от 08.06.2000 №165-О, от 19.05.2009 №596-О-О, от 19.01.2010 №87-О-О, от 12.05.2011 №737-О-О, от 05.07.2011 №924-О-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 №20-П; Определения Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 №1447-О-О, от 17.11.2011 №1621-О-О.

Свои революционные преобразования, оцениваемые отечественными историками как первый шаг по пути модернизации, Пётр I осуществлял в рамках незыблемых феодально-крепостнических отношений, а не посредством предпринимательской инициативы. Именно достижение экономического суверенитета являлось главным двигателем петровских преобразований.

Рыночная неадаптивность созданной в России промышленности стала причиной возврата от рынка к государственно-административным методам управления хозяйством при регенерации экономического суверенитета в 1920-е гг.

Советская модернизация, осуществлявшаяся средствами государственного администрирования в ходе политического курса на индустриализацию, имела те же цели укрепления экономического суверенитета, что и петровские преобразования. Директивы XV съезда ВКП(б), провозглашавшего грандиозные задачи промышленного перевооружения страны, явственно свидетельствовали о планах укрепления экономического суверенитета советского государства: «В соответствии с политикой индустриализации страны в первую очередь должно быть усилено производство средств производства, с тем, чтобы рост тяжёлой и лёгкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, то есть предъявляемый с их стороны производственный спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР. Наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжёлой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и колlettivизации хозяйства. Поэтому особое внимание должно быть обращено на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие чёрной и цветной металлургии, в особенности в части качественных металлов, развитие химических производств, в особенности в части производства искусственных удобрений, дальнейшее развёртывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, судостроения, электропромышленности, золото-платиновой промышленности»¹¹.

¹¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 2 декабря – 19 декабря 1927 г. Стенографический отчёт. II. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 1250.

Мобилизационные принципы управления экономикой позволили в исторически короткий срок создать военный потенциал, ставший материальной основой Победы в Великой Отечественной войне.

Приоритет обеспечения экономического суверенитета являлся основным в реализации советских мегапроектов: освоения целины, развития атомной отрасли, большой космической программы, строительства БАМа, подъёма Нечерноземья.

Распад Советского Союза нанёс сокрушительный ущерб экономическому суверенитету России. Мало того, внутри Российской Федерации возникали «малые суверенитеты» как реакция на призыв Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина «брать столько суверенитета, сколько сможете проглотить»¹². Реальный ВВП России в 1995 г. составил 55% от уровня 1985 г.¹³. За 1990–1999 гг. спад промышленного производства составил 56%, сельского хозяйства – 42%. Гособоронзаказ сокращался ежегодно на 50–60%. Общее падение производства в ОПК к 1998 г. характеризовалось показателем в 80%. Оборонные предприятия в 1990-е гг. лишились 2,5 млн работников¹⁴. По поводу суверенитета России этого периода глава государства В. В. Путин заявил: «Россия была в достаточно слабом состоянии. Была зависима от различного рода финансовых инструментов и механизмов, от политических, внутриполитических. В этом смысле можно с сожалением констатировать, что Россия на тот момент утратила значительную часть своего суверенитета»¹⁵.

Лишь к середине первого десятилетия нынешнего столетия состояние экономики позволило приступить к решению задач дальнейшего развития страны. О Программе (2006–2018 гг.) по росту «человеческого капитала» было объявлено 5 сентября 2005 г., а Указ «О национальных целях и стратегических зада-

¹² Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Ельцин Центр: [сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit> (дата обращения: 07.03.2025).

¹³ UNDP. UNDP poverty report, 1998: – UNDP, 1998. UNDP. UNDP poverty report, 2000: – UNDP, 2000.

¹⁴ Россия в 90-е: «оборонка» в глубоком кризисе // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20093085> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁵ Россия в 90-е годы утратила часть суверенитета, заявил Путин // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20211212/rossiya-1763349361.html> (дата обращения: 09.04.2025).

чах развития Российской Федерации на период до 2024 года» вступил в силу с 7 мая 2018 г.¹⁶.

Достижение экономического суверенитета России, пожалуй, с самых ранних этапов государственности было ориентировано на обеспечение национальной безопасности и укрепление обороноспособности. Учитывая остроту проблемы депопуляции населения, впервые в рамках основных программ развития страны были включены проекты, прямо предусматривающие меры, направленные на народосбережение.

В соответствии с Указом Президента России 21 октября 2005 г. был образован Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов (и демографии – в редакции 2006 г.)¹⁷. Приоритетные национальные проекты включали три направления: «Здоровье», «Образование», «Жильё». В соответствии с поставленными задачами на реализацию проектов в бюджете 2006 г. было выделено 134,5 млрд руб. (на здравоохранение – 62,6 млрд руб., образование – 30,8 млрд руб., доступное жильё – 21,9 млрд руб.)¹⁸.

По истечении срока реализации до 2018 г. нацпроектов 7 мая 2018 г. Президент В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», значительно расширивший спектр стратегических целей развития страны.

Национальные цели развития были определены по трём направлениям: «Человеческий капитал», дополненное помимо «Здравоохранения» и «Образования» разделами «Демография» и «Культура»; «Комфортная среда для жизни», содержащее «Безопасные качественные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология»; и программы «Экономического роста», включавшие «Туризм и индустрию гостеприимства», «Науку», «Малое и среднее предпринимательство», «Цифровую экономику», «Производительность труда и поддержку занятости», «Международную кооперацию и экспорт», а также «Комплекс-

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2005 №1226 (в ред. 2010 г.; утратил силу) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22966> (дата обращения: 11.04.2025); Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2005 №1226 (без редакций, утратил силу) // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/6194540> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁸ На реализацию четырёх нацпроектов в бюджете 2006 г. было заложено 116 млрд руб.

ный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Отдельные виды суверенитета находятся в интерактивной связи, обусловливают статусность и глубину друг друга, составляя, во-первых, целокупность государственного суверенитета, во-вторых, своей неразрывностью и взаимовлиянием создавая системное качество, не сводимое к их простому сложению. Так, созданный для укрепления экономического суверенитета Европейский союз, достигший значительных результатов в этом направлении, оказался в затруднительном положении в плане обеспечения военно-политического суверенитета после ревизии президентом США Д. Трампом курса на евроатлантическое единство. Попытка сохранить американские гарантии безопасности заставляют европейские страны идти на уступки США в тарифной «войне», приносящей большие издержки [18].

По этому поводу М. М. Эспиноза пишет: «Стратегическая автономия обеспечивает убедительные основания решения проблемы снижения зависимости от внешних сил в таких критически важных секторах, как энергетика, оборона и технологии, и позволяет ЕС укрепить свою способность действовать независимо в глобальных отношениях» [18, р. 8].

Яркой чертой современности, характеризующейся обострением конкуренции за ресурсы, неизбежной в эпоху «позднего модерна» и вносящей свой «вклад» в обновление казавшегося незыблемым облика суверенитета, стало новое «издание» протекционизма.

Либеральный порядок рыночного доминирования, появившийся с индустриальной социально-экономической системой, начиная с провозглашения А. Смита всемогущества «невидимой руки» аксиомой, в актуальной реальности испытывает депривацию. Возникшие в результате оптимизации «относительных затрат» (Д. Рикардо) цепочки производства и поставок, способствовавшие развитию мировой экономической системы, в которой все страны занимали определённые естественными условиями места и роли, разрушаются.

В условиях смены парадигмы цивилизационного развития и роста конкуренции центров мировой силы происходит регенерация доминирующей роли политики, в том числе, в экономике. Политическая конкуренция вновь активно осваивает глобальное экономическое пространство. Западные политические элиты, взросшие на постулатах неприкосновенности ры-

ночных принципов, становятся инициаторами их разрушения. На 1 марта 2025 г. только в отношении России, Ирана, Сирии, КНДР, Мьянмы, Беларуси, Венесуэлы введено почти 38 тыс. рескрипций. Среди стран, подвергшихся санкционным ограничениям, Россия занимает первое место (24387 санкций)¹⁹.

Перенесение политического противоборства в экономическую сферу породило встречную инициацию деятельности государств, обеспечивающую хозяйственную независимость, даже вопреки избыточным тратам ресурсов и трудовых сил. И в прежние времена страны, в полной мере не обладающие всей полнотой материального основания своей государственности, стремились к его формированию, не считаясь с затратами, но в современных условиях материальная состоятельность стала обязательным атрибутом экономического суверенитета.

Надежды обрушить экономику России введёнными недружественными странами рескрипциями казались небезосновательными²⁰. На момент их введения (2014 г.) зависимость от импорта составляла в станкостроении – 90%, электронике – 85%, машиностроении для пищевой промышленности – 75%, тяжёлом машиностроении – 70%, медицинской промышленности – 70%, в ИТ и программном обеспечении – 68%, фармацевтике – 65% [8, с. 234]. Однако сегодня можно уверенно констатировать, что ужесточение санкций не только не нанесло «сокрушительного» урона, но, напротив, стимулировало экономическое развитие России и укрепление её суверенитета. К 2023 г. политика импортозамещения принесла ощутимые результаты. Доля несырьевого импорта в конечной продукции превысила 30%-ный барьер лишь в производстве автомобилей, а в информационно-технологической отрасли этот показатель снизился ниже десятипроцентной отметки [3]. Как бы это ни представлялось парадоксальным, санкции стали катализатором развития российской экономики.

Новое звучание в современной реальности получил всегда считавшийся частью традиционной составляющей экономического *финансовый суверенитет*.

С конца XV в., когда в общественной практике и общественном сознании доминировал меркантилизм²¹, под финансовым

¹⁹ Количество наложенных санкций к 2025 г. см.: Statebase [Электронный ресурс]. URL: www.statbase.ru (дата обращения: 11.04.2025).

²⁰ Выступая в Конгрессе 20 января 2015 г., Президент США Б. Обама говорил об «изоляции России и её экономике, разорванной в клочья».

²¹ Совокупность представлений, определявших политику государств, обеспечивающую активный торговый баланс и приток драгоценных металлов в национальную экономику.

суверенитетом понималась способность обеспечить устойчивость финансовой системы в интересах национальной экономики и государства. С тех пор ситуация в глобальной экономике изменилась кардинально. Финансовый капитал, преобладающий в эпоху позднего модерна, стремящийся к безграничному, надсуверенному обороту, выходит за пределы реального сектора общественного хозяйства и создаёт виртуальный, постоянно расширяющийся «навес», грозящий обрушить глобальную экономику. Номинированный в резервных валютах и пополняемый деривативами финансовый «пузырь» слабо контролируется национальными властными структурами и создаёт существенные риски, влияя на курсы валют, уровень инфляции и кредитно-денежную систему стран.

Финансиализация мирового капитализма породила финансовый суверенитет. По определению Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной, под таковым понимается *устойчивость национальной финансовой системы к «внешним шокам», обеспечивающая независимой денежно-кредитной политикой²²*. Общее понятие Конституционный Суд России дополнил категориями *фискальный суверенитет²³ и налоговый суверенитет²⁴*.

С целью минимизации финансовой зависимости страны от влияния извне Банком России осуществляется целый ряд мер. Прежде всего контролируются масштабы финансовых активов, номинированных в валютах недружественных стран, в резервах страны. С этой целью действуют введённые им «Обязательные резервные требования»²⁵.

В 2022 г. россияне сократили свои сбережения в иностранной валюте почти вдвое (до эквивалента 3,8 трлн руб.)²⁶. В этом же году Фонд национального благосостояния был максимально «очищен» от недружественных валют. Уже к июлю 2022 г. доля доллара была снижена с 35% до 0%, фунта стерлингов – с 10% до 5%, доля японской иены осталась на минимальном

²² Эльвира Набиуллина объяснила финансовый суверенитет России // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941603> (дата обращения: 12.04.2025).

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 №1572-О-О.

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 №757-О-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 №16-П.

²⁵ Обязательные резервные требования // Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/explan/oper_br/reserve_requirements (дата обращения: 22.04.2025).

²⁶ Russia Targets Currencies of Unfriendly Countries by Raising // Bloomberg: [сайт]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-15/ukraine-russia-breakthrough-hopes-fade-as-nato-diplomats-meet> (дата обращения: 12.04.2025).

уровне 4,7%. Сохраняющееся незначительное пространство токо-варообмена с ЕС обусловило некоторое увеличение удельного веса евро (с 35% до 39,7%)²⁷.

Активно вытесняются недружественные валюты из внешнеторгового оборота страны (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1.

Валютная структура расчётов Российской Федерации за экспорт и импорт товаров и услуг (со всеми странами, %) / Settlement Currency Structure of Russian Federation for the export and import of goods and services (with all countries, %)

	2021 г.		2022 г.		2023 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Российский рубль	14,4	28,2	27,7	28,0	39,1	29,9
Валюты дружественных стран	1,0	4,2	8,5	15,4	29,2	35,6
Валюты недружественных стран	84,6	67,6	63,8	56,6	31,8	34,5

Источник: Годовой отчёт Банка России за 2023 г. С 212.

В 2025 г. внешний долг России опустился ниже отметки в 300 млрд долл. США, минимальной за последние 18 лет²⁸.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Цивилизационная катастрофа, связанная с развалом альтернативной Западу советской социальной системы, породила ложное представление об универсализации мирового пространства. Провозглашённый Ф. Фукуямори «конец истории» послужил началом агрессивной экспансии либерально-демократических принципов общежития. Понимая пагубность либерально-демократической экспансии, госсекретарь США

²⁷ ФНБ избавляют от «недружественных» валют: чем теперь заполнят «кубышку» // News.ru: [сайт]. URL: <https://news.ru/economics/fnb-izbavlyayut-ot-nedruzhestvennyh-valyut-chem-teper-zapolnyat-kubyshku> (дата обращения: 27.04.2025).

²⁸ Агасиева Т. Внешний долг РФ сократился до минимума за 18 лет // Известия. 2025. 13 мая.

М. Рубио заявил, что «внешнюю политику, подчинённую национальному интересу, можно заменить той, которая обслуживает «либеральный мировой порядок», было не просто фантазией, но опасным заблуждением»²⁹.

Абсолютизация интересов личности привела к попранию традиционных социальных институтов, а навязанные западные шаблоны общества потребления привели к господству легковесных, а зачастую и вредных предпочтений массовой культуры. Потоки «вестернизации» создали реальную угрозу поглощения культурной самобытности незападных социумов.

Наносимый ущерб социокультурной идентичности, превращаемый (не всегда мирными средствами) универсализм был направлен на размытие естественных духовных скреп и патриотизма народов мира. Осознав пагубность следования стратегии общественного развития, навязанной Западом, большая часть мирового сообщества проявила политическую волю в отстаивании права на самобытное развитие, давшую основание актуальной коннотации суверенитета, связанной с сохранением национальной культурной идентичности, т. е. цивилизационно-культурному суверенитету.

Современные политологи отмечают, что даже «малые» государства, не обладающие достаточным потенциалом обеспечения экономического и военно-политического суверенитета и часто добровольно делегирующие его центрам мировой силы, тем не менее стремятся сохранить свою культурно-цивилизационную самость. «Когда угрозы суверенитету ставят под сомнение культурную идентичность, малые государства нарушают свои обязательства в альянсе, и тратят значительные ресурсы на безопасность, даже если они не могут обеспечить самодостаточность» [16].

В силу обострения международной политической ситуации, связанной с угрозой национальной безопасности, для России проблема сохранения самобытности и социокультурной идентичности приобрела жизненно важное значение и закономерно обусловила её лидирующее место в отстаивании новой архитектуры миропорядка, основанного на равноправии и уважении к самобытному развитию всех стран мира.

²⁹Rubio M. Secretary-Designate Marco Rubio SFRC Confirmation Hearing. Opening Remarks [Электронный ресурс] // United States Senate Committee on Foreign Relations. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/6df93f4b-a83c-89ac-0fac-9b586715af8d/011525_Rubio_Testimony.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

Стремление к отстаиванию фундаментальных основ Российской цивилизации нашло воплощение в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей», в котором к традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Традиционными объявлены высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Традиционные ценности рассматриваются как основа общества; их сохранение, укрепление и защита являются стратегическим национальным приоритетом³⁰.

Необходимыми скрепами российского общества в указе определены традиционные религии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм, – «являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия». Важно отметить, что, в отличие от других видов суверенитета, суверенитет идентичности не является результатом исключительно политики государства, хотя и обеспечивает стабильность последнего. Наполнение его содержания обусловлено историко-культурным контекстом, формирующим на протяжении длительного периода исторического пути единство нации, народа и структурные «скрепы», тесно связанные с осевыми императивами, обеспечивающими консолидацию этнокультурных и национальных сообществ.

В сложносоставных государственных образованиях, включающих многоэтничное и многоконфессиональное население, совпадение нарративов, определяющих единый этос, представляется жизненно важным императивом. Поддержание «сообщества» с разными или противоположными социокультурными ориентирами исключительно политическими средствами, как правило, не приводит к конструктивному результату. В этой связи совсем не случайно постсоветские центральноазиатские республики после распада СССР ориентирова-

³⁰Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.04.2025).

лись на сохранение традиционных тесных связей с Россией, а республики Прибалтики взяли курс на интеграцию в ЕС, более того, в настоящее время проявляют ничем не оправданную агрессивность в отношении нашей страны. Очевидно, что отмеченная разность социетальных оснований являлась глубинной «корневой» причиной современного кризиса на Украине.

Однако было бы явным упрощением представлять политический фактор (в том числе инициируемый извне) совершенно не действенным и не влияющим на условия формирования социокультурной идентичности. Острые события мировой политики говорят об обратном. В актуальной политической реальности стало обычным деление общества, например, на вестернизированную молодёжь, активно обрабатываемую внешними силами посредством сети неправительственных организаций, и на большинство народа, придерживающегося традиционных ценностей.

Архитекторы переформатирования общественного сознания обратили внимание на эффективный механизм влияния, особенно на молодёжь, историческую память, искажение которой способствует формированию «заданных» жизненных ориентиров.

Таким образом, цивилизационно-культурный суверенитет есть сложный феномен, обусловленный как объективными, так и субъективными факторами, и представляет собой способность государства определить и сохранить традиционные культурные ценности, способствующие интеграции социума и сохранению цивилизационной специфики страны.

Релевантность ориентиров российской власти в этой сфере хорошо иллюстрируют данные социологических исследований.

Согласно данным опроса ВЦИОМ 2023 г., из множества ценностей россияне выделили (по мере значимости) семью (45%), патриотизм (23%), гуманность (17%), национальную культуру и религию (10%)³¹.

Данные ВЦИОМ подтверждаются и другими социологическими службами. Согласно проведённым опросам, большая часть российского населения (88%) считает себя приверженцами традиционных ценностей: доверяют государству, признают авторитет старших, ставят интересы окружающих выше

³¹ ВЦИОМ. Новости: Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 14.04.2025).

собственных, стремятся знать историю своей семьи, страны, считают воинский долг обязательным для мужчин, осуждают сексуальные отклонения, уважают труд (рис. 1).

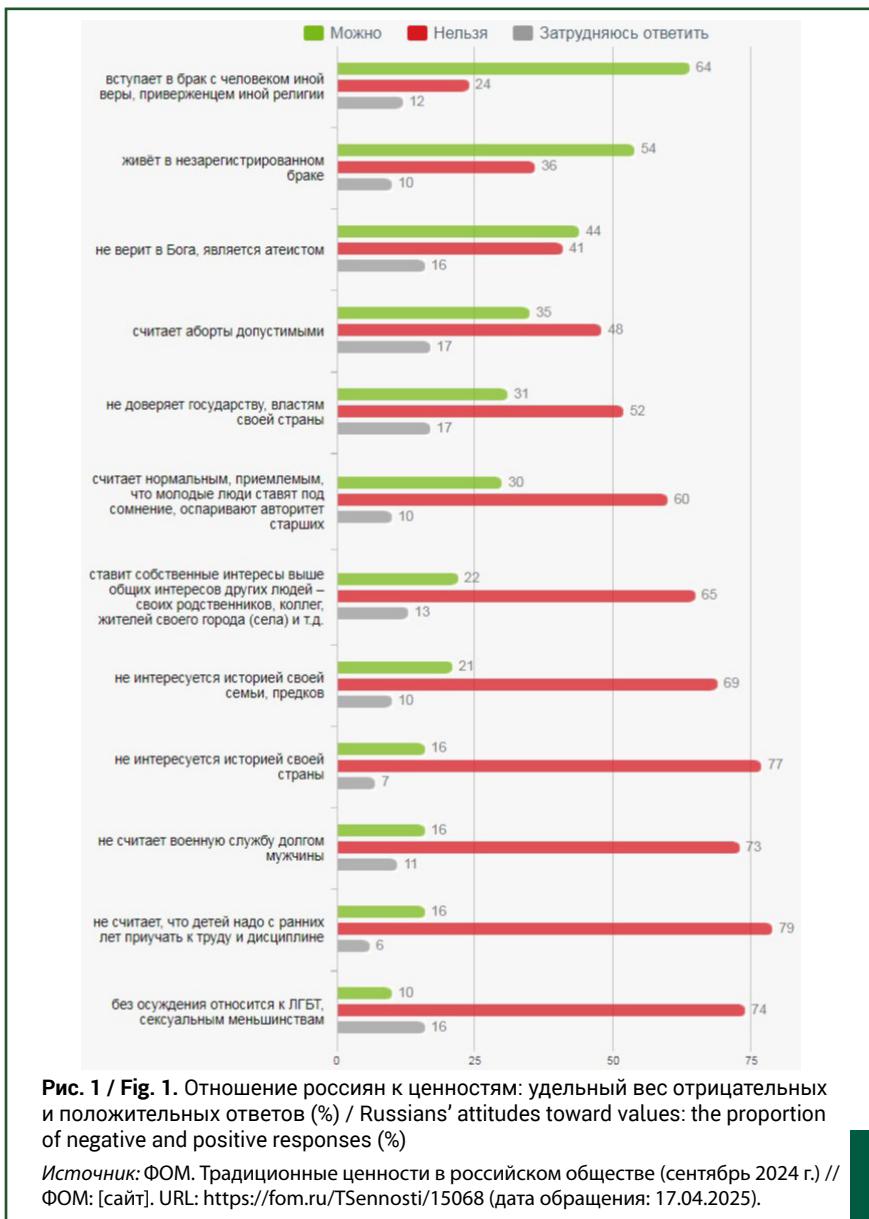

Рис. 1 / Fig. 1. Отношение россиян к ценностям: удельный вес отрицательных и положительных ответов (%) / Russians' attitudes toward values: the proportion of negative and positive responses (%)

Источник: ФОМ. Традиционные ценности в российском обществе (сентябрь 2024 г.) // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 17.04.2025).

Анализ социологических данных позволяет сделать вывод, что практически половина россиян считает необходимой активную государственную политику по сохранению традиционных ценностей. При этом четвёртая часть принявших участие в опросе считают, что нынешние усилия государства в этом направлении недостаточны³². Несмотря на недостаточную удовлетворённость государственной политикой, таковая уже даёт свои результаты, о чём говорят материалы социологического опроса 4700 подростков (14–17 лет), проведённого в семи субъектах Российской Федерации. В качестве ценностных ориентиров 43,9% молодых людей отметили «патриотизм», 43,1% – «познания», 41,6% – «труд», 34,8% – «гражданственность». 74,1% считают, что «Отечество – малая и большая Родина, которая завещана предками и которую нужно оберегать» [4].

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Сохраняют своё значение и даже набирают более весомое содержание традиционные составляющие суверенитета: оборонная, обеспечивающая национальную безопасность, и экономическая, являющаяся материальным фундаментом собственно властовования. Ещё классик кратологии Берtrand де Жувенель говорил о материальной состоятельности власти как условии её «естественного возрастаия» [2].

В силу исторических и естественных обстоятельств (наличия природных ресурсов, большого транзитного потенциала и др.) Россия с самых ранних этапов своего существования была вынуждена укреплять обороноспособность и развивать экономику, обеспечивающую нерушимость государства. Надежды на ослабление военно-политического давления на нашу страну в связи с падением «железного занавеса», знаменовавшего непримиримый идеологический раздел мира, не оправдались. Включение в состав Североатлантического альянса стран Восточной Европы и агрессия НАТО 1999 г. против Югославии окончательно развеяли «миф» о миролюбии и добрососедских отношениях с Западом, что потребовало, несмотря на катастрофическое внутреннее положение, огромных усилий Российской Федерации по восстановлению разрушенной в 1990-е гг. обороноспособности страны.

³² ФОМ. Традиционные ценности в российском обществе (сентябрь 2024 г.) // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 17.04.2025).

Военно-политический суверенитет государства в современных официальных документах трактуется как создание научных, технических и технологических компетенций, способных обеспечить безопасность страны при возникновении внешних угроз³³.

В современных условиях «пересборки» нового миропорядка и геополитической «турбулентности» укрепление военно-политического суверенитета для сохранения независимого развития России возрастает. Планетарные военные расходы в 2024 г. увеличились на 9,4% и на 37% за последнее десятилетие. На каждого жителя планеты приходятся рекордные 334 долл. США военных расходов, а доля обороны в мировом ВВП поднялась до 2,5%. Наша страна также вынуждена обременять себя значительными расходами на обеспечение обороны. Военный бюджет РФ по величине занимает третью строчку в мировом рейтинге (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2.

**Военные бюджеты крупнейших мировых держав /
 Military budgets of the world's largest powers**

Страна	Размер военного бюджета (млрд долл.)	Приоритеты военного бюджета
США	997	Модернизация ядерного оружия, F-35, новые корабли, военная поддержка Украины и Израиля
Китай	314	Сверхзвуковые ракеты, новые стелсистребители, дроны, рост ядерных сил
Россия	149	Производство ракет и танков, поддержка армии
Германия	88,5	Закупки F-35, производство Leopard 2A8, системы ПВО IRIS-T

Источник: Составлено по: SIPRI YEARBOOK 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2024> (дата обращения: 11.04.2025).

³³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.04.2025); Указ Президента от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.04.2025).

Обеспечение национальной безопасности России военными средствами – жизненно важная функция государства, о чём свидетельствует нагнетание угроз и рисков в непосредственной близости от её границ. Только с начала 2025 г. объединённые силы НАТО провели: 3 операции воздушных сил, 3 морских учения и 8 сухопутных учений. НАТО не просто «повышает боеготовность». Альянс моделирует полномасштабный конфликт на восточном фланге, отрабатывая переброску войск, авиацию, командные пункты, кибервойну и даже РХБзащиту. Всё это – в рамках новых региональных планов, принятых после саммита НАТО в Вильнюсе. Цель очевидна: военное противостояние с Россией.

Париж с 22 по 30 апреля 2025 г. развернул крупнейшую за последние годы операцию «Pegase Grand Nord 25», не скрывая, что работает по реальным сценариям ядерного «сдерживания» против России, в которой задействованы шесть истребителей Rafale (в т. ч. ядерные носители ASMP), A330 MRTT, три A400M Atlas³⁴.

В данных условиях Россия вынуждена поддерживать высокий уровень боеготовности, обеспечивать свой военно-политический суверенитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суверенитет как неотъемлемый атрибут современного государства постоянно наполняется новым внешнеполитическим и внутриполитическим контентом, что, безусловно, свидетельствует об исторической неисчерпанности значения этого феномена и нерелевантности предположений о якобы объективизирующемся мегатренде универсализации глобального цивилизационного пространства, неизбежно стирающего государственные границы и культурное разнообразие.

В этом смысле и суверенитет Российского государства не исключение. Особый смысл его сохранение и приумножение обретают в настоящий переломный этап международных отношений.

«Сегодня, – говорится в специальной публикации МИД РФ, – как это было не раз в истории, вновь решается судьба

³⁴ Defender 25 и Запад-2025: военные учения как зеркало геополитического противостояния // Дзэн: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/aa33-Ex76z6R-vAP> (дата обращения: 01.05.2025).

России, какими будут её место и роль в формирующемся по-лицентричном мире. Против России, по сути, Западом ведётся война. В качестве тарана Запад использует Украину, всячески вооружая её якобы для защиты от “несправедливой агрессии” со стороны России. Это неправда. Россия сегодня ведёт борьбу за право русских говорить на своём языке, ходить в русскую церковь, жить в безопасном окружении, не бояться за будущее своих детей. Россия не могла закрыть глаза на варварское ущемление прав русских и русскоязычных, оказавшихся в результате распада СССР за пределами исконно русских территорий, на свой язык, культуру, обычай и нравы, которые у них киевский режим попытался отобрать силой»³⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №1. С. 201–215.
2. Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания /пер. с фр. М.: ИРИСЭН, 2010. 544 с.
3. Карпов Д. Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки: аналитическая записка // Банк России: [сайт]. [28.06.2023]. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (дата обращения: 27.04.2025).
4. Катуржевская О. В., Качурина Т. С. Выявление отношения современного подрастающего поколения к традиционным ценностям // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-2. С. 129–132.
5. Козляков В. Н. «Перечневый список» разграбленной в 1610–1612 гг. казны Московского государства // Российская история. 2025. №1. С. 34–52.
6. Красинский В. В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. 2015. №7. С. 5–10.
7. Кученкова А. В. Народный суверенитет и право на восстание в концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо // Вестник Российской государственной гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. №4. С. 79–88.

³⁵ Суверенитет России – внутренний стержень для Российского государства в прошлом, он же – фактор динамичного развития в настоящем // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/press-service/publikacii-i-oproverzeniya/publikatsii/1887228> (дата обращения: 12.04.2025).

8. Ленчук Е. Б. Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. №3. С. 232–237.
9. Никитина В. С., Чудаева Е. А. Теория суверенитета Жана Бодена // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. №1. С. 129–133.
10. Сафронова Е. В., Каськова Н. В. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX – начала XX в. // Проблемы права. 2014. №4. С. 87–90.
11. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. 624 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 575 с.
13. Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / пер. с англ. Э. Кондуковой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 432 с.
14. Эйльбарт Н. В. Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времён Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского) // Научный диалог. 2023. Т. 12. №2. С. 509–522.
15. Юрьевич М. А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. 2023. №4. С. 7–21.
16. Buga M. Conceding or defending sovereignty? Lessons from small states // Small States & Territories. 2025. №8 (1). P. 99–102.
17. Damon L. Freedom of Information versus National Sovereignty The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Date Flow Problems // Fordham International Law Journal. 1986. Vol. 10. Iss. 2. P. 262–287.
18. Espinosa M. Strengthening Europe: How Strategic Autonomy Requires a Shift in Sovereignty // IE University IE International Policy Review (IPR). 2025. №1. P. 2–10.
19. Glanville L. The Myth of “Traditional” Sovereignty // International Studies Quarterly. 2013. Vol. 57. Iss. 1. P. 79–90.
20. Hardt M., Nedri A. Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 478 p.
21. Khan S. H., All S. The Concept of State Scvereignty in International Law // Asian Social Studies and Applied Research (ASSAR). 2021. Vol. 2. Iss. 4. P. 390–404.
22. Perrit J. The Internet as a Threat to Sovereignty & Thoughts on the Internet’s Role in Strengthening National and Global Governance //

- Indiana Journal of Global Legal Studies. 1998. Vol. 5. Iss. 2. P. 423–442.
23. Price M. Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and its Challenge to State Power. Cambridge: MIT Press, 2002. 352 p.
 24. Snyman F. The evolution of state sovereignty a historical overview // Fundamina. 2006. №12. P. 1–28.
 25. Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept / ed. K. Hent, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–25.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Vladimir G. Egorov

- e-mail: korrka@mail.ru,
Dr. Sci. (Historical Sciences), Dr. Sci. (Economics), Prof.,
Department of Political Economy and History of Economic Science,
Plekhanov Russian University of Economics
Stremyannyi per. 36, Moscow 109992, Russian Federation
Prof., Department of Information Analytics and Political Technologies
Bauman Moscow State Technical University
2-ya Baumanskaya ul. 5/1. Moscow 105005, Russian Federation

Andrey V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Comparative
Political Science, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Egorov, V. G. & Abramov, A. V. (2025). State Sovereignty of the Russian Federation in the Domestic Political Dimension. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the development features of the Russian sovereignty in modern conditions, to make an internal political measurement of this phenomenon

Methodology. Based on a political analysis of the current situation, the evolution of Russian sovereignty is considered, and its main types are characterized. The range of opinions of Russian and foreign researchers on the problems of the current state of sovereignty is considered.

Results. The complexity and structure of sovereignty is shown, its types integrated into the systemic essence of its quality are highlighted. The article pays special attention to the innovative features of sovereignty brought to life by the turbulence of the modern transitional stage of human

development. The analysis of Russian sovereignty is complemented by a description of the current political science discourse and its reflection in the current Russian agenda.

Research implications. The results of the study are of interest for the study of modern Russian politics.

Keywords

sovereignty, Russian Federation, information sovereignty, technological sovereignty, economic sovereignty, civilizational and cultural sovereignty, military and political sovereignty

References

1. Efremov, A. A. (2017). Formation of the State Information Sovereignty Concept. In: *Law Journal of the Higher School of Economics*, 1, 201–215 (in Russ.).
2. Journeau, B. (2010). *Du Pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance*. Moscow: IRISEN publ. (in Russ.).
3. Karpov, D. (2023). Russia's Dependence on Intermediate Product Imports and Foreign Trade Shocks. Analytical Note. In: *Bank of Russia*, 28.06.2023. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (accessed: 27.04.2025) (in Russ.).
4. Katurzhevskaya, O. V. & Kachurina, T. S. (2023). Identifying Modern Younger Generation's Attitude to Traditional Values. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 79-2, 129–132 (in Russ.).
5. Kozlyakov, V. N. (2025). "The List" of the Treasury of the Moscow State Plundered in 1610–1612. In: *Russian History*, 1, 34–52 (in Russ.).
6. Krasinsky, V. V. (2015). State Sovereignty: The Epistemological Aspect of the Problem. In: *Modern law*, 7, 5–10 (in Russ.).
7. Kuchenkova, A. V. (2023). Popular Sovereignty and the Right to Rebellion in the Concept of the Social Contract of J.-J. Rousseau. In: *RSUH/RGGU BULLETIN. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 4, 79–88 (in Russ.).
8. Lenchuk, E. B. (2024). Technological Sovereignty as a New Vector of Russia's Scientific and Technological Policy. In: *Journal of the New Economic Association*, 3, 232–237 (in Russ.).
9. Nikitina, V. S. & Chudayeva, E. A. (2019). Jean Bodin's Theory of Sovereignty. In: *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law*, 1, 129–133 (in Russ.).

10. Safronova, E. V. & Kaskova, N. V. (2014). "Autocracy", "Supremacy", and "Sovereignty": Terminological Relationships in Russian Political Science of the Late 19th – Early 20th Centuries. In: *Issues of Law*, 4, 87–90 (in Russ.).
11. Tikhomirov, L. A. (2006). *Monarchist Statehood*. Moscow: Irispress publ. (in Russ.).
12. Fukuyama F. (2015). *The End of History and the Last Man*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
13. Hanna, P. (2019). *Connectography. Mapping the Future of Global Civilization*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber publ. (in Russ.).
14. Eilbart, N. V. (2023). The Image of Ivan the Terrible in European Propaganda during the Livonian War (Based on the Poetic Works of S. Wolf and J. Kochanowski). In: *Scientific Dialogue*, 12 (2), 509–522 (in Russ.).
15. Yuryevich, M. A. (2023). Technological Sovereignty of Russia: Concept, Measurement, Possibility of Achievement. In: *Issues of Economic Theory*, 4, 7–21 (in Russ.).
16. Buga, M. (2025). Conceding or Defending Sovereignty? Lessons from Small States. In: *Small States & Territories*, 8 (1), 99–102.
17. Damon, L. (1986). Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Date Flow Problems. In: *Fordham International Law Journal*, 10 (2), 262–287.
18. Espinosa, M. (2025). Strengthening Europe: How Strategic Autonomy Requires a Shift in Sovereignty. In: *IE University IE International Policy Review (IPR)*, 1, 2–10.
19. Glanville, L. (2013). The Myth of "Traditional" Sovereignty. In: *International Studies Quarterly*, 57 (1), 79–90.
20. Hardt, M. & Nedri, A. (2000). *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
21. Khan, S. H. & All, S. (2021). The Concept of State Sovereignty in International Law. In: *Asian Social Studies and Applied Research (ASSAR)*, 2 (4), 390–404.
22. Perrit, J. (1998). The Internet as a Threat to Sovereignty & Thoughts on the Internet's Role in Strengthening National and Global Governance. In: *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 5 (2), 423–442.
23. Price, M. (2002). *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and its Challenge to State Power*. Cambridge: MIT Press.
24. Snyman, F. (2006). The Evolution of State Sovereignty: A Historical Overview. In: *Fundamina*, 12, 1–28.
25. Hent, K. & Skinner, Q., eds. (2010). *Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept*. Cambridge: Cambridge University Press.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Афонин Дмитрий Владимирович

- e-mail: dmitriyafonin97@gmail.com;
аспирант, ассистент кафедры истории и теории политики
факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Афонин Д. В. Влияние глобализации на уровни политического процесса // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 02.08.2025
- Статья размещена на сайте 06.10.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Агентный уровень политического процесса и глобализация](#)

[Конститутивный уровень политического процесса и глобализация](#)

[Метаполитический уровень политического процесса и глобализация](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить влияние глобализации на политический процесс, рассматриваемый как многоуровневое явление.

Процедура и методы. Концептуализировав политический процесс как трёхуровневую модель, автор сконцентрировал своё внимание на анализе влияния процесса глобализации на агентный (микроуровень), конститутивный (мезоуровень) и метаполитический (макроуровень) уровни политического процесса.

Результаты. Установлено, что на агентном уровне политического процесса влияние глобализации характеризуется через появление новых акторов, влияющих на внутриполитическую ситуацию. На конститутивном уровне политического процесса глобализация приводит к изменениям системы институтов, происходят процесс унификации институтов и обратный ему процесс фрагментации. На метаполитическом уровне процесс глобализации влияет на суверенитет политической системы при появлении новых надсистемных игроков на мировой арене.

Теоретическая и практическая значимость. Введена концептуальная модель политического процесса и определены основные тенденции развития политического процесса в условиях глобализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический процесс, глобализация, политическая система, политические институты, устойчивость политической системы

ВВЕДЕНИЕ

Политический процесс – последовательность изменений политической системы и политических институтов и совокупность действий политических акторов, обусловленные сохранением устойчивости политической системы. Изначально устойчивая политическая система дестабилизируется под воздействием эндогенных факторов, с одной стороны, и отвечает на вызовы внешней среды, с другой. Одним из ключевых экзогенных дестабилизирующих факторов является процесс глобализации.

В отечественной политологии уже сформировалась традиция изучения политического процесса как полиуровневого фе-

номена. Так, А. Ю. Шутов утверждает, что понятие политического процесса зависит от уровня, на котором он рассматривается: политический процесс на микроуровне можно определить как «некую равнодействующую суммы действий различных социально-политических субъектов», на макроуровне – как «цикл политических изменений, последовательную смену состояний политической системы» [9].

Политический процесс разворачивается также на трёх отдельных, но взаимодополняющих уровнях, которые можно определить как агентный уровень (или микроуровень), конститутивный уровень (или мезоуровень) и метаполитический уровень (или макроуровень). Агентный уровень политического процесса представлен в виде последовательности интеракций политических акторов, субъектов. На данном уровне происходят борьба и распределение власти между политическими лидерами и элитарными группами, происходит взаимодействие между государственными субъектами, общественно-политическими субъектами, социальными субъектами и корпоративными субъектами политического процесса. Конститутивный уровень политического процесса определяется как последовательность изменения политических институтов. На этом уровне происходят изменения характера отношений между субъектами политического процесса, изменения в идеологической структуре, изменения в общественном мнении и т. д. Метаполитический уровень политического процесса – последовательность изменений политической системы с целью сохранения её устойчивости. На представленном уровне происходит смена политического режима, происходит взаимодействие между политическими системами и с внешней средой.

Поскольку целью настоящего исследования является определение влияния глобализации на политический процесс, рассматриваемый как многоуровневое явление, некоторые замечания следует сделать и по поводу самой глобализации.

В широком смысле глобализация может быть определена как процесс увеличения роли влияния экзогенных факторов на автономные политические процессы. Глобализация как следствие развития количества и качества связей между различными политическими системами приводит к тому, что одно ощущимое глобальное событие может серьёзно видоизменить политический процесс в различных системах. Процесс глоба-

лизации перманентен и стремится к некоторому идеальному состоянию глобализма.

Немецкий исследователь процесса глобализации У. Бек в своей работе «Что такое глобализация?» определил её как процесс, при котором национальные границы теряют своё значение, а социальные, экономические и политические взаимодействия становятся более транснациональными [3]. Таким образом, глобализация может быть естественным процессом замещения или дополнения одних субъектов политического процесса (в виде национальных государств) иными новыми субъектами.

Существует и другая позиция в определении глобализации. Российский учёный А. С. Панарин в своей работе «Искушение глобализмом» утверждает, что глобализация не столько объективный процесс, сколько идеологический проект, продвигаемый западными странами (государствами Европы и Северной Америки). Таким образом, глобализация является одним из инструментов влияния одних политических систем на другие [6].

Кроме того, при анализе подхода к определению процесса глобализации в первую очередь стоит учитывать отношение учёных к данному процессу [13]. Исследователи, которые придерживаются эстетистских взглядов, могут подчёркивать недостатки данного процесса, сторонники глобализации, напротив, будут преувеличивать положительное влияние. Немаловажную роль также играют и идеологические возврзения автора, предопределяющие те аспекты глобализации, на которых будет прежде всего сделан акцент в исследовании.

Следует также отметить, что глобализация является процессом, увеличивающим влияние внешних факторов на политическую систему. Эти внешние факторы оказывают влияние на все субъекты политического процесса и развиваются на всех его уровнях.

АГЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Влияние глобализации на микроуровень политического процесса является несомненным. В первую очередь это охарактеризовано увеличением количества взаимодействий между государствами. Так, например, за последние 40 лет количество зафиксированных диадических связей между государствами

увеличилось более чем в три раза [14]. Более тесное сотрудничество с внесистемными субъектами вынуждает институциональные субъекты политического процесса корректировать свою деятельность.

Глобализация способствует формированию системы комплексной взаимозависимости. Данное понятие было введено в классической работе «Власть и взаимозависимость» [12] Р. Кеохейна и Дж. Ная. Исследователи определили комплексную взаимозависимость как систему международных отношений множественных каналов взаимодействий между субъектами политического процесса (как институциональными, так и неинституциональными). В данной системе влиятельность субъекта определяется в первую очередь его способностью участвовать в глобальных сетях взаимодействия.

Глобализация влияет не только на институциональные субъекты политического процесса, она является также причиной увеличения темпов миграции. За последние 50 лет объём официальной миграции в абсолютных числах вырос в 3,3 раза, в 2020 г. количество мигрантов составляло 280,6 млн человек [7]. Огромные массы населения, прибывшие преимущественно в западные страны, создают национальные диаспоры, которые оказывают влияние на политический процесс государства.

Примером данного феномена может быть турецкая диаспора в Германии, влияние которой осуществляется посредством выборов и продвижения членов диаспоры в органы местной, региональной и федеральной власти. Серьёзное влияние турецкая диаспора оказывает и на внешнюю политику Германии, одними из основных направлений являются продвижение Турецкой Республики в Европейский союз, давление на позиции Германского государства по вопросу Кипра и Курдистана [11].

Ещё одним примером влияния диаспоры на политическую систему можно назвать китайскую диаспору, которая существует во многих странах Европы и Северной Америки. Китайская диаспора является инструментом мягкой силы Китайской Народной Республики [10]. Диаспора формирует положительный образ Китая через продвижение национальной культуры, проведение фестивалей, формирование образовательных программ и продвигает интересы государства за рубежом: выступления против независимости Тайваня, продвижение программы «Один пояс, один путь».

Под воздействием глобализации изменения происходят и в деятельности корпоративных субъектов политического процесса. Процесс глобализации открывает для них большие возможности в виде расширения рынка, что приводит к увеличению объёмов международной торговли [5]. В свою очередь, корпоративные субъекты постепенно закрепляются в новых политических системах, также оказывая влияние на их внутреннюю и внешнюю политику.

КОНСТИТУТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Глобализация оказывает влияние также и на мезоуровень политического процесса.

С одной стороны, этот процесс можно охарактеризовать как замещение традиционных институтов новыми, чуждыми для системы. Этот процесс описан ещё в работе Самира Амина [2]. Исследователь утверждает, что существует лишь один вектор развития политической системы в виде трансформации и копирования западных политических институтов, иначе система исключается из мирового сообщества. Более оптимистичный прогноз в своей работе даёт Н. Фергюсон – он выдвигает гипотезу о том, что в ближайшем будущем государства Азии и Африки будут способны конкурировать со странами Запада, так как переняли всё лучшее, что было в западных институтах, и адаптировали их в собственную систему институтов [8].

Кроме того, глобализация влияет на идеологию, понимаемую в данном случае как система идей, представлений и образов, как структура, формирующая отношение индивидов к внешним условиям существования [1].

Итак, с одной стороны, глобализация создаёт импульс к объединению политических систем, к их унификации, к возникновению некоторой общей и универсальной системы ценностей и идеалов; однако, с другой стороны, глобализация порождает обратную реакцию – противодействие в виде стремления к укреплению национальной идентичности, что, в свою очередь, приводит к деглобализации и фрагментации мировой системы.

Примеры роста национал-охранительной идеологии можно наблюдать в ряде стран современной Европы, где в 20-е гг. XXI вв. на парламентских выборах значительный процент получают евроскептики: в Италии к власти пришла партия «Братья

Италии», во Франции большинство мест в парламенте набрала партия «Национальное объединение», а в Германии около четверти мест в Бундестаге заняла партия «Альтернатива для Германии».

Рост национальных движений также выливается в череду референдумов о независимости. В XXI в. референдумы о независимости прошли в Шотландии (Великобритания), Каталонии (Испания), Новой Кaledонии (Франция), Гренландии (Дания) и т. д.

Таким образом, идея мультикультурализма оказывает двойственное влияние на идеологию политической системы. С одной стороны, она способствует укреплению международной кооперации, развитию толерантности и обогащению общества за счёт культурного разнообразия. С другой стороны, мультикультурализм может вызывать сопротивление, мобилизуя общество на защиту национальной идентичности, традиционных ценностей и культурной самобытности, что порождает напряжённость и усиливает националистические настроения.

МЕТАПОЛИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Влияние глобализации на макроуровень политической системы в первую очередь происходит посредством появления новых глобальных акторов, влияющих на политические системы. Такими акторами являются международные организации, целью которых выступает обеспечение функционирования мировой системы.

Деятельность глобальных акторов замещает функции традиционных государств, что актуализирует дискуссии о влиянии глобализации на государственный суверенитет. По мере усиления глобализации государства всё чаще сталкиваются с давлением как во внутренней, так и во внешней политике, со стороны других государств, военных блоков, политических и международных организаций [4].

Наиболее знаковым примером, иллюстрирующим влияние глобализации на метаполитическом уровне политического процесса, является феномен Европейского союза. В 10-е гг. XXI в. во время серьёзного экономического кризиса Греция должна была согласовывать национальную бюджетную поли-

тику с Европейским центральным банком, тем самым ограничив свой суверенитет.

Ещё одной международной организацией, способной ограничить суверенитет государств, является Международный валютный фонд. Так, например, в течение последних двух десятилетий правительство Аргентины вынуждено было принимать невыгодные для страны решения ради получения экономической помощи от МВФ. Сложившаяся ситуация породила политические риски, способствовав нарушению устойчивости политической системы.

Впрочем, многие исследователи скептически относятся к влиянию международных организаций на государства. Во-первых, учёные акцентируют внимание на том, что международные организации не являются полностью автономными акторами, а скорее выступают инструментами для продвижения интересов и политики отдельных государств. Их решения и требования часто отражают позиции наиболее влиятельных стран-участниц, что ставит под вопрос их нейтральность и независимость. Во-вторых, аналитики отмечают, что требования международных организаций не носят ультимативного характера, и существует множество примеров, когда государства сознательно игнорируют эти требования. Таким образом, ослабление суверенитета происходит не только из-за давления со стороны международных организаций, сколько из-за добровольного выбора самих государств, которые идут на уступки в обмен на экономическую, политическую или иную поддержку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что глобализация как сложный и многогранный процесс оказывает значительное влияние на политический процесс на всех его уровнях. Она формирует новые вызовы и создаёт новые возможности для государств, трансформируя традиционные политические институты, усиливая взаимозависимость между странами и создавая глобальные организации.

Однако сама по себе глобализация не является ни позитивным, ни негативным явлением, а представляет собой объективную реальность современного мира. Последствия глобализации зависят от того, как государства и другие акторы

адаптируются к её вызовам, используют её преимущества и минимизируют риски.

Таким образом, ключевая задача субъектов политического процесса заключается не в противодействии глобализации, а в поиске баланса между интеграцией в глобальные процессы и защитой национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3. С. 14–58.
2. Амин С. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007. 168 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
4. Бекирова Ф. С. Государственный суверенитет в условиях глобализации: понятие, современное толкование // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. №4. С. 78–86.
5. Основные тенденции развития мировой торговли в 2024 году / А. К. Щербина, Н. Ю. Родыгина, С. В. Молева, Л. А. Обуховская // Образование и право. 2024. №5. С. 25–33.
6. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2002. 415 с.
7. Положихина М. А. Особенности современных миграций и их последствия // Социальные новации и социальные науки. 2023. №1. С. 20–37.
8. Фергюсон Н. Цивилизация: Чем Запад отличается от остального мира. М.: ACT, 2022. 544 с.
9. Шутов А. Ю. Политический процесс. М.: Издательство Московского университета, 1994. 80 с.
10. Afonaseva A. The Role of the Capital of the Chinese Diaspora in the Economic Development of the PRC during the Reform Period (1979 – early 2020s) // Population and Economics. 2024. No. 8. P. 19–36.
11. Aydin Y. The new Turkish diaspora policy: Its aims, their limits and the challenges for associations of people of Turkish origin and decision-makers in Germany // SWP Research Paper. 2014. No. 10. P. 1–28.
12. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. London: Longman, 2012. 327 p.
13. Lodhi I. Globalisation and public policy: bridging the disciplinary and epistemological boundaries // Policy and Society. 2021. Vol. 40. No. 4. P. 522–544.

14. Moyer J. D., Turner S. D., Meisel C. J. What are the drivers of diplomacy? Introducing and testing new annual dyadic data measuring diplomatic exchange // Journal of Peace Research. 2021. Vol. 58. No. 6. P. 1300–1310.

ARTICLE INFORMATION

Author

Dmitriy V. Afonin

- e-mail: dmitriyafonin97@gmail.com,
Postgraduate student, Assistant,
Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Afonin, D. V. (2025). The Impact of Globalization on the Levels of the Political Process. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify how globalization generally influences the levels of the conceptual three-level model of the political process.

Methodology. The author has conceptualized the political process as a three-level model to focus on the analysis of the influence of the globalization process on the agent (micro-level), constitutive (meso-level) and metapolitical (macro-level) levels of the political process.

Results. It has been established that at the constitutive level of the political process globalization leads to changes in the system of institutions which lead to a process of institutional unification and a converse process of fragmentation. At the metapolitical level the process of globalization affects the sovereignty of the political system through the emergence of new supra-systemic players on the global stage.

Research implications. The conceptual model of the political process has been introduced, and the main trends in the development of the political process under globalization have been identified in relation to this model.

Keywords

political process, globalization, political system, political institutions, sustainability of the political system

References

1. Althusser, L. (2011). Ideology and Ideological State Apparatuses. In: *Emergency Reserve*, 3, 14–58 (in Russ.).
2. Amin, S. (2007). *The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World*. Moscow: Evropa publ. (in Russ.).
3. Beck, U. (2001). *What is Globalization?* Moscow: Progress-Tradition publ. (in Russ.).
4. Bekirova, F. S. (2018). State Sovereignty in the Context of Globalization: Concept and Modern Interpretation. In: *North Caucasian Legal Vestnik*, 4, 78–86 (in Russ.).
5. Shcherbina, A. K., Rodygina, N. Yu., Moleva S. V. & Obukhovskaya, L. A. (2024). Key Trends in World Trade Development in 2024. In: *Education and Law*, 5, 25–33 (in Russ.).
6. Panarin, A. S. (2002). *The Temptation of Globalism*. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
7. Polozhikhina, M. A. (2023). Features of Modern Migrations and Their Consequences. In: *Social Novelties and Social Sciences*, 1, 20–37 (in Russ.).
8. Ferguson, N. (2022). *Civilization. The West and the Rest*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
9. Shutov, A. Yu. (1994). *Political Process*. M.: Moscow University publ. (in Russ.).
10. Afonaseva, A. (2024). The Role of the Capital of the Chinese Diaspora in the Economic Development of the PRC during the Reform Period (1979 – early 2020s). In: *Population and Economics*, 8, 19–36.
11. Aydin, Y. (2014). The New Turkish Diaspora Policy: Its Aims, Their Limits and the Challenges for Associations of People of Turkish Origin and Decision-Makers in Germany. In: *SWP Research Paper*, 10, 1–28.
12. Keohane, R. O. & Nye, J. S. (2012). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. London: Longman.
13. Lodhi, I. (2021). Globalisation and Public Policy: Bridging the Disciplinary and Epistemological Boundaries. In: *Policy and Society*, 40 (4), 522–544.
14. Moyer, J. D., Turner, S. D. & Meisel, C. J. (2021). What are the Drivers of Diplomacy? Introducing and Testing New Annual Dyadic Data Measuring Diplomatic Exchange. In: *Journal of Peace Research*, 58 (6), 1300–1310.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА О ВООРУЖЁННЫХ НАПАДЕНИЯХ НА УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ (2021–2024 ГГ.)

Бродовская Елена Викторовна

- e-mail: evbrodovskaya@fa.ru;
доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор
Департамента политологии;
Московский педагогический государственный университет
119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1,
Российская Федерация
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация

Аппаков Кирилл Олегович

- e-mail: appakovkirill1927@gmail.com;
магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация

Валиахметова Александра Александровна

- e-mail: valiakhmetova.alexandra@gmail.com;
магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация

Лопухов Вадим Сергеевич

- e-mail: vadimlopukhov12@gmail.com;
магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация

Для цитирования

Информационные потоки в социальных медиа о вооружённых нападениях на учебные заведения в России (2021–2024 гг.) / Е. В. Бродовская, К. О. Аппаков, А. А. Валиахметова, В. С. Лопухов // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.07.2025
- Статья размещена на сайте 25.11.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Благодарности](#)

[Введение](#)

[Теоретический обзор](#)

[Методология и методика исследования](#)

[Результаты исследования](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить эффекты информационного освещения в социальных медиа вооружённых нападений в учебных заведениях, способствующие «романтизации» и дальнейшей репрезентации подобного поведения, представляющего значительную общественную опасность.

Процедура и методы. В статье исследуется информационная реакция на акты вооружённых нападений на образовательные учреждения на примерах трагических событий в Казани, Балаганске, Челябинске и Брянске в 2021–2024 гг. Методология и методика исследования базируются на положениях сетевого подхода и принципов кейс-стади, что позволяет проанализировать произошедшие события как совокупность конкретных кейсов с точки зрения влияния информационных потоков на общественное мнение о них. Эмпирическая часть была произведена с использованием метода когнитивного картирования цифрового контента, сформированного публикациями в популярных социальных медиа федерального и регионального уровней по теме указанных инцидентов ($N=620$).

Результаты. Авторами определены содержательные особенности тематических публикаций в социальных медиа, выделены основные и вспомогательные нарративы, присущие подобным информационным материалам, выделены особенности репрезентации темы со стороны

цифровых акторов различного типа: средств массовой информации, известных публичных деятелей и рядовых пользователей. Определены особенности реагирования на трагические события в форме осуждения, перекладывания ответственности, скептицизма, оправдания и романтизации насилия.

Теоретическая и / или практическая значимость. Представленная работа призвана дать старт изучению в отечественном академическом сообществе не только медиа, но и общественной реакции на теракты в школах на предмет рисков «романтической» и апологизирующей презентации акторов насилия в условиях явного дефицита подобных исследований. По результатам проведённого исследования авторы выделяют ключевые перспективные линии и ограничения, а также характеризуют поле конкретных действий образовательных организаций, органов государственной власти и институтов гражданского общества в целях профилактики и раннего предотвращения подобных нападений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

вооружённые нападения на образовательные учреждения, девиантное поведение, деструктивное воздействие, романтизация насилия, информационные потоки, социальные медиа

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 125062507558-8 «Разработка методики профилактики негативных последствий деструктивного информационно-психологического воздействия на детей и молодёжь в пространстве цифровых коммуникаций»).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена распространением деструктивных сообществ в интернет-пространстве и, как следствие, ростом случаев нападения учащихся, в том числе бывших, на своих сверстников и педагогов, нормализацией насилия как способа решения конфликтных ситуаций, что создаёт непосредственную угрозу безопасности детей и сотрудников образовательных учреждений. Только за осень

2024 г. зафиксировано два случая вооружённых нападений в школах: в Челябинске и Балаганске. К последним наиболее серьёзным и резонансным нападениям относятся стрельба в брянской школе осенью 2023 г. и один из самых трагических случаев – стрельба в казанской школе в 2021 г., в результате которой погибли 9 человек.

В данной статье исследуется информационная реакция на акты вооружённых нападений на образовательные учреждения и насилия в школах на примерах трагических событий в Казани, Балаганске, Челябинске и Брянске. Как показал анализ научной литературы, существует дефицит эмпирических исследований данной проблематики, а среди существующих работ отсутствует именно общественный резонанс и реакция общества на эти события как непосредственный объект исследования. Часто реакция и восприятие обществом, в особенности самими учащимися, актов насилия в школах приводится в качестве одной из детерминант насилия в образовательных учреждениях в целом. В связи с этим авторы отдельно анализируют общественную реакцию на указанные акты для выявления и определения негативных эффектов так называемой «романтизации» вооружённого насилия в образовательных учреждениях в контексте влияния на эти действия самих информационных потоков, в наибольшей степени представленных в современных социальных медиа. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: какое влияние информационное освещение вооружённых нападений в учебных заведениях оказывает на «романтизацию» и дальнейшую презентацию подобного поведения, представляющего значительную общественную опасность?

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Тематика вооружённых нападений на образовательные учреждения отражена в 109 русскоязычных научных статьях в ключевых изданиях. При этом детальное исследование самой проблематики отражено лишь в 16 научных публикациях, что свидетельствует о низком уровне внимания к проблеме в отечественном академическом сообществе, вступающем вразрез с социальной важностью данной проблемы [10]. По состоянию на начало 2025 г. в Российском индексе научного

цитирования (РИНЦ) по ключевому слову «скулштутинг»¹ найдено 53 основных публикации. В большинстве своём характер работ, посвящённых данной теме, имеет отношение, скорее, к теоретическому осмыслинию проблемы и обзору предыдущих исследований или зарубежных оценок, а не к результатам авторских эмпирических исследований. Объектом исследования в публикациях, как правило, выступают медиарное освещение терактов [1; 5], криминологический и правовой аспекты проблемы [7; 9; 11], тексты в деструктивных группах, посвящённых нападающим на образовательные учреждения [2], страницы в соцсетях нападающих [6].

При этом отмечаются отдельные авторские исследования, представляющие значимые результаты для проблемного поля. В частности, исследование О. И. Горбатковой посвящено репрезентации проблемы насилия в школах в российских медиа. Основным выводом работы было выявление игнорирования этических (например, снижение авторитета работников образования посредством иронично-насмешливой стилистики описания насилия) и правовых норм при описании насилия в школах, а также стремления СМИ как можно больше описывать «горячие подробности» терактов, что детерминирует, по версии автора, копирование другими учащимися агрессивного поведения акторов насилия. Другие исследователи, А.Ю. Карпова и Н. Г. Максимова, изучили детерминанты поведения самих нападавших на учебные учреждения посредством их активности в соцсетях. Авторы выявили типы подражания и предложили соответствующую схему взаимосвязей. Е. В. Бродовская и соавторы подробно описали маркеры риска вооружённых нападений на образовательные учреждения, в которые вошли как цифровые, так и нецифровые характеристики [8].

Зарубежные исследования также посвящены в первую очередь медиарному освещению нападений в образовательных учреждениях и опросам жителей городов, где происходили подобные нападения. Исследования зарубежных учёных показывают, что случаи нападения в образовательных учреждениях стали критическим вызовом для представлений о безопасности в ранее благополучных странах Северной Европы и Америки. Несмотря на высокое доверие к государственным

¹ Международное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулштутинг») признано террористическим и запрещено на территории Российской Федерации.

институтам, большинство жителей считали, что предотвратить трагедии было невозможно, а также выявили слабые места финской социальной системы, особенно в предотвращении новых угроз, связанных с цифровой эрой и непредсказуемым насилием [14]. Проведённые исследования медийного освещения в различных западных странах показали, что способы представления аудитории о произошедшем (*media framing*) непосредственно влияют на восприятие аудиторией терактов. Эмоционально заряженные описания событий, характерные для отдельных онлайн-изданий, способствуют усилению страха и паники, тогда как аналитические подходы других помогают снизить эмоциональный накал и стимулируют осмысленное обсуждение. Отдельными авторами выявлено, что использование в масс-медиа так называемых трагических фреймов (*tragic frames*) и фреймов солидарности (*solidarity frames*), включающих в себя акцент на жертвах, описание коллективной скорби и обращение к местным информантам для передачи чувств и реакции общества, способствует объединению сообщества после подобных трагедий [12; 13]. Встречается также оценка освещения в медиа подобных позиций с точки зрения влияния на политические решения, поскольку формирование отношения к трагедиям как к «национальным травмам» приводит к немедленному запросу общества на конкретные действия, что, в свою очередь, приводит к неэффективным решениям; стигматизации конкретных групп, стереотипизации преступников (ментальные проблемы, этническая принадлежность) [17].

Исследование более чем сотни онлайн-профилей поклонников школьных стрелков подтвердило, что подобные сети продолжают существовать и обладают высокой степенью кластеризации при низкой плотности связей (*small-world network*) [15]. Большинство участников сети разделяли интерес к стрелкам Колумбайна, что служило объединяющим фактором. Центральные участники активно поддерживали групповую сплочённость через символику, общий язык и общее восприятие стрелков как героев. Эти сообщества демонстрируют устойчивость даже при частичной утрате участников, что подчёркивает сложность их полного устранения. Исследование также показывает, что девиантные онлайн-сообщества формируют субкультуры, основанные на символах и ритуалах, аналогичных оффлайн-группам. Однако транснациональный и анонимный характер онлайн-среды расширяет географический охват таких

сообществ, позволяя им привлекать участников с похожими интересами независимо от их местонахождения. Как отмечают авторы, такие сети являются эффективными для передачи информации и идеологии, что затрудняет социальный контроль и вмешательство со стороны властей. Сети поклонников школьных стрелков, как показало исследование, остаются устойчивым феноменом. Их существование усиливает риски, связанные с возможным влиянием на уязвимых в социальном плане подростков, и подчёркивает необходимость разработки новых подходов к мониторингу и предотвращению распространения идеологии насилия в онлайн-среде [16].

В данной работе под информационными потоками понимается массив интернет-контента, объединённого общим содержанием, структурными, динамическими и технологическими особенностями, целенаправленное формирование которого обеспечивается благодаря наличию цифровой инфраструктуры, цифровых и гуманитарных технологий, направленных на конкретные аудитории и группы с целью их масштабного вовлечения в цифровые коммуникации и влияния на их ценностные, а также поведенческие особенности [3]. Релевантность использования концепта информационных потоков в контексте воздействия на общественное сознание, формирования установок и ценностей ранее апробирована многими зарубежными и отечественными исследователями [4; 18]. Представленная работа призвана дать старт изучению в отечественном академическом сообществе не только медиа, но и общественной реакции на теракты в школах на предмет рисков «романтической» и апологизирующей презентации акторов насилия в условиях явного дефицита подобных исследований.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология и методика исследования базируются на положениях сетевого подхода и принципов кейс-стади, что позволяет в рамках сложности и многофакторности таких событий, как вооружённые нападения на учебные заведения, проанализировать произошедшие события как совокупность конкретных кейсов с точки зрения влияния информационных потоков на общественное мнение о них. Эмпирическая часть была произведена с использованием метода когнитивного картирования цифрового контента, сформированного публикациями в

социальных медиа федерального и регионального уровней по теме указанных инцидентов. Отобранные единицы контента отражают оценку событий политическими и общественными деятелями, высшими должностными лицами, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации, средствами массовой информации и отдельными пользователями. Выборочная совокупность источников контента сформирована из наиболее популярных среди россиян социальных медиа с наличием возможности комментирования публикаций («ВКонтакте», «Telegram»). Общая выборка составила 620 релевантных публикаций, дифференцированных по тематическим блокам (распределение анализируемых документов по тематикам представлено в таблице 1). Для дальнейшей количественной обработки собранных документов применялся пакет статистической обработки данных «IBM SPSS Statistics».

Таблица 1 / Table 1

Распределение анализируемых документов по релевантным тематическим блокам / Distribution of analyzed documents into relevant thematic blocks

Наименование тематического блока	Количество документов
Сообщения политических и общественных деятелей, средств массовой информации без локализации	98
Сообщения и комментарии пользователей в пабликах с преимущественно подростковой аудиторией	216
Сообщения и комментарии в пабликах Казани и Республики Татарстан	52
Сообщения и комментарии в пабликах Брянска и Брянской области	114
Сообщения и комментарии в пабликах Челябинска и Челябинской области	81
Сообщения и комментарии в пабликах Балаганска, Иркутска и Иркутской области	52

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевая общественная реакция на происходящие события идентична во всех анализируемых кейсах – осуждение (41%), за которым следует перенос ответственности и скептицизм (25% и 10% соответственно). Обязательным элементом сообщений, посвящённых трагическим событиям в образовательных учреждениях, является поиск их причинно-следственных связей, которые объясняют вероятные мотивы нападавших на своих сверстников и презентация которых происходит через соответствующие нарративы.

Выделим наиболее частотные объяснительные модели происходящего, представленные в социальных медиа: 1) *нарратив о травле со стороны социальной среды в сторону нападавших* (предполагается, что таким образом может объясняться мотивация нападавших); 2) *нарратив о недостаточном внимании со стороны взрослых*, как учителей, воспитателей и психологов, так и родителей, к нападавшим (косвенно это может означать критическое отношение общества, в первую очередь рядовых граждан, к системе образования); 3) *нарратив о «психопатических» нарушениях нападавших*. Частотная представленность нарративов отображена на рисунке 1. В то же время употребление тех или иных нарративов происходило в контексте определённой оценки события – осуждения, оправдания действий нападавшего, либо сопровождалось переносом ответственности на родителей, учителей, в очень редких случаях – пониманием или даже восхищением преступными действиями подростков. В общем виде структура нарративов исследуемых информационных потоков представлена в таблице 2.

С точки зрения статуса автора информационного контента выделены несколько типов: средства массовой информации, политический (общественный) деятель и рядовой пользователь. Рядовые пользователи в большинстве случаев (31%) высказывали прямое осуждение нападавших, в 21% случаев переносили ответственность за произошедшее на учителей и родителей (на тех, кто, по их мнению, «проглядел» сигналы будущей трагедии), в 10% высказывали скептицизм по отношению к произошедшему. Как правило, подобная реакция служит маркером критического восприятия произошедшего с точки зрения либо нереальности произошедшего, либо влияния со стороны сект или даже государства. В наименьшем числе информационных материалов рядовых пользователей (7%) высказывается оправдание нападавших.

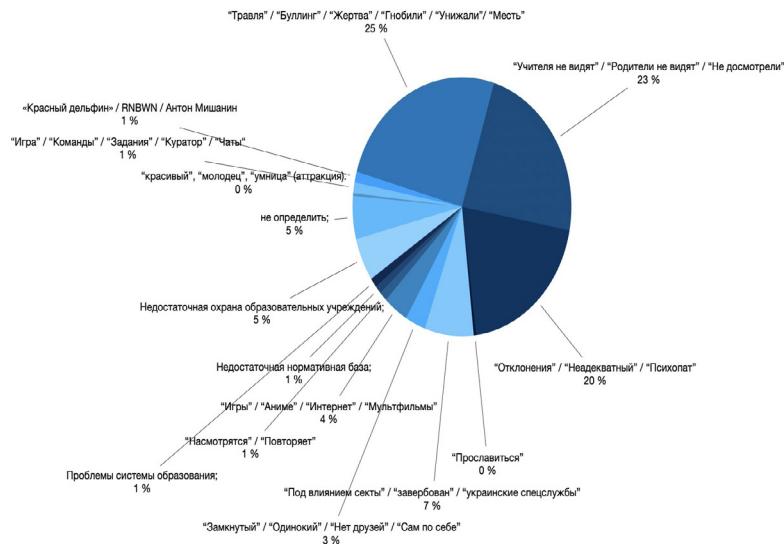

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение используемых нарративов в документах по теме исследуемых кейсов / Distribution of used narratives in documents by the topic of the studied cases

Таблица 2 / Table 2

Содержательное наполнение основных нарративов в документах по теме исследуемых кейсов / Substantive content of the main narratives in the documents on the topic of the studied cases

Основной нарратив	Вспомогательные нарративы
«Игра»	«Команды» / «Задания» / «Куратор» / «Чаты»
«Травля»	«Буллинг» / «Жертва» / «Гнобили» / «Унижали» / «Месть»
«Не видят»	«Учителя не видят» / «Родители не видят» / «Не досмотрели»
«Психопат»	«Отклонения» / «Неадекватный» / «Больной» / «Обострение»
«Прославиться»	-

Окончание Таблицы 1 / Table 1.

Основной нарратив	Вспомогательные нарративы
«Под влиянием»	«Под влиянием секты» / «завербован» / «украинские спецслужбы»
«Замкнутый»	«Одинокий» / «Нет друзей» / «Сам по себе»
«Интернет»	«Игры» / «Аниме» / «Интернет» / «Мультифильмы» / «YouTube»
«Насмотрятся»	«Повторяет»
«Аттракция»	«Красивый» / «Молодец» / «Умница»
«Недостаточная нормативная база и правовое регулирование проблемы»	«Его не посадят, ему 13, а уголовная ответственность с 14» / «Снижать возраст уголовной ответственности»
«Проблемы системы образования»	«Нет психологов» / «Школа на всё забила»
«Недостаточная охрана образовательных учреждений»	«Нет охраны» / «Бабушки / дедушки на охране» / «Что охрана может сделать» / «Нет рамок»

В средствах массовой информации 40% публикаций были посвящены прямому осуждению случившегося, треть публикаций носила освещавший нейтральный характер, пятая часть публикаций имела отношение к оценке события, которую мы обозначили как «перенос ответственности». Общественные деятели в 65% проанализированных материалов презентировали жёсткую осуждающую позицию по отношению к нападавшим, и только в 13% публикаций имели место оценки события, такие как «перенос ответственности» и нейтральное освещение.

В своей оценке инцидентов взрослая и молодёжная аудитории ожидаемо используют разные подходы. В частности, взрослые пользователи (старше 35 лет) склонны рефлексировать в поисках причин произошедшего, объяснять мотивы нападавшего и, что немаловажно, определять истинного «виновного» в трагедии. В свою очередь, молодёжная аудитория (младше 35 лет) скорее встаёт в «оборонительную» позицию через саркастичные, юмористические и постироничные комментарии с высмеиванием государственных и общественных инициатив, в числе которых запрет компьютерных игр, ограничение деятельности отдельных сервисов (YouTube, Telegram,

TikTok и проч.), т. е. с обесцениванием тех тезисов, которые как в той или иной степени стереотипы присущи более взрослой аудитории.

Далее авторами проанализированы содержательные особенности цифровых публикаций по каждому кейсу. Стрельба в казанской гимназии была встречена обществом так же, как и в общем агрегированном виде. Самой распространённой реакцией было осуждение (56%), далее за этим следуют перенос ответственности (33%) и скептицизм (10%). Основными нарративами выступили: «секта» (29%), «психопат» (21%), «отсутствие внимания» (15%) и «травля» (15%). Весомой долей также стало отсутствие чётко выраженной попытки представить объяснение случившегося. Поскольку в выборку по кейсу Казани попали только реакции рядовых пользователей, констелляция и оценок события, и нарративов распределилась в соответствии с общим процентом двух анализируемых переменных.

В отличие от нападения на казанскую гимназию, в реакции на три последних инцидента в Брянске, Челябинске и Балашихе преобладает нарратив «травли» и долгосрочного буллинга над нападавшим со стороны одноклассников, в некоторых случаях также родителей. В то же время данные нарративы обладают «понимающим» и «сострадающим» характером, когда решение ребёнка напасть на своих одноклассников оправдывается в сознании аудитории социальных медиа. Подобный бэкграунд школьного буллинга и его восприятие может служить мотивацией для нападавших на образовательные учреждения. Нарратив о травле в учреждении и оценка события как осуждение пересекаются на 26%. На 28% пересекаются нарратив об отсутствии внимания к будущему актору насилия со стороны взрослых и оценка «перенос ответственности». Психопат и осуждение – 8%, травля и оправдание – 8%, причастие к теракту так называемых «групп, чатов смерти» и выраженное осуждение – 7%.

Нападение учащегося на своих одноклассников в Челябинске с молотком в сентябре 2024 г. стало первым в своём роде в новейшей истории России и произвело большой общественный резонанс. В глазах общественности причиной произошедшего является отсутствие контроля (или недостаточный контроль) над учащимися со стороны лиц, несущих за них непосредственную ответственность, – учителей и родителей, в том числе и по этой же причине – игнорирование потенциальных отклонений

у детей. Немаловажно, что трансляция в социальных медиа нападения в Челябинске проходит в контексте осуждения (35%) и переноса ответственности на учителей и родителей (46%). Значительно меньшая доля пользователей пытается оправдать несовершеннолетних нападавших (10%).

Существенным условием, определяющим роли старших в качестве непосредственно ответственных за деструктивное поведение напавшего школьника, является новостной фон, детализация обстоятельств инцидента и сложившегося в классе микроклимата. Несмотря на то, что сами по себе цифровые документы новостного характера не содержат элементов оправдания деструктивного поведения, оскорблений или признаков экстремизма, в основе комментарийного фонда можно найти инверсные характеристики. Кроме того, оценку оправдания и переноса ответственности можно считать следствием детализации устоявшейся в классе обстановки и опубликования ранних фактов дестабилизирующего поведения сверстников (как, например, насмешек одноклассников или случая, когда одноклассница измазала напавшего косметикой) ввиду того, что подобное поведение не соответствует общепринятым нормам, равно как и отсутствие своевременной реакции на деструктивное поведение со стороны родителей, классных руководителей, других педагогов и администрации образовательного учреждения.

В оценке произошедшего спустя 2 недели аналогичного нападения школьника с молотком в посёлке Балаганск Иркутской области превалировала тема травли и буллинга подростка, несмотря на то что в средствах массовой информации распространялась информация о наличии у школьника телеграм-канала, где он делился планами о нападении из личных побуждений. Несмотря на практически аналогичную «механику» нападения и использованный инструмент, в оценке общественности и аудитории социальных медиа превалировала тема травли подростка в осуждающем контексте (33%), которая остаётся устойчивой тенденцией в публичных дискуссиях на соответствующую проблематику и, что примечательно, может распространяться в комментарийном фоне ещё до опубликования соответствующих фактов буллинга со стороны новостных агентств.

В отличие от предшествующего инцидента в Челябинске, значимую долю в структуре общественной оценки причин и по-

следствий данного вооружённого нападения стала занимать скептическая и саркастическая реакция, что также является опасной тенденцией. В то же время поступательно с момента первых вооружённых нападений на образовательные учреждения в России апелляция к буллингу в осуждающем или оправдательном контексте наравне с обвинением в пренебрежении в отношении подростков становится основополагающей в системе общественной оценки подобных инцидентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что общественное недовольство социальной средой, в которой находятся современные школьники, является значимым фактором в обсуждении инцидентов насилия в образовательных учреждениях, как следствие – фиксация ответственности за родителями и преподавательским составом. В частности, обвиняются старшие сотрудники образовательных учреждений, директора, завучи, тогда как непосредственно к охране школ отважаются, скорее, с сочувствием. Риски романтизации вооружённых нападений на образовательные учреждения оказались на низком уровне, что в первую очередь связано с активным модерированием страниц в социальных сетях как со стороны администрации ресурсов в целом, так и со стороны руководителей подобных групп. При этом в процессе исследования была зафиксирована саркастическая реакция, преимущественно характерная для сегмента социальных медиа с преимущественной подростковой аудиторией, что, в свою очередь, можно расценивать как потенциальный риск для дальнейшей профилактики подобных инцидентов. Зачастую такая саркастическая реакция связана с осуждением нападающих. Тем не менее часто в подобном контексте обсуждаются и принимаемые меры по противодействию вооружённым нападениям на учебные учреждения.

Результаты анализа подчёркивают важность разработки комплексных программ, направленных на повышение осведомлённости общества о маркерах, формирующих риски вооружённого нападения на учебное заведение, создание профилактических механизмов в образовательной среде и стратегий освещения подобных событий согласно нормам этики и с учётом психологических особенностей аудитории информационных ресурсов для снижения социального напряжения. В отсут-

ствие институциональной поддержки и профилактики психического здоровья дети оказываются в уязвимом положении, что усиливает риски деструктивного поведения.

В то же время важно уточнить, что исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, несмотря на большое количество собранных материалов, анализ базировался только на данных открытых источников наиболее популярных социальных медиа, что могло ограничить охват других платформ и каналов коммуникации, в том числе с меньшим уровнем модерирования контента, а также закрытых чатов. Это создаёт риск упущения значимых данных, представленных в менее изученных или более закрытых сообществах.

Во-вторых, методологические ограничения связаны с использованием когнитивного картирования и описательной статистики. Несмотря на то, что эти методы позволяют выявить структуру обсуждений и ключевые нарративы, они не обеспечивают глубокого понимания индивидуальных мотиваций участников обсуждений. Для получения более комплексных данных требуются качественные методы, такие как глубинные интервью, фокус-группы и эксперименты. Важным перспективным направлением исследования является применение инструментальной когнитивистики.

Третьим ограничением являются временные рамки исследования, которые охватывают события 2021–2024 гг. Это затрудняет анализ долгосрочных изменений в общественном восприятии и выявление динамики реакций на подобные инциденты. Важно отметить, что исследование фокусируется на общих тенденциях и не учитывает отдельных социальных особенностей регионов.

На основе проведённого исследования можно предложить ряд мер для снижения рисков и улучшения ситуации для профильных ведомств. Для образовательных учреждений важно внедрить программы по профилактике школьного буллинга (в том числе в цифровом пространстве), а также обучить педагогов выявлению ранних признаков психоэмоциональных проблем у учащихся. Повсеместное совершенствование института школьных психологов с обязательной регулярной диагностикой психического состояния учеников станет важным шагом в поддержке детей. Иной превентивной мерой может служить внедрение этических стандартов для освещения в средствах

массовой информации и социальных медиа темы вооружённых нападений на образовательные организации – с акцентом на внимании к работе государственных органов в направлении профилактики и предотвращения таких случаев. Семьи также нуждаются в повышении уровня осведомлённости о психоэмоциональных потребностях детей. Этого можно достичь через образовательные программы и консультации. Дополнительной мерой станет обеспечение доступности семейного консультирования и психологической помощи. Это позволит снизить вероятность повторения трагедий и укрепить систему поддержки детей и подростков в сложных социальных условиях.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение восприятия актов насилия среди разных возрастных и социальных групп с использованием более разнообразных и продвинутых методов сбора и анализа данных. Важно также расширить анализ на другие платформы, чтобы охватить другие аудитории и ограниченные веб-сегменты. Долгосрочный мониторинг общественной реакции позволит выявить изменения в восприятии и уточнить факторы, влияющие на общественное восприятие. В свою очередь, междисциплинарный подход с участием психологов, педагогов и специалистов по медиа позволит углубить анализ влияния освещения подобных инцидентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбаткова О. И., Ромеро Рейес И. В. Проблема насилия в школах в зеркале современных российских медиа // Медиаобразование. 2017. №4. С. 189–205.
- Гриненко У. Б., Ромеро Рейес И. В. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулштутинг» в социальной сети «ВКонтакте» // Психология и право. 2021. №4. С. 180–195.
- Домбровская А. Ю., Бродовская Е. В. Когнитивные карты информационных потоков консолидирующей и деконсолидирующей направленности в российских социальных медиа (2023–2024 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. №3. С. 155–176.
- Домбровская А. Ю., Бродовская Е. В. Масштаб, контексты и социальные эффекты информационных потоков солидарности в российских социальных медиа (2023–2024 гг.) // Научный результат. Социология и управление. 2025. №1. С. 71–90.

5. Казанцева А. Р. Феномен скулштинга и стилистика его медийного освещения (на примере публикаций о трагедии в Казани) // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: статьи 21-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Санкт-Петербург, 09–11 марта 2022 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. С. 241–248.
6. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №4. С. 442–446.
7. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулштинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. №1. С. 93–108.
8. Нецифровые и цифровые маркеры риска вооруженного нападения на учебные заведения / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, А. С. Огнев, В. А. Лукушин, М. А. Давыдова // Человеческий капитал. 2021. №11. С. 88–99.
9. Никишин В. Д. Колумбайн (скулштинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. №74. С. 62–76.
10. Плотников В. В., Самойлов С. Ф. Проблема скулштинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. №2. С. 163–168.
11. Суходольская Ю. В. Скулштинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. №3. С. 117–120.
12. Hawdon J., Oksanen A., Räsänen P. Media Coverage and Solidarity after Tragedies: The Reporting of School Shootings in Two Nations // Comparative Sociology. 2012. №11. P. 845–874.
13. Meindl J. N., Ivy J. W. Mass Shootings: The Role of the Media in Promoting Generalized Imitation // American Journal of Public Health. 2017. №107. P. 368–370.
14. Oksanen A., Räsänen P., Nurmi J., et al. «This can't happen here!» Community Reactions to School Shootings in Finland // Research on Finnish Society. 2010. №3. P. 19–27.
15. Oksanen A., Hawdon J., Räsänen P. Glamorizing rampage online: School shooting fan communities on YouTube // Technology in Society. 2014. №39. P. 55–67.
16. Schildkraut J. Media and massacre: A comparative analysis of the reporting of the 2007 Virginia Tech shootings // Fast Capitalism. 2012. №9. P. 1–22.
17. Silva J. R., Capellan J. A. A Comparative Analysis of Media Coverage of Mass Public Shootings: Examining Rampage, Disgruntled Employee, School, and Lone-Wolf Terrorist Shootings in the United States // Criminal Justice Policy Review. 2018. №30. P. 1312–1341.

18. Lotan G. E., Graeff M., Gaffney D., et al. The Arab Spring. The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // International Journal of Communication. 2011. №5. P. 1375–1405.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Elena V. Brodovskaya

- e-mail: evbrodovskaya@fa.ru,
 Dr. Sci. (Political Science), Chief Researcher, Prof.,
 Moscow State Pedagogical University
 ul. Malaya Pirogovskaya 1, Moscow 119435, Russian Federation,
 Financial University under the Government of the Russian Federation
 Leningradskiy pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Kirill O. Appakov

- e-mail: appakovkirill1927@gmail.com,
 Master's degree student,
 Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
 Financial University under the Government of the Russian Federation
 Leningradskiy pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Alexandra A. Valiakhmetova

- e-mail: valiakhmetova.alexandra@gmail.com,
 Master's degree student,
 Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
 Financial University under the Government of the Russian Federation
 Leningradskiy pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Vadim S. Lopukhov

- e-mail: vadimlopukhov12@gmail.com,
 Master's degree student,
 Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
 Financial University under the Government of the Russian Federation
 Leningradskiy pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

For citation

Brodovskaya, E. V., Appakov, K. O., Valiakhmetova, A. A. & Lopukhov, V. S. (2025). Social Media on Armed Attacks on Educational Institutions in Russia (2021–2024). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To determine such effects caused by social media coverage of armed attacks on educational institutions which “romanticize” and furtherly represent such behavior as posing a significant public danger.

Methodology. The mass media response to acts of armed attacks on educational institutions using the example of tragic events in Kazan, Balagansk, Chelyabinsk and Bryansk in 2021–2024 is analyzed in the study. The methodology and methods of the study are based on the provisions of the network approach and the principles of case study, which make it possible to analyze the events that occurred as a set of specific cases in terms of the mass media influence on public opinion about them. The empirical part was produced using the method of cognitive mapping of digital content generated by publications in popular social media at the federal and regional levels on the topic of these incidents ($N=620$).

Results. The content features of thematic publications in social media were defined, the main and auxiliary narratives inherent in such information materials were identified, and the features of the representation of the topic were highlighted, where the classification by digital actors of various types was made with following groups: mass media, famous public figures and ordinary users. The features of the response to tragic events in the form of condemnation, shifting responsibility, skepticism, justification and romanticization of violence were determined.

Research implications. This paper is intended to initiate the study in the domestic academic community of both media and public reaction to terrorist attacks on schools for the risks of “romantic” and apologetic representation of the actors of violence in the context of an obvious deficit of such studies. Based on the results of the study, the authors identify key promising lines and limitations and characterize the field of specific actions of educational organizations, government bodies and civil society institutions to prevent such attacks.

Keywords

armed attacks on educational institutions, deviant behavior, destructive influence, romanticization of violence, information flows, social media

Acknowledgments

The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme no. 125062507558-8).

References

1. Gorbatkova, O. I. & Romero Reyes, I. V. (2017). The Problem of School Violence in Reflection of Contemporary Russian Media. In: *Media Education*, 4, 189–205 (in Russ.).
2. Grinenko, U. B. & Romero Reyes, I. V. (2021). Semantic Analysis of Digital Destructive Content on the Topic of "School Shooting" on the Social Network "Vkontakte". In: *Psychology and Law*, 4, 180–195 (in Russ.).
3. Dombrovskaya, A. Yu. & Brodovskaya, E. V. (2024). Cognitive Maps of Information Flows of Consolidating and Deconsolidating Orientation in Russian Social Media (2023–2024). In: *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 3, 155–176 (in Russ.).
4. Dombrovskaya, A. Yu. & Brodovskaya, E. V. (2025). Scale, Contexts, and Social Effects of Solidarity Information Flows in Russian Social Media (2023–2024). In: *Research Result. Sociology and Management*, 1, 71–90 (in Russ.).
5. Kazantseva, A. R. (2022). The Phenomenon of School Shooting and the Stylistics of Its Media Coverage (Based on Publications about the Tragedy in Kazan). In: *Modern Media Environment: Traditions, Current Practices, and Trends. A View of Young Researchers: Articles from the 21st International Conference of Students, Master's Students, and Postgraduates (St. Petersburg, March 9–11, 2022)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 241–248 (in Russ.).
6. Karpov, V. O. (2018). The Cult of Columbine: The Main Determinants of Mass Murders in Schools. In: *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 4, 442–446 (in Russ.).
7. Karpova, A. Yu. & Maksimova, N. G. (2021). School Shooting in Russia: What Matters? In: *The Authority*, 1, 93–108 (in Russ.).
8. Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Ognev, A. S., Lukushin, V. A. & Davydova, M. A. (2021). Non-Digital and Digital Markers of the Risk of Armed Attacks on Educational Institutions. In: *Human Capital*, 11, 88–99 (in Russ.).
9. Nikishin, V. D. (2021). Columbine (School Shooting): Essence, Legal Qualification, Forensic Diagnostics. In: *Lex Russica*, 74, 62–76 (in Russ.).
10. Plotnikov, V. V. & Samoilov, S. F. (2021). The Problem of School Shooting (Columbine) in Russian Science. In: *Society and Law*, 2, 163–168 (in Russ.).
11. Sukhodolskaya, Yu. V. (2020). School Shooting as a Separate Criminological Phenomenon. In: *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 3, 117–120 (in Russ.).

- ЛИНГВИСТИКА ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
- 12. Hawdon, J., Oksanen, A. & Räsänen, P. (2012). Media Coverage and Solidarity after Tragedies: The Reporting of School Shootings in Two Nations. In: *Comparative Sociology*, 11, 845–874.
 - 13. Meindl, J. N. & Ivy, J. W. (2017). Mass Shootings: The Role of the Media in Promoting Generalized Imitation. In: *American Journal of Public Health*, 107, 368–370.
 - 14. Oksanen, A., Räsänen, P., Nurmi, J., et al. (2010). "This Can't Happen Here!" Community Reactions to School Shootings in Finland. In: *Research on Finnish Society*, 3, 19–27.
 - 15. Oksanen, A., Hawdon, J. & Räsänen, P. (2014). Glamorizing Rampage Online: School Shooting Fan Communities on YouTube. In: *Technology in Society*, 39, 55–67.
 - 16. Schildkraut, J. (2012). Media and Massacre: A Comparative Analysis of the Reporting of the 2007 Virginia Tech Shootings. In: *Fast Capitalism*, 9, 1–22.
 - 17. Silva, J. R. & Capellan, J. A. (2018). A Comparative Analysis of Media Coverage of Mass Public Shootings: Examining Rampage, Disgruntled Employee, School, and Lone-Wolf Terrorist Shootings in the United States. In: *Criminal Justice Policy Review*, 30, 1312–1341.
 - 18. Lotan, G. E., Graeff, M., Gaffney, D., et al. (2011). The Arab Spring. The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions. In: *International Journal of Communication*, 5, 1375–1405.

ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: РЕТРОСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ

Девочкина Арина Сергеевна

- e-mail: a.devochchina00@bk.ru;
аспирант кафедры социологии и психологии политики
факультета политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Девочкина А. С. Изучение молодёжной политики в контексте обновления российской политической элиты: ретроспектива исследований // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4 URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 06.05.2025
- Статья размещена на сайте 22.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Исследования молодёжной политики в дореволюционный и советский периоды \(1906–1990 гг.\)](#)

[Переосмысление роли молодёжной политики в условиях политических и социальных изменений \(1990–2005 гг.\)](#)

[Изучение механизмов молодёжной политики как инструмента обновления политической элиты в современной России \(2005 г. – н. в.\)](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Воссоздать историю изучения молодёжной политики как инструмента обновления российской политической элиты в ХХ–XXI вв.

Процедура и методы. Проведён анализ корпуса текстов российских исследователей В. О. Ключевского, И. М. Ильинского, О. В. Гаман-Голутвиной и др. с применением историко-сравнительного и контент-анализа по трём периодам: дореволюционный и советский (1906–1990 гг.), постсоветский (1990–2005 гг.) и современный (2005 г. – н. в.).

Результаты. Результаты исследования позволили проследить трансформацию научных взглядов на роль молодёжной политики в обновлении политической элиты России. В ходе работы были систематизированы основные теоретические концепции и выявлены ключевые этапы их развития: от рассмотрения молодёжи как объекта государственной политики до признания её активным субъектом политических преобразований. Особое внимание уделено анализу механизмов влияния молодёжных организаций на процессы элитообразования в различные исторические периоды.

Теоретическая и практическая значимость заключается в систематизации междисциплинарных подходов к изучению молодёжной политики. Разработанная периодизация отражает взаимосвязь эволюции молодёжной политики и трансформации элит, а также обосновывает перспективы изучения неформальных молодёжных объединений как факторов элитообразования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная молодёжная политика, молодёжное политическое лидерство, молодёжь, политическая элита, система рекрутования

ВВЕДЕНИЕ

Анализ истории изучения молодёжной политики как инструмента обновления российской политической элиты предполагает необходимость установления чётких методологических и теоретических рамок исследования. Молодёжная политика занимает ключевое место в системе государственного управления и социальной политики, будучи направленной на социализацию молодого поколения, формирование его ценностных ориентаций, активной гражданской позиции, а также на инте-

грацию молодёжи в общественно значимые процессы страны. Одновременно эта сфера неразрывно связана с процессами воспроизведения политических элит, обеспечения преемственности власти и формирования кадрового резерва для государственных органов управления.

Данное двойственное значение молодёжной политики делает её объектом междисциплинарного исследования, требующего применения подходов из области политологии, философии, социологии, истории и педагогики.

Важно отметить, что молодёжная политика не только отражает текущие социально-политические реалии, но и сама выступает фактором, влияющим на их трансформацию. Современные вызовы и угрозы, с которыми сталкивается Россия, требуют оперативных и тактических решений, а также стратегического подхода к государственному управлению и регулированию. Потребность в обновлении политической элиты обусловлена тем, что в системе государственного управления в России наблюдается дефицит кадров на всех уровнях власти, при этом требуются управленцы, обладающие стратегическим мышлением и способные работать в условиях постоянных изменений, склонность к чему в большей степени наблюдается именно у молодёжи [15, с. 69]. В этом контексте молодёжь играет ключевую роль, ведь её социальная активность, инновационный взгляд, гибкость и быстрая способность к адаптации [4, с. 24] формируют стратегический образ будущего России.

Российская государственная молодёжная политика представляет собой «многомерную, сложную систему дискурсов, диспозиций, программ и проектов, деятельности социальных и политических структур, конкретных социальных практик работы с молодёжью, ориентированных на управление транзитом молодёжи и формирование у неё жизненных стратегий, ценностных ориентаций и повседневных практик» [7, с. 30]. Важнейшая задача такой политики заключается не только в поддержке процесса социализации, но и в создании условий для интеграции наиболее активных и талантливых молодых людей в политическую элиту через механизмы выявления и поддержки их лидерского потенциала.

История изучения молодёжной политики в России характеризуется фрагментарностью и прерывистостью исследования, что обусловлено изменением политического, социального и идеологического контекста на разных этапах развития страны.

Если изначально такие исследования носили преимущественно прикладной характер, связанный с задачами государственного строительства и формирования элиты, то впоследствии в условиях трансформации политической системы и социальных изменений произошло переосмысление роли молодёжной политики, что привело к появлению новых исследовательских направлений и методологических подходов. Таким образом, изучение молодёжной политики как инструмента обновления российской политической элиты представляет собой многосторонний процесс, отражающий эволюцию государственной политики, общественных отношений и научной мысли. Рассмотрение исторических этапов развития молодёжной политики позволяет лучше понять её функции и значимость в контексте обновления политической элиты на протяжении всей истории России.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ (1906–1990 гг.)

Научное осмысление молодёжной политики как инструмента формирования политической элиты прошло многоэтапный путь развития, отражающий трансформацию общественно-политической системы России. В дореволюционный период (1906–1917 гг.) данная проблематика впервые рассматривала молодёжь как субъект политического процесса преимущественно через призму анализа студенческих движений, что нашло отражение в работах М. В. Довнара-Запольского [6] и В. О. Ключевского [9]. Данные исследователи акцентировали внимание на социально-экономических детерминантах политической активности молодёжи, особой роли университетов как центров формирования оппозиционных настроений и значении студенческих организаций как каналов вертикальной мобильности.

С установлением советской власти произошла кардинальная трансформация подходов к изучению молодёжной политики. Период 1917–1990 гг. характеризовался её жёсткой институционализацией в рамках марксистско-ленинской идеологической парадигмы. В работах В. И. Ленина [11], М. Н. Руткевича [17] и Б. Т. Лихачёва [12] была разработана целостная концепция коммунистического воспитания молодёжи, где ВЛКСМ позици-

онировался как ключевой инструмент формирования будущей политической элиты. Авторы, заложив теоретическую основу для формирования советской молодёжной политики, подчёркивали необходимость вовлечения молодёжи в строительство социализма и идеологического воспитания будущей политической элиты. Данный период характеризовался противоречием между декларируемыми принципами социального равенства в рамках транслируемой идеологии и реальными механизмами элитного отбора через комсомольские структуры.

Методологическая основа исследований рассматриваемого периода включает в себя три основных исследовательских подхода: историко-генетический анализ эволюции молодёжного движения, социологическое изучение молодёжных групп как особой социальной страты и идеологическую интерпретацию воспитательных практик. Важно подчеркнуть, что на протяжении всего советского периода, несмотря на формализованную систему кадрового отбора, наблюдалось существенное расхождение между декларируемыми принципами формирования политической элиты и фактическими механизмами её воспроизведения. Данное противоречие, требующее углублённого методологического анализа в рамках современных теорий элит, свидетельствует о сложном характере взаимосвязи между институциональными структурами и реальными практиками элитообразования.

Центральное значение для научного анализа приобретает изучение функциональной трансформации молодёжной политики, эволюционировавшей от спонтанного механизма вертикальной мобильности в дореволюционный период к жёстко структурированной системе кадрового рекрутинга в советскую эпоху. Данная динамика демонстрирует принципиальную трансформацию государственного подхода к молодёжи – от восприятия её как потенциального дестабилизирующего фактора до признания ключевым элементом системы воспроизведения политической элиты.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (1990–2005 ГГ.)

Период 1990–2005 гг. ознаменовался кардинальной трансформацией подходов к молодёжной политике в контексте ра-

дикальных социально-политических изменений в России. Распад СССР и демонтаж прежней политической системы привели к пересмотру концептуальных основ работы с молодёжью – от жёстко идеологизированной модели к плюралистической системе, учитывающей разнообразие интересов молодого поколения.

Формирование новой нормативно-правовой базы (Закон «Об общих началах государственной молодёжной политики» 1991 г., постановление Верховного Совета 1993 г.) создало институциональные предпосылки для развития альтернативных форм молодёжного участия. Как отмечает И. М. Ильинский в работе «Молодёжь и молодёжная политика» [8], распад ВЛКСМ способствовал возникновению независимых молодёжных организаций, ставших важным каналом политической социализации молодого поколения и площадкой для формирования их лидерского потенциала. Социологические исследования данного периода (А. И. Ковалёва, В. А. Луков [10], М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги [4]) выявили существенные изменения в ценностных ориентациях молодёжи, её возросшую автономность и стремление к самореализации. При этом авторы акцентировали внимание на сложностях реализации молодёжной политики в 1990-е гг. в условиях социально-экономического кризиса, безработицы и роста социального неравенства, которые породили снижение политической активности молодёжи, связанное с экономическими трудностями и кризисом доверия к институтам власти.

Особое значение приобрели работы, анализирующие новые формы молодёжного участия и процесса «элитного инжиниринга» через призму теории социальных лифтов (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги [4]). Несмотря на появление молодёжных отделений политических партий, исследователи фиксировали переориентацию молодёжи на альтернативные формы гражданской активности, что требовало разработки новых механизмов её вовлечения в политический процесс.

Рассматриваемый период характеризовался фундаментальной трансформацией модели молодёжной политики: от унитарной государственно-идеологической системы к поликентричной структуре, интегрирующей институциональные механизмы государственного регулирования с альтернативными формами общественной самоорганизации. Данная трансформация имела принципиальное значение для последующего

развития системы рекрутинга политической элиты, создав предпосылки для формирования современных механизмов отбора и подготовки управленческих кадров. В методологическом плане данный переход потребовал разработки новых аналитических подходов, способных учитывать как формальные институты государственной молодёжной политики, так и неформальные практики гражданского участия, что в значительной степени определило вектор дальнейших исследований в данной области.

ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (2005 Г. – Н. В.)

Современный этап развития российской молодёжной политики характеризуется её системной институционализацией в качестве важнейшего инструмента формирования и обновления политической элиты. Данный процесс отражает качественный переход от локальных инициатив к целенаправленной государственной политике, который нашёл своё выражение в принятии основополагающего Федерального закона «О молодёжной политике в РФ», создании отраслевых министерств регионального и муниципального уровня, а также многопрофильной системы молодёжных форумов, кадровых конкурсов и образовательных программ для различных аудиторий молодёжи. Современные исследования (Зиненко В. Е., Карпова В. В., Орлова Н. В. [5]) подчёркивают, что современная молодёжная политика приобрела характер комплексного социального лифта, сочетающего механизмы массового вовлечения молодёжи в общественно-политические процессы развития страны и отбора перспективных кадров для органов государственной власти.

Теоретическое осмысление данного феномена представлено в работах ведущих российских исследователей. В монографии «Политические элиты России» [3] О. В. Гаман-Голутвина обосновывает концепцию молодёжи как стратегического ресурса элитного рекрутинга, акцентируя роль образовательных и социализационных механизмов в процессе формирования будущих политических лидеров. Развивая данную идею, Г. К. Ашин в работе «Элитология: история, теория, современность» [2] анализирует конкретные критерии кадрового рекрутинга и каналы включения молодёжи в политическую элиту,

подчёркивая значение институциональных возможностей, предоставляемых государственной молодёжной политикой.

Особый вклад в изучение региональных аспектов кадрового рекрутинга внесли исследования О. В. Поповой и Я. Ю. Шашковой [13], Т. А. Асеевой и Я. Ю. Шашковой [1], которые выявили существенную дифференциацию механизмов формирования молодёжного лидерства на субнациональном уровне. Их работы демонстрируют, как региональные особенности социально-экономического развития и политической культуры влияют на эффективность молодёжных кадровых программ. Эмпирические исследования И. С. Палитая и А. В. Селезневой [14] и А. В. Селезневой, А. Л. Божедомовой, Е. В. Луканиной [16] дополняют эту картину, показывая реальные траектории политической карьеры выпускников различных молодёжных проектов.

Несмотря на значительные институциональные достижения, современная система молодёжной политики продолжает сталкиваться с комплексом системных противоречий. Ключевые методологические вызовы включают: преодоление региональной асимметрии в доступе к кадровым лифтам, разрешение дилеммы между требованиями политической лояльности и профессиональными компетенциями, а также выработку сбалансированной модели взаимодействия централизованного управления и региональных инициатив. Данные проблемы актуализируют необходимость их концептуального осмысления через синтез современных теорий элит с инновационными подходами к изучению социальной мобильности, что открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований в данной области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый историко-политологический анализ эволюции научных представлений о молодёжной политике как инструменте обновления политической элиты России позволил выявить ключевые закономерности её трансформации. Исследование демонстрирует, что на различных этапах исторического развития молодёжь неизменно выступала важным ресурсом формирования элитных групп, хотя механизмы и цели её вовлечения существенно менялись.

В дореволюционный период (работы М. В. Довнар-Запольского, В. О. Ключевского) акцент делался на стихийных формах

политической социализации через студенческие движения. Советская эпоха (исследования Б. Т. Лихачева, М. Н. Руткевича) характеризовалась жёсткой институционализацией данного процесса в рамках комсомольской организации как «кузницы кадров». Современный этап (труды О. В. Гаман-Голутвиной, Г. К. Ашина) отражает переход к системной государственной политике, сочетающей образовательные программы, кадровые конкурсы и проектные формы работы.

Особую научную значимость представляет выявленная историческая преемственность в подходах к молодёжной политике, сохраняющаяся вопреки кардинальным трансформациям политической системы. Современные исследования позволяют не только систематизировать накопленный опыт, но и выработать новые механизмы формирования политического лидерства, учитывающие как традиционные практики, так и вызовы новой политической реальности. При этом сохраняется ряд методологических проблем, требующих дальнейшего изучения, таких как региональная дифференциация механизмов элитного рекрутинга и становление института молодёжного политического лидерства. Перспективными направлениями исследований выступают сравнительный анализ региональных моделей кадрового отбора, оценка эффективности конкретных программ подготовки управленческих кадров в области государственной молодёжной политики, что позволит углубить понимание механизмов элитообразования в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. Особенности реализации молодёжного политического лидерства в регионах РФ (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. №1. С. 94–99.
2. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2010. 600 с.
3. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
4. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. 592 с.

5. Государственная молодежная политика в России: социально психологические основания и технологии реализации / В. Е. Зинченко, В. В. Карпова, Н. В. Орлова, В. А. Плешаков, М. И. Прокопхина, А. А. Пронина, Е. В. Пронина, А. В. Селезнева, С. В. Чуев, И. Б. Шилина, С. Ю. Попова; под общ. ред. С. Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019. 446 с.
6. Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1907. 423 с.
7. Задонская И. А. Роль молодежной политики в формировании ценностных ориентаций современной молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. №2. С. 28–33.
8. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 692 с.
9. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 3. 3-е изд. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1908. 416 с.
10. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 350 с.
11. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всерос. съезде РКСМ 2 окт. 1920 г. М.: Молодая гвардия, 1984. 32 с.
12. Лихачев Б. Т. Теория коммунистического воспитания (опыт методологического исследования). М.: Педагогика, 1974. 493 с.
13. Молодежное политическое лидерство в российских регионах / О. В. Попова, Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев, Т. А. Асеева, О. В. Лагутин, Е. О. Негров, Д. А. Казанцев. СПб.: Скифия-принт, 2020. 216 с.
14. Молодежное политическое лидерство в современной России / под общ. ред. А. В. Селезневой. М.: Аквилон, 2023. 314 с.
15. Палитай И. С., Попова С. Ю., Селезнева А. В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. №455. С. 68–77.
16. Селезнева А. В., Божедомова А. Л., Луканина Е. В. Образы молодежных политических лидеров в сознании российской молодёжи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. №67. С. 190–201.
17. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР / М. Н. Руткевич, Н. В. Колбановский, А. М. Гелюта и др. М.: Наука, 1976. 224 с.

ARTICLE INFORMATION

Author

Arina S. Devochkina

- e-mail: a.devochkina00@bk.ru,
Postgraduate student, Department of Sociology and Psychology of
Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation

Devochkina, A. S. (2025). Youth Policy Studies in the Context of Renewing the Russian Political Elite: Retrospective of Research. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reconstruct the history of youth policy studies as a tool for the renewing the Russian political elite in the 20th–21st centuries.

Methodology. The corpus of texts by Russian researchers V. O. Klyuchevsky, I. M. Illyinsky, O. V. Gaman-Golutvina, etc. was analyzed using historical-comparative and content analysis for three periods: pre-revolutionary and Soviet (1906–1990), post-Soviet (1990–2005) and modern (2005–pres.).

Results. The results of the study made it possible to trace the transformation of scientific views on the role of youth policy in the renewal of Russia's political elite. The main theoretical concepts were systematized, and the key stages of their development were identified: from the consideration of youth as an object of state policy to its recognition as an active subject of political transformation. Special attention is paid to the analysis of the mechanisms of youth organizations' influence on the processes of elite formation in different historical periods.

Research implications consist in the systematization of interdisciplinary approaches to youth policy studies. The developed periodization reflects the relationship between the evolution of youth policy and the transformation of elites and also substantiates the prospects of studying informal youth associations as factors of elite formation.

Keywords

State youth policy, youth political leadership, youth, political elite, recruitment system

References

1. Aseeva, T. A. & Shashkova, Ya. Yu. (2021). Features of the Implementation of Youth Political Leadership in the Regions of the Russian Federation (On the Example of the Altai Territory). In: *History and Modern Perspectives*, 3 (1), 94–99 (in Russ.).
2. Ashin, G. K. (2010). *Elitology: History, Theory, Modernity*. Moscow: MGIMO publ. (in Russ.).
3. Gaman-Golutvina, O. V. (2006). *Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution*. Moscow: ROSSPEN publ. (in Russ.).
4. Gorshkov, M. K. & Shereg, F. E. (2010). *Youth of Russia: Sociological Portrait*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ. (in Russ.).
5. Zinenko, V. E., Karpova, V. V., Orlova, N. V., et al. (2019). *State Youth Policy in Russia: Social-Psychological Foundations and Implementation Technologies*. Moscow: Akvilon publ. (in Russ.).
6. Dovnar-Zapolsky, M. V. (1907). *Ideals of the Decembrists*. Moscow: I. D. Sytin publ. (in Russ.).
7. Zadonskaya, I. A. (2016). The Role of Youth Policy in Composing the Value Orientations of Modern Youth. In: *Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 2, 28–33 (in Russ.).
8. Ilyinsky, I. M. (2001). *Youth and Youth Policy*. Moscow: Golos publ. (in Russ.).
9. Klyuchevsky, V. O. (1999). *Course of Russian history. Vol. 3*. Moscow: G. Lissner and D. Sovko publ. (in Russ.).
10. Kovaleva, A. I. & Lukov, V. A. (1999). *Sociology of Youth: Theoretical Issues*. Moscow: Sotsium publ. (in Russ.).
11. Lenin, V. I. (1984). *The Tasks of Youth Leagues. Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth League, October 2, 1920*. Moscow: Molodaya Gvardiya publ. (in Russ.).
12. Likhachev, B. T. (1974). *The Theory of Communist Education (Methodological Research Attempt)*. Moscow: Pedagogy publ. (in Russ.).
13. Popova, O. V., Shashkova, Ya. Yu., Aseev, S. Yu., et al. (2020). *Youth Political Leadership in Russia's Regions*. St. Petersburg: Skifia-Print publ. (in Russ.).
14. Selezneva, A. V. (2023). *Youth Political Leadership in Modern Russia*. Moscow: Akvilon publ. (in Russ.).

15. Palitai, I. S., Popova, S. Yu. & Selezneva, A. V. (2020). Recruitment of Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 455, 68–77 (in Russ.).
16. Selezneva, A. V., Bozhedomova, A. L. & Lukanina, E. V. (2022). Youth Political Leaders' Images in Minds of Russian Youth. In: *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 67, 190–201 (in Russ.).
17. Rutkevich, M. N., Kolbanovsky, N. V. Gelyuta, A. M., et al. (1976). *Social Structure of the Developed Socialist Society in the USSR*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И САМОБЫТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (XIX – НАЧАЛО ХХ ВВ.)

Денильханов Асланбек Хаважович

- e-mail: aslanbekk@yandex.ru;
кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, доцент Высшей школы бизнеса; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Ленинские горы 1, Российской Федерации

Для цитирования

Денильханов А. Х. Проблемное поле и самобытность российского либерализма (XIX – начало XX вв.) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 08.07.2025
- Статья размещена на сайте 04.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Проблема самоценности и свободы личности](#)

[Проблема государственного устройства](#)

[Проблема конституции как основного закона государства](#)

[Философия хозяйства и проблема частной собственности](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Реконструкция ценностей классического либерализма в связи с их аксиологической ревизией коллективным Западом. Ретроспективный анализ базовых принципов европейского либерализма, их интерпретация и верификация в социально-политической мысли России исследуемого периода позволяют определить его сущностные основания и перспективы развития российской политической науки и государства.

Процедура и методы. В исследовании применён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, описательный, аксиологический, структурно-функциональный, анализа и синтеза.

Результаты. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, какие основополагающие принципы европейского либерализма были заимствованы и аксиологически усвоены русскими либералами с учётом специфики российской действительности. Процесс интерпретации и верификации ключевых постулатов европейского либерализма происходил с помощью новых методологических подходов: проблема свободного человека имела метафизическое измерение, где были сплетены две тенденции – свобода личности и поиск границ этой свободы; антиномии западной социальной теории решались с нравственно-гуманистических позиций; формой правления признавалась монархия, обеспечивающая единство народа и государственную стабильность; основанием конституционализма была философия права с выраженным идеалом нравственно-правового разума; философия хозяйства формировалась под влиянием социокультурных факторов и выразилась в идее единства собственности и государства. Историческая драма русского либерализма заключалась в его радикализации и, как следствие, отказе от эволюционного пути развития России в начале XX столетия.

Теоретическая и / или практическая значимость исследования заключаются в выявлении самобытности российского либерализма и актуализации проблемного поля политico-правовой мысли России в конце XIX – начале XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

либерализм, свобода личности, монархия, философия права, конституционализм, частная собственность

ВВЕДЕНИЕ

Человечество проделало долгий и трудный путь, пока вырабатывался либеральный дискурс, концептуально оформившийся к XVIII в. Как феномен общественной мысли либерализм развивался от концепций естественного права и общественно-го договора через теоретические положения консервативно-го либерализма до решительных политических инициатив в борьбе за нормативное закрепление прав граждан в высшем законе государства – конституции. Либеральная доктрина, утверждавшая приоритетность прав отдельного человека по отношению к правам общества и государства, была понятна и привлекательна. Идеи либерализма вырабатывались вначале интеллектуальной элитой, затем усваивались активными деловыми слоями общества и постепенно становились общепринятой моделью, которую последовательно принимали вначале европейские страны, затем другие страны и континенты.

Либерализм в России формировался в идеологическом поле либеральных западноевропейских идей. Это общепризнанная в социально-политической и философской мысли точка зрения. В то же время пространство русской либеральной мысли осталось, образно выражаясь, «островным», но при этом сложно организованным. Профессор Кёльнского университета Л. М. Люкс объясняет это тем, что «... либеральный курс должен был опираться на социального носителя, – найти его было очень трудно. В России не было или почти не было среднего состояния – главной опоры политического свободомыслия на Западе» [11, с. 8]. Мировоззренческую платформу европейского либерализма представлял широкий принцип личной свободы индивидуума, который определял ценностную базу европейской культуры, и точка зрения немецкого историка выражена более чем определённо. Однако следует задаться вопросом, исчерпывает ли она вопрос об органической логике развития русского либерализма, о целостности идеологического пространства этого важнейшего явления русской истории? Думается, что нет.

В данной статье мы исходим из понимания либерализма как сложного культурно-философского феномена, в котором отражены как ценностно-нормативные и политико-правовые составляющие сознания европейского общества, так и результаты историко-политического и духовного развития России.

Безусловно, либеральному мировоззрению присущи антиномии, которые следуют из принципа онтологического индивидуализма, а его концептуальные формы отражают процессы становления в Западной Европе гражданского общества, утверждения частной собственности, рыночной экономики и правового государства. Общие признаки европейского либерального мировоззрения проявились и в русском либерализме, adeptы которого стремились разрешить антиномии либерального индивидуализма с учётом духовного опыта и особенностей российской действительности. «При наличии существенной национальной специфики, российская общественно-политическая мысль являлась неотъемлемой частью европейской интеллектуально-культурной традиции» [7, с. 83]. Однако, в отличие от европейского либерализма, который проходил исторически последовательные этапы политической борьбы, порой разрешавшейся остройми революционными противоречиями, либерализм в России в осознанных концептуальных формах развивался уже с учётом последствий Великой французской революции (1789–1799) с её якобинским размахом и выступал за эволюционный путь развития. В этой связи исследователь русского либерализма В. В. Леонович писал: «Либерализм знает, что насилиственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти, – т. е. силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя ещё гораздо более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций» [10, с. 24]. Поэтому русский либерализм, усваивая европейские либеральные ценности и концепции, стремился рационально обосновать необходимость постепенной трансформации традиционного уклада жизни, осуществить жизнеспособный синтез самодержавия и демократии. В этом заключалась специфика русского либерализма. В этой связи представляется принципиально важным определить мировоззренческую целостность сложного поля русской либеральной мысли исследуемого периода для понимания причин драматических событий, произошедших в Российской империи в начале XX столетия, в результате которых на долгие годы были табуированы исследования в обла-

сти русского либерализма, переосмыслить её историческую продуктивность и перспективу.

В конце XX в. после почти семидесятилетнего «забвения» (1917–1985) в процессе перестройки в СССР – политики, направленной на изменение формы государства и всех её элементов, – мировоззрение либерализма вновь актуализировалось и было «реанимировано» научной и общественной мыслью России. В научных изысканиях и различных социально-политических дискуссиях по данной проблематике появились попытки определить мировоззренческую целостность и историческую перспективу русской либеральной мысли. В марте 1993 г. в Москве проходила конференция «Русская философия и Россия сегодня». На ней прозвучали два доклада, освещавшие этот вопрос с разных позиций. В исследовании В. И. Приленского, посвящённом анализу мировоззрения ранних русских либералов, особенностям и судьбам русского либерализма XIX в., отмечается, что в докладе А. Валицкого «Русская философская традиция и либерализм» при изучении наследия таких мыслителей, как Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, говорилось о принципиальной антипозитивистской направленности либеральной мысли в России [12, с. 9; 2]. В докладе В. Ф. Пустарникова «Была ли у русского либерализма своя философия?» утверждалось, что как раз позитивистскую философию следует считать базовой для русского либерализма [12, с. 9]. Эти две противоположные позиции, по мнению В. И. Приленского, продемонстрировали принципиальную невозможность подвести русский либерализм под «соответствующую» философию, что свидетельствует о сложности и специфике проблемного поля отечественного либерализма, и поэтому учёный предлагает назвать эту систему взглядов или комплекс идей мировоззрением. По справедливому замечанию И. А. Акашкина, несвоевременные и неудачные попытки «либерализации» страны в конце XX в. привели к тому, что сформировалось негативное отношение к либеральным ценностям [1, с. 4]. Потому важно выяснить жизнеспособность и перспективу либеральной доктрины в России сегодня, поскольку, во-первых, в истории русского либерализма отразились практически все ключевые теоретические проблемы европейского либерализма (свобода личности, государственное устройство, конституция как основной закон государства, философия хозяйства и частная собственность), но в своеобразном преломлении, и, во-вторых, современный цивилизационный кризис и доктриналь-

ный кризис неолиберализма порождены, в частности, попыткой коллективного Запада навязать миру новую аксиологию либерализма, абсолютизируя ценности индивидуализма и индивидуальной свободы [3].

Для реализации цели исследования привлечён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, описательный, аксиологический, структурно-функциональный, анализа и синтеза.

ПРОБЛЕМА САМОЦЕННОСТИ И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Либерализм в России практически до конца XIX в. носил не доктринальный, а нравственно-этический и личностный характер. Специалист по культурной и интеллектуальной политике России, почётный профессор Бристольского университета Дерек Оффорд очертил круг интересов русских либеральных мыслителей гуманитарно-нравственными проблемами. По его мысли, даже экономическая свобода рассматривалась русскими либералами с позиции самоопределения личности, а не как основа для достижения коммерческих целей [19; 20]. Данное положение обосновывает историк-либерал К. Д. Кавелин в статье «Задачи этики», где он задаётся вопросом «Что такое нравственность, нравственное чувство, нравственная личность?» и отвечает: «Центр тяжести всего развития, всякого успеха человеческих обществ и народов, стержень, на котором вертится всё общественное здание и всё поступательное движение человеческого рода, есть нравственная личность...»¹. Характерно, что для одного из выдающихся либеральных мыслителей середины XIX в. нравственность относится к числу именно практических определений общественного облика деятеля. Культурно-исторические условия, в которых развивалась отечественная либеральная мысль, предполагали соединение рациональной аргументации формирующихся принципов либерально-демократического понимания развития общества с духовными феноменами традиционной и религиозной культуры, а исходные условия культурного и социального развития

¹ Кавелин К. Д. Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания // Кавелин К. Д. Собрание сочинений: в 4 т. [1897–1900]. Т. 3: Наука, философия и литература: [исследования, очерки и заметки К. Д. Кавелина] / с портр. авт.; вступ. ст. А. Ф. Кони; примеч. проф. Д. А. Корсакова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Стлб. 904, 969.

были таковы, что личность с трудом отделяла себя от соборного сознания.

Целостное понимание личности сформулировал выдающийся либеральный государственный деятель М. М. Сперанский. В 1838 г. М. М. Сперанский пишет для юношества «Руководство к познанию законов», в котором даёт первое в русской традиции определение личности: «Собственность лица есть власть человека над собственными его силами как душевными, так и телесными. Власть сия основана на первообразной власти духа над душою и души над телом. Сие называется личностью, самостоятельностью (personnalite)². Для российского реформатора личность была связана с обществом, но её частные, индивидуальные границы должны были защищаться законом, а её внутреннее содержание не должно было контролироваться никем, оставаясь приватным делом. Защищая идею «правильной монархии», М. М. Сперанский справедливо полагал, что свобода требует защиты политической и конституционной.

В середине XIX в. сформировалась точка зрения крайнего личностного индивидуализма, оказавшая впоследствии столь драматическое влияние на исторические судьбы страны. Она была выражена кумиром либерально настроенных кругов В. Г. Белинским, который постулировал: «...судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира...»³. В этот период проблема личности особенно остро стояла в центре общественного внимания. Формирование интеллигенции осуществлялось под преимущественным влиянием немецкой философии, в недрах которой черпались и представления о личности. От свободомыслящей и передовой личности требовалась достаточно высокая степень знакомства с западной, особенно немецкой философией, что служило основным признаком образованности. В понимании взаимоотношений личности и общества (а вернее, зависимости личности от общества) проходила граница между западниками и славянофилами. В противовес западникам-гегельянцам, славянофилы утверждали, что подлинная свобода личности возможна лишь на основе признания религии высшей ступенью духовной жизни. Отвергая рационализм и материализм, они отстаивали Бога в человеке.

² Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 52. (Серия: Русская государственная мысль).

³ Белинский В. Г. Письмо к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. // Белинский В. Г. Избранные философские сочинения / под общ. ред., вступ. ст. М. Т. Иовчука. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. С. 162.

Развитие понимания проблем личности, её роли в истории связаны с творчеством Б. Н. Чичерина, который «...одновременно и превозносит личность, и полон скепсиса относительно её роли в жизни общества» [15, с. 37]. По его мысли, «отрицать влияние личности на историю невозможно: человек, облечённый полномочиями, обязательно лично оказывает влияние на общественное развитие, направляя его в мирное русло, или, выбирая агрессивный ход, он может действовать средствами нравственными или безнравственными. Но лицо никогда не может действовать совершенно независимо от окружающей среды...»⁴. Воздействие воспитания, полученного в этой среде, воздействие множества порой неуловимых нитей, связывающих личность и среду, будет оказывать серьёзное влияние на его решения и поступки. А раз окружающая реальность важна в свободном становлении личности, она должна быть организована сообразно разумным и нравственным представлениям свободной и просвещённой личности. При этом не следует ожидать, что свобода личности осуществляется в полном объёме, поскольку «свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что он несёт на себе обязанность, и, наоборот ... Эти два начала неразрывные»⁵.

Концептуальное выражение проблема свободы личности, её отношения к обществу и государству получает в философии П. И. Новгородцева, который понимает личность как уникальную и важнейшую общественную ценность: «Когда мы рассматриваем личность в её общественном проявлении, мы видим, что она выступает здесь с требованием свободы и равенства»⁶. Из понятия личности следуют не только права, но и обязанности личности по отношению к обществу: «Входя в общение с себе подобными, личность не может отрицать их прав иначе, как отрицая свою собственную сущность и свои права. Отсюда рождается обязанность взаимного признания»⁷.

Об антагонизме личностных и общественных начал, а отсюда – об опасности отождествления свободы и равенства пред-

⁴ Чичерин Б. Н. Критика г. Крылова и способ исследования «Русской беседы» // Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. 1857. Т. 10. С. 748.

⁵ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма: антология. М.: Канон, 1997. С. 47.

⁶ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 110.

⁷ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 111.

упреждал Н. А. Бердяев: «Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы ... Свобода связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение⁸. Только «духовная соборность» способна разрешить эту квадратуру круга, эти антагономии человеческого бытия.

Таким образом, мыслители XIX – начала XX вв. стремились утвердить в российском обществе идеи просвещения и уважения к личности. Развитие идей свободы происходило от задачи самосознания личности, вычленения личности из всепоглощающего влияния общинного сознания до движения к пониманию её как фактора развития общества, выбирающей путь к гражданскому обществу и правовому государству.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Круг проблем, в котором либеральные мыслители рассматривали вопросы внутреннего устройства государства, был определён в связи с особенностями его исторического развития. Были две специфические российские проблемы, которые не затрагивались западной либеральной мыслью, следовательно, решались в рамках отечественной традиции: проблема крепостного права и проблема «особого пути», выраженная в почти вековой дискуссии на тему «Россия и Европа».

Отношение к крепостному праву объединяло мыслителей и общественных деятелей многих общественно-политических направлений. Но были особенности в понимании государственного устройства. Так, по мнению В. В. Леоновича, «Карамзин против освобождения крестьян, но ещё в большей степени против освобождения дворян от их многочисленных обязанностей как помещиков» [10, с. 91]. Известный историк и писатель, много сделавший для развития либерализма, по мнению современников, видел в крепостном праве особенность «взаимосцепления» социальных слоёв, а не позорную общественную язву. Однако основной вектор в развитии идей социально-политической мысли русского либерализма проле-

⁸ Бердяев Н. А. Философия неравенства / сост., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 162.

гал в однозначном осуждении крепостничества как антигуманистического явления.

Противопоставление России и Европы лежало в основе идейных направлений почти весь XIX в.⁹ Отношение к проблеме значения европейского политического опыта и европейской культуры в развитии культуры русской разделило мыслителей середины XIX в. на два лагеря – западников и славянофилов. При этом именно западники оказались трезвомыслящими деятелями, сумевшими в ситуации николаевского режима, во-первых, проанализировать и понять причины кризисного состояния России, усиленного последствиями Крымской войны, во-вторых, дать общую оценку возможностей страны к развитию в данных социально-экономических и политических условиях.

Сложившаяся историческая традиция отечественной общественно-политической мысли искать идеальные формы государственного уклада и власти привела к концепции христианского социализма, разработанной в трудах М. М. Сперанского [5]. Она складывалась из соединения принципов традиционной монархии с либеральным пониманием личности и нравственно-этическим учением христианства. Эту тему позднее подхватит и разовьёт С. Н. Трубецкой, который предложит концепцию соборного либерализма, заключавшегося в сознательном поиске пути к «метафизическому социализму», в стремлении к совершенному обществу, предполагая, что возможно и необходимо «уничтожить роковой антагонизм культурных начал современной России»¹⁰.

Таким образом, сплелись две основные тенденции миросозерцательного дискурса страны – полная свобода личности и поиск границ этой свободы, так как для либеральных мыслителей в России практически до начала XX в. проблема прав и свобод личности была тесно связана с проблемами монархического государства.

⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культуру и политические отношения Славянского мира к Романо-Германскому. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1871. 577 с.; Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. 82 с.

¹⁰ Трубецкой С. Н. Противоречия нашей культуры // Вестник Европы. 1894. №8. С. 516.

ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИИ КАК ОСНОВНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВА

Важнейший круг проблем, волновавших либеральных деятелей, состоял в дискуссиях о границах самодержавной власти и в утверждении приоритета закона в государственном управлении. Под влиянием философских концепций Дж. Локка, А. Смита, Ш. Монтескье уже с конца XVIII в. в аристократических слоях России появляются настойчивые попытки довести до сознания всех кругов правящей элиты необходимость введения в России конституционного правления. По мнению современного исследователя, «девятнадцатый век ... заявил о себе тогда, когда как будто эталонная французская монархия конца XVIII столетия неожиданно стала "старым порядком", когда парижские кружки научились идеалы Просвещения обращать в политическое действие, когда показалось возможным выстроить новое общество на новом фундаменте. Девятнадцатый век начался вместе с Французской революцией. Вместе с ней в европейскую жизнь пришло много важных понятий. Встал вопрос о нации и национализме. По-новому было прочитано слово "конституция". Возникло идеологическое размежевание среди интеллектуалов. Это была повестка на всё последующее столетие» [14, с. 7]. Известны, например, конституционные проекты графа Н. И. Панина, А. Р. Воронцова, которые были известны ограниченному кругу приближённых к власти лиц. Свои варианты проектов либеральных реформ государственной власти в 60–80-х гг. этого столетия предложили также С. Е. Десницкий, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков. В конце XVIII – начале XIX вв. в России становятся всё более популярными идеи конституционной монархии, ограниченной парламентом. Варианты республиканского обустройства России обсуждают уже в средних слоях образованного общества наряду с вопросами отмены крепостного права, развития местного самоуправления. В русле этих дискуссий в первой половине XIX в. формируются тайные общества, в которых вызревают идеи декабризма, представители которого поставили своей практической целью утверждение конституции, ограничивающей пределы самодержавной власти. Авторы этих проектов предлагали радикальные пути революционных преобразований, но ответственные государственные деятели стремилисьrationально сформулировать законы эволюционного развития

общества, пытаясь соединить традиционные представления о незыблемости данного государственного устройства с требованиями прогресса. Любые революционные потрясения в государстве либералы осуждали. Реформизм и легализм следовали из неприятия революционного способа преобразования существующего строя. В этой связи М. М. Сперанский писал: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»¹¹.

Наиболее пристальное внимание к проблемам конституционализма в практическом преломлении к историческим задачам развития России наблюдается во второй половине XIX – начале XX вв. [4; 8]. «Земская реформа 1864 г., – отмечает в этой связи современный учёный, доктор исторических наук А. Ю. Шутов, – привела к созданию всесословных выборных органов местного самоуправления, в которых впервые в отечественной истории в той или иной степени были представлены интересы всех социальных групп российского общества. Завершился период монопольной власти правительской бюрократии» [18, с. 29]. Обсуждение вопросов осуществлялось в контексте общественных дискуссий о путях реформирования России. В это время обсуждаются критерии самоуправления, способы взаимодействия органов земств и центральной власти,рабатываются либерально-правовые модели преобразования государственного устройства. В земско-либеральных проектах по сравнению с дворянским конституционализмом появляются принципиально новые идеи по переустройству страны, предлагаются варианты всесословного представительства с учётом российской специфики политического и социокультурного развития. «Это был период поиска баланса полномочий и прерогатив различных уровней самодержавной власти и общественного, сословного самоуправления. Власть и общество пытались выйти на новый уровень взаимодействия, далёкого, конечно же, от партнёрства, но и стремившегося к разделению ответственности за местные дела между самоу-

¹¹ Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с прил. М.: Русская мысль, 1905. С. 15.

правлением и коронной бюрократией. Накапливался большой опыт согласования интересов самодержавия и земств, выходивший за пределы административного регулирования, который мог быть осмыслен лишь в рамках конституционного процесса» [17, с. 11]. Происходит быстрая эволюция российского либерального конституционализма, за которой последовал переход в фазу практического осуществления теоретических наработок.

Главными философскими основаниями российского конституционализма XIX – начала XX в. были философия права с выраженным идеалом нравственно-правового разума и философия истории, в которой обосновывалась идея исторического разума. Именно эти широкие культурно-исторические, а не узко-прагматические основания создали такое парадоксальное явление, как правительственный конституционализм, возникший в годы правления Александра I, но остававшийся актуальным до начала XX в. Либеральные легалисты¹² стремились удержать традиционное устройство страны, слом которого, как показала практика, привёл к деструкции и трагическим последствиям. Они ставили консервативную цель, но при этом стремились добиться реформирования страны в сторону либерализации. В большинстве своём будучи юристами, они «...защищали верховенство правового закона как высшую ценность среди принципов нормального государственного устройства. Последовательно отстаивая приоритет права, либералы связывали его с идеей сильного государства, способного проводить необходимые реформы, обеспечивая порядок в стране» [6, с. 124]. Определяющей в их идеологии была «идея консервации или охранения духовных и национальных традиций» [13, с. 311]. Отстаивая тезис «о необходимости политической и социально-экономической модернизации страны по европейским моделям (либерализм) ... в итоге этих преобразований Россия не должна была утратить свои духовные и национальные традиции и обязательно должна была сохранить национальную и культурную идентичность (консерватизм)» [13, с. 311].

¹² В исследовательской литературе так принято называть сторонников консервативного либерализма, отстаивавших идею необходимости ограничения политики правовыми конституционными границами.

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА И ПРОБЛЕМА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В истории русской либеральной мысли было немало размышлений на тему оптимального экономического устройства страны, говорилось и о деловой свободе, о предпринимательском творчестве, но эти темы всегда были тесно переплетены с проблемами определения государственного устройства и личности. Можно предположить, что наиболее последовательные концепции экономического развития страны, основанные на развитии частного благосостояния, предложил один из ведущих экономических мыслителей начала XIX в. Н. С. Мордвинов. Важной характеристикой его либеральных взглядов является то, что основным стимулом экономического развития он считал частный интерес, выгоду, пользу: «Благосостояние частное есть начало и обоснование общественного, богатство частного человека есть нераздельное богатство государства»¹³. Этот принцип положен им в основу теории государственных доходов и всей теории финансов как принцип проведения ряда буржуазно-экономических преобразований, которые должно осуществить правительство. По его мнению, необходимо помогать частной хозяйственной деятельности протекционистскими тарифами, внедрением научно-технических усовершенствований в народное хозяйство. В вопросах значения частной собственности его поддерживал М. М. Сперанский, который увязывал частнособственную инициативу (гражданское право) с уверенностью в неизменности защиты законов (политическое право). Либеральное экономическое развитие, по его утверждению, возможно только в правовом государстве, которое в конечном итоге должно быть государством конституционным. Безопасность человека и имущества – это первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество. Отсюда следует отчётливое правило: чем больше у человека имущества, тем больше он заинтересован в защите права собственности. Значит, люди, обладающие собственностью, больше заботятся «о доброкачественности законов» и правильнее могут о них судить. Это важное для него положение, потому что неимущих всегда больше, чем имущих, и они легко могут получить перевес на собрании, а значит, и приобрет-

¹³ Мордвинов Н. С. Записки для памяти // Архив графов Мордвиновых. Т. 9. СПб., 1903. С. 9.

сти наибольшее влияние на законодательный процесс, чего не должно быть. Эти взгляды во второй половине XIX в. получили значимое опровержение в концепции человеческой солидарности М. М. Ковалевского, который стремился найти равнодействующую между правами отдельной личности вне зависимости от имущественного ценза и государством, обязанным патронировать все слои общества и стремиться к поддержанию солидарности между людьми в создании и обеспечении общности их интересов. «Индивидуализм, – писал он, – создал искусственное неравенство, социализм ищет создать искусственное равенство ... Индивидуализм обеспечивает преимущество только за теми, кто отличается достаточной ловкостью для их приобретения ... социализм желал бы предоставить те же преимущества всем безразлично и стремится к тому, чтобы обеспечить равенство в пользовании»¹⁴.

Значительный вклад в понимание проблем частной собственности внёс Б. Н. Чичерин, который признавал собственность необходимым гарантом свободы. В работе «Собственность и государство» он пишет, что государство – «самый плохой хозяин, какого только можно придумать». Претензии государства на руководство имуществом частного человека-хозяина всегда являются злом, ибо право собственности, по его мнению, есть коренное юридическое начало, вытекающее из свободы человека и устанавливающее полновластие лица над вещью. Но при этом, как государственный деятель, он делает вывод, что «государство есть высший союз, который призван сдерживать частные силы и не позволяет одним покорять себе другие ... Всякое частное порабощение противоречит государственным началам»¹⁵. Ему вторит П. И. Новгородцев, заявляя, что «свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью»¹⁶.

Таким образом, философия хозяйства отечественного либерализма выразила идеи единства собственности и государства, необходимости гарантированности норм человеческого существования и одновременного невмешательства государства в социально-экономическую сферу. Такая константная ситуация объясняется тем, что концепция собственности фор-

¹⁴ Ковалевский М. М. Очерки истории социальных систем // Ковалевский М. М. Сочинения: в 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1997. С. 11.

¹⁵ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3 т. Т. 2. М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1894. С. 39.

¹⁶ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Путь. 1926. №4. С. 60.

мировалась под влиянием общефилософских предпосылок и социокультурных факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские либералы, опираясь на традиции европейского либерализма, находили свои решения острых историко-политических вопросов через призму нравственно-правовой личности. Поэтому всю полноту отечественных либеральных взглядов можно охарактеризовать как стремление выработать теми или иными средствами нормативно-ценностную тенденцию социальной философии и политической мысли. Антисоциалистии европейской социальной теории – равенства и свободы, традиции и прогресса, личности и гражданина – русский либерализм пытался решать с позиций нравственно-гуманистических. «Русским либералам-интеллигентам, – отмечал В. В. Шелохов, – удалось создать рационалистическую мировоззренческую систему, в основе которой были положены общемировые человеческие ценности. Однако нельзя забывать, что даже самые хорошие теоретические модели могут оказаться невостребованными или даже отторгнутыми исторической средой, если она внутренне не созрела для их восприятия» [16, с. 263]. Начало XX в. для российского либерализма ознаменовалось подъёмом в интеллектуальном и организационном плане, сопровождавшимся созданием политических организаций, которые пытались практически реализовать свои идеи по государственному переустройству. Вместе с тем выявившаяся тенденция к радикализации доктрины либерализма, ориентированная на революционный путь преобразований, была ошибочной. В этом заключалась историческая драма российского либерализма. Слабая сторона русского либерализма, по мнению О. В. Кузнецова, была обусловлена «...и слабостью её социальной базы. Зародившись как дворянский, обнаруживший в пореформенный период способность оторваться от своей социальной основы, русский либерализм так и не смог обрести её в полной мере в лице буржуазии. Да и сама русская буржуазия, выросшая "под крылом" самодержавия, "оперилась" и заявила о себе как о самостоятельной политической силе тогда, когда время было безвозвратно упущено и выбор приходилось делать между правым и левым радикализмом» [9, с. 184].

Как известно, у истории не может быть сослагательного наклонения, и то, что либеральные реформы в России рубежа веков (XIX–XX вв.) закончились революционным взрывом, а затем социализмом в его большевистском варианте, есть историческая закономерность. Слишком глубоко были укоренены традиции монархизма как единоначалия и памятны условия крепостничества, слишком силён был правовой нигилизм, чтобы был установлен политический и правовой порядок в европейском понимании. Русский либерализм «представлял собой весьма специфическое явление. Основные категории либеральной мысли адаптировались к русской социокультурной и политико-экономической реальности, порой весьма сильно видоизменяясь ... Европейская идея конституционализма была дополнена принципом монархизма. Экономический либерализм ... дополнялся в России принципом сословности ... Русским либералам второй половины XIX в. был свойственен персонализм, центральной проблемой их социальных и исторических построений была ... свобода самовыражения и условия для её проявления. Однако европейский персонализм в российских условиях был дополнен принципом общности как уникального свойства российской социальной структуры» [7, с. 86]. Тем не менее исторический опыт развития русского либерализма, богатое публицистическое и теоретическое наследие оказали влияние на менталитет русского народа, главной задачей которого стал поиск особой формулы развития страны в новых условиях. Морально-нравственный аспект во всех сферах жизнедеятельности страны, её преобразованиях и сегодня остаётся главным в российской социально-политической и философской мысли. Он служит основным постулатом в противостоянии коллективному Западу в аксиологической ревизии последним ценностям либерализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акашкин И. А. Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX – начало XX веков). М.: Издательство Саратовского государственного университета, 2009. 195 с.
2. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. №8. С. 25–40.

3. Денильханов А. Х. Восток–Запад: социальная турбулентность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. №1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (дата обращения: 07.04.2025).
4. Денильханов А. Х. Социально-политические и правовые предпосылки конституционной модернизации России в начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. №1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (дата обращения: 07.04.2025).
5. Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского / под ред. Б. В. Велинского. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. 49 с.
6. Карипов Б. Н. Концептуальные основы политической доктрины русского классического либерализма // Вестник Томского государственного университета. 2011. №3. С. 120–125.
7. Коновалов А. А., Журтова А. А., Кандрокова Ф. С. Концептуальные основы русского и европейского либерализма второй половины XIX в. в сравнительной перспективе // Манускрипт. 2020. Т. 13. №5. С. 82–87.
8. Китаев В. А., Веденников В. В., Луночкин А. В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX века. М.: Магистр, 1997. 40 с.
9. Кузнецов О. В. Рецензия на книгу: Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) / В. А. Китаев. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004. 380 с. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. №10. С. 181–185.
10. Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.
11. Люкс Л. Интеллигенция и революция (Летопись триумфального поражения) // Вопросы философии. 1991. №11. С. 3–15.
12. Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Ч. 1. М.: ИФРАН, 1995. 316 с.
13. Рыбин Д. В. Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного либерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. №2. С. 304–316.
14. Соловьев К. А. Союз освобождения. Либеральная оппозиция в России начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 328 с.
15. Чижков С. Л. Учение Чичерина о личности и свободе // Полиграфия. 2008. №3. С. 37–49.

16. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: Россспэн, 1996. 277 с.
17. Шутов А. Ю. Земство и конституционализм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. №6. С. 7–16.
18. Шутов А. Ю. Местное самоуправление в России в 1880-е гг.: трансформация земского представительства // Вестник Российской нации. 2016. Т. 1. №1–1. С. 28–59.
19. Offord D. C. Portraits of Early Russian Liberals: A Study of Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin, K. D. Kavelin. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985. 281 p.
20. Offord D. C. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. Longman; Harlow, U. K.; New York: Pearson Education, 1999. 144 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Aslanbek K. Denilkhanov

- e-mail: aslanbekk@yandex.ru,
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Philosophy
of Political Science and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov MSU
Business School,
Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Denilkhanov, A. K. (2025). On Issues and Identity of the Russian Liberalism (19th – Early 20th Century). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reconstruct the values of classical liberalism regarding their axiological revision by the collective West. A retrospective analysis of the basic principles of European liberalism, their interpretation and verification in the socio-political thought of Russia during the period under study made it possible to determine its essential foundations and prospects for the development of Russian political science and the state.

Methodology. The study uses a wide range of general scientific methods and political science approaches: dialectical, descriptive, axiological, structural and functional, analysis and synthesis.

Results. It is concluded that fundamental principles of European liberalism were borrowed and axiologically assimilated by Russian liberals, considering the specifics of Russian reality. The process of interpreting and verifying the key tenets of European liberalism was made with use of new methodological approaches such as the following: the problem of free man was studying thorough a metaphysical dimension (two trends were intertwined – individual freedom and the search for the boundaries of this freedom); the antinomies of Western social theory were solved from moral and humanistic positions; the monarchy was recognized as a form of government, ensuring the unity of the people and state stability; the foundations of constitutionalism were the philosophy of law with a pronounced ideal of moral and legal reason; the philosophy of economy

was formed under the influence of socio-cultural factors and expressed itself in the idea of the unity of property and the state. The historical drama of Russian liberalism consisted in its radicalization and, as a result, the rejection of the evolutionary path of Russia's development at the beginning of the 20th century.

Research implications lie in discovering the identity of Russian liberalism and reactualizing the problematic field of political and legal thought in Russia in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords

liberalism, individual freedom, monarchy, philosophy of law, constitutionalism, private property

References

1. Akashkin, I. A. (2009). *Political and Legal Doctrine of Russian Liberalism (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)*. Moscow: Saratov State University publ. (in Russ.).
2. Valitsky, A. (1991). Morality and Law in the Theories of Russian Liberals of the 19th – Early 20th Centuries. In: *Voprosy Filosofii*, 8, 25–40 (in Russ.).
3. Denilkhanov, A. Kh. (2023). East–West: Social Turbulence. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (accessed: 07.04.2025) (in Russ.).
4. Denilkhanov, A. Kh. (2020). Socio-Political and Legal Prerequisites for the Constitutional Modernization of Russia in the Early 20th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (accessed: 07.04.2025) (in Russ.).
5. Kalyagin, V. A. (1973). *M. M. Speransky's Political Views*. Saratov: Saratov State University publ. (in Russ.).
6. Karipov, B. N. (2011). Conceptual Foundations of the Political Doctrine of Russian Classical Liberalism. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3, 120–125 (in Russ.).
7. Konovalov, A. A., Zhurtova, A. A. & Kandrokova, F. S. (2020). Conceptual Foundations of Russian and European Liberalism of the Second Half of the 19th Century in Comparative Perspective. In: *Manuscript*, 13 (5), 82–87 (in Russ.).
8. Kitaev, V. A., Vedernikov, V. V. & Lunochkin, A. V. (1997). *The Constitutional Question in Russian Liberal Journalism of the 1860s–1880s*. Moscow: Magistr publ. (in Russ.).

9. Kuznetsov, O. V. (2005). Book Review: Kitaev, V. A. *Liberal Thought in Russia (1860–1880s)*. Saratov: Saratov State University, 2004. 380 p. In: *Science Journal of VolsU. History. Area Studies. International Relations*, 10, 181–185 (in Russ.).
10. Leontovich, V. V. (1995). *History of Liberalism in Russia (1762–1914)*. Moscow: Russkii Put publ. (in Russ.).
11. Lyuks, L. (1991). The Intelligentsia and the Revolution (A Chronicle of a Triumphant Defeat). In: *Voprosy Filosofii*, 11, 3–15 (in Russ.).
12. Prilensky, V. I. (1995). *An Attempt to Study the Worldview of Early Russian Liberals*. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS publ. (in Russ.).
13. Rybin, D. V. (2023). The Ideology of the Liberal Legalist Movement and the Theory of Conservative Liberalism. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 68 (2), 304–316 (in Russ.).
14. Solovyov, K. A. (2021). *Union of Liberation. The Liberal Opposition in Russia at the Beginning of the 20th Century*. Moscow: Novoye Literary Obozrenie publ. (in Russ.).
15. Chizhkov, S. L. (2008). Chicherin's Doctrine of Personality and Freedom. In: *Polygnosis*, 3, 37–49 (in Russ.).
16. Shelokhaev, V. V. (1996). *Liberal Model of Russia's Reorganization*. Moscow: Rossppen publ. (in Russ.).
17. Shutov, A. Yu. (2015). Zemstvo and Constitutionalism. In: *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences*, 6, 7–16 (in Russ.).
18. Shutov, A. Yu. (2016). Local Self-Government in Russia in the 1880s: Transformation of Zemstvo Representation. In: *Bulletin of Russian Nation*, 1 (1–1), 28–59 (in Russ.).
19. Offord, D. C. (1985). *Portraits of Early Russian Liberals: A Study of Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin, K. D. Kavelin*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
20. Offord, D. C. (1999). *Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy*. Longman; Harlow, U. K.; New York: Pearson Education.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Зорин Владимир Юрьевич

- e-mail: v.y.zorin@mail.ru;
доктор политических наук, профессор, главный научный
сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными
организациями;
Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32А, Российская Федерация

Аствацатурова Майя Арташесовна

- e-mail: maya.astv@gmail.com;
доктор политических наук, профессор, руководитель Научно-
образовательного центра политических и этноконфессиональных
исследований;
Пятигорский государственный университет
357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9,
Российская Федерация

Бурда Михаил Александрович

- e-mail: burda-ma@ranepa.ru;
доктор политических наук, доцент кафедры политологии и
политического управления Института общественных наук,
руководитель направления «Миграция» Центра научно-
исследовательского и экспертного сопровождения проектов,
содействующих достижению национальных целей развития, имени
П. А. Столыпина Высшей школы государственного управления;
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация

Для цитирования

Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А., Бурда М. А. Миграционные процессы в современной России: актуальные реакции политики и управления // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 20.05.2025
- Статья размещена на сайте 04.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

[Политико-управленческие реакции российского миграционного контекста](#)

[Особенности миграционной привлекательности Российской Федерации](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование миграции населения в современном мире как сложного комплекса процессов жизненного выбора индивидов и групп, а также реализуемых политических и административно-управленческих решений, базирующихся на особенностях политической системы, политического режима, риторики политических сил, общественного мнения, необходимости решения стратегических задач в области национальной безопасности, экономики, демографии и регионального развития. Это определяет широкое проблемное поле исследования миграции, миграционных процессов, миграционной политики, а также государственного управления и регулирования миграционных процессов.

Процедура и методы. Миграция населения рассматривается не только как фактор, оказывающий влияние на политические процессы (внутренние и международные), или результат военных или этнополити-

ческих конфликтов, но и как объект государственного управления и самостоятельное направление государственной политики.

Результаты. В исследовании проанализированы миграционная привлекательность РФ как одного из центров миграционного притяжения, а также политико-управленческие реакции российского миграционного контекста, которые в настоящее время носят характер мер дополнительного регулирования и контроля над миграционной сферой. Имеющаяся практика совершенствования российского миграционного законодательства продемонстрировала активное участие в данном процессе институтов гражданского общества, в том числе Общественной палаты РФ, ставшей одной из ведущих площадок общественной презентации и последующего обсуждения целого ряда законопроектов.

Теоретическая и практическая значимость. В контексте нового документа стратегического планирования в миграционной сфере представлены конкретные предложения по совершенствованию государственной политики по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа, социокультурной адаптации и интеграции, внешней трудовой миграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

миграция, миграционные процессы, миграционная политика, государственное управление, Россия, миграционная привлекательность, внешняя трудовая миграция, соотечественники, русский язык, институты гражданского общества

ВВЕДЕНИЕ

Проблема миграции и регулирования миграционных процессов является одной из наиболее актуальных в системе общественно-политических и геополитических процессов. Миграционные тренды современности отражают многие объективные и субъективные реалии международных и внутригосударственных отношений, сами становятся их детерминантами и факторами. Причинно-следственные индикаторы миграции свидетельствуют о её существенном воздействии на экономическую, политическую, социальную сферы жизни государств и сообщества, а также об использовании её (включая манипулирование) в системе политики, управления, коммуникации, в общей системе упрочения или угроз национальной безопасности

и др. [9; 19]. Сегодня практически ни один аспект организации систем и подсистем социально-экономического и политико-управленческого пространства невозможно оптимизировать без регулирования миграции.

Миграционные потоки заслуживают пристального внимания с учётом многих обстоятельств, среди которых мы выделяем следующие. Так, миграционный приток: меняет социальный портрет принимающих обществ; придаёт новые существенно-функциональные свойства межэтническим отношениям; способствует формированию новых и новейших локальных этнических и конфессиональных (скорее, этноконфессиональных) социальных единиц; трансформирует социальные настроения и социальные ожидания как самих мигрантов, так и резидентов. Крайними формами противоречивого и конфликтного внедрения мигрантов в принимающие социумы являются межэтнические, межрелигиозные эксцессы – от скрытых проблем до манифестных конфликтов, криминальных проявлений, акций вандализма, национализма, а также и массовых протестов.

Понимание миграции в пределах современного общественно-политического знания отличается заметным приращением исследовательского нарратива и эмпирического банка. «За последние 50 лет произошло увеличение численности международных мигрантов. Если в 1970 г. общее количество международных мигрантов составляло не более 85 млн, а в 1990 г. – 153 миллиона человек, то к 2020 г. эта цифра увеличилась до 281 млн человек (3,6% всего населения)¹. Подобная тенденция прослеживается и в границах постсоветского пространства, где РФ остаётся основным центром миграционного притяжения [11].

Общеизвестные трактовки миграции, обусловленные пониманием её как перемещения масс населения между государствами или регионами в целях трудоустройства и жизненного устройства в целом (работа, учёба, образование, медицинские услуги), за последние десятилетия в силу необходимости реагирования на конфликтные прецеденты пополнились множеством убедительных научных разработок [5; 6; 16]. Они касаются этнического, конфессионального, идентификационного, ментального аспектов организации и управления в сфере

¹ Доклад о миграции в мире – 2022. [06.02.2023] // Фонд Росконгресс: [сайт]. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-migratsii-v-mire-2022> (дата обращения: 29.03.2025).

миграционных процессов, а также и других важных аспектов. Очевидны: а) соотнесение миграции с уровнем национальной безопасности; б) интеграция мигрантов в общественно-политический и нормативно-правовой контекст; в) адаптация мигрантов к историческим, культурным, ментальным характеристикам местных сообществ.

В европейских странах принципы мультикультурализма, которые в целом стоит рассматривать как здравые и гуманные, тем не менее создали множество объективных и субъективных проблем, решение которых не имеет видимых очертаний². Известные конфликты мигрантов и местного населения в Европе с выраженным этноконфессиональным компонентом свидетельствуют о том, что системные правовые, организационные и патронажные меры в отношении мигрантов недостаточны. Западные доктрины организации полиэтнических сообществ, которые базировались на убедительных нормах защиты прав человека и гражданина, в том числе национальных, религиозных, языковых и иных меньшинств, трансформировались в абсолютизацию социальных различий, которая не имеет видимых пределов. Такая абсолютизация, вероятно, оправдана с позиций экзистенциальных оценок идентификационных различий, реестр которых практически бесконечен. Умножение реестра индикаторов социально-идентификационной дифференциации и имплементация идеи целесообразности таковой «сверху» ставят под сомнение взаимную культурную продуктивную ассимиляцию, гражданскую консолидацию под эгидой общих ценностей – как культурных, так и гражданско-государственных.

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ РОССИЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО КОНТЕКСТА

Современная РФ после распада СССР и образования новых независимых государств столкнулась уже с несколькими потоками мигрантов, среди которых выделялись участники эвакуационной вынужденной миграции. Они прибывали в Россию для сохранения здоровья, имущества, а также и самой жизни

² В Евросоюзе в 2022 г. увеличился приток нелегальных мигрантов // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/880634> (дата обращения: 06.04.2025).

из регионов и стран, где шли жёсткие этнополитические конфликты [18].

Сегодня на повестке дня стоят миграционные проблемы нового качества, связанные с изменением геополитической конъюнктуры, а также со многими иными обстоятельствами. Это – отношения внутри ассоциаций и конвентов стран (СНГ, ЕврАзЭС, ЕАЭС, БРИКС и др.³); экономическая и политическая ситуация в странах ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Армения, Абхазия, Грузия, Казахстан, Турция, Южная Осетия); конфликты и гибридные войны, террористические угрозы, ведение военных и антитеррористических операций (Израиль, Палестина, Сирия, Ирак, Иран, Украина). На миграционные притоки в РФ влияют экономические факторы, стабильность курса национальной валюты, социально-услуговые резервы государства, а также и такие внезапные факторы, как COVID-19 и др.

Сегодня осмысление миграции и её следствий в РФ является актуальной проблемой. Проблемное поле российской миграционной политики наряду с всё более артикулируемым общественным запросом обусловило разработку и внедрение не только комплекса мер административно-управленческой практики и контрольно-надзорной деятельности правоохранительных органов в сфере миграции, но и конкретных законодательных инициатив, включённых в «пакет» поправок в национальное миграционное законодательство в 2024–2025 гг.

В утверждённой 15 октября 2025 г. Указом Президента Российской Федерации №738 «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» выделяется комплекс миграционных рисков, которым новая концепция должна противодействовать:

1. осуществление мигрантами террористических практик, угрожающих национальной безопасности;
2. совершение мигрантами множества криминальных действий в отношении граждан РФ;
3. потребность чёткого определения количественных и качественных параметров внешней трудовой миграции, критерии и категорий востребованной внешней миграции (соотечественники, репатрианты, переселенцы);

³ О развитии Евразийского экономического союза (ЕАЭС/ЕВРАЗЭС) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1472199 (дата обращения: 04.03.2025).

4. формирование замкнутых мест компактного проживания иностранных граждан и лиц с иммиграционным прошлым, где способна сформироваться параллельная правовая система, основанная на религиозных нормах;

5. внедрение цифровых механизмов в систему иммиграционного контроля.

Принятый в октябре 2025 г. новый доктринальный документ в риск-ориентированном подходе структурировал проведённую ранее работу органов исполнительной и законодательной власти в миграционной сфере. Ещё предыдущая итерация Концепции миграционной политики, план мероприятий по реализации которой был скорректирован в начале 2023 г., закрепила приоритет технологической модернизации в этой сфере. В 2024–2025 гг. существенно расширены полномочия профильных ведомств в области цифровизации соответствующих процедур, а именно:

- формирование электронных реестров организаций, привлекающих иностранных специалистов, и самих трудовых мигрантов (Работа в России);

- создание унифицированного цифрового профиля для иностранных граждан (Мигрант-ID);

- тестирование механизмов биометрической идентификации и отслеживания местонахождения (приложение Амина);

- внедрение режима ограничения доступа к услугам для лиц, нарушающих миграционное законодательство (Реестр лиц контролируемого пребывания).

Реализованные меры способствовали повышению эффективности контроля. Вместе с тем существующие системы позволяют работать преимущественно с данными иностранцев, уже находящихся в стране, и не решают задач досмотрового контроля на границе. Безвизовый порядок въезда для граждан ряда государств создаёт определённые сложности для проведения предварительных проверок. Целесообразным представляется использование биометрических технологий при пересечении границы для идентификации лиц без документов, верификации предоставленных сведений и оперативного принятия решений о предоставлении услуг. Применение современных аналитических систем способно существенно повысить эффективность пограничного контроля за счёт автоматизации обработки данных и ускорения процедур принятия решений.

В общем плане сегодня налицо переосмысление такой категории, как миграционная ёмкость России и её регионов, по которым миграционные тренды существенно разнятся. Миграционная привлекательность крупных промышленных и региональных центров, близость к московской агломерации и высокий уровень средней заработной платы становятся значимыми критериями формирования миграционного притяжения [4]. При уяснении миграционной ёмкости (в том числе, этнокультурной) важны не только экономические, структурно-производственные, социальные показатели (плотность населения, занятость населения, рынок труда и услуг, наличие социальной инфраструктуры и др.), но и такие свойства, как этнический и конфессиональный состав населения, комплекс этно-исторической памяти и этнический менталитет местных жителей, «отложенные» национальные вопросы и следствия состоявшихся этнических конфликтов, традиционные культурные установки резидентов. Учёт данных показателей важен в комплексе мер, которые призваны удерживать миграцию не только в российском нормативно-правовом поле, но и в поле традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые сегодня становятся политico-значимыми ориентирами позиционирования России⁴. Подчеркнём, что этнический, конфессиональный компоненты являются актуальными составляющими всей системы миграционной политики РФ – на уровне государственной власти и на уровне гражданского общества.

Основы и возможные проекции обновления политики РФ в сфере миграции находятся в повестке дня политico-управленческих структур высокого уровня. В своём выступлении на заседании президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям заместитель руководителя Администрации Президента РФ М. М. Магомедов обозначил основные выводы пережитого периода и приоритетные направления работы на будущее. Отмечалось, что российское общество выдержало испытания, а противники РФ не достигли желаемых результатов. Единство нации, действующая модель национальной политики подтвердили свою эффективность и способность отвечать на любые риски и вызовы, направленные на

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2025).

дестабилизацию этнокультурного суверенитета многонационального народа России, традиционных религий России в укреплении духовно-нравственных ценностей, противодействия экстремизму и государственную миграционную политику⁵.

Проблемы миграционной политики в части гуманитарной составляющей являются насущными для многих профильных министерств и ведомств, напрямую – для Федерального агентства по делам национальностей. Руководитель ФАДН И. В. Баринов на заседании Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей при рассмотрении проекта бюджета на 2025–2027 гг. отметил, что в некоторых регионах запустят pilotnyy project sotrudnichestva s inostrannymi migrantami.

Одной из главных общественных площадок взаимодействия институтов власти и гражданского общества в сфере миграционной политики является образованный в 2012 г. Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, в структуре Совета образована соответствующая Комиссия по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан. Тема миграции – одна из основополагающих на проводимых под эгидой Общественной палаты РФ всероссийских форумах «Сообщество» – крупнейшей в России открытой рабочей площадке для трёхстороннего диалога между обществом, бизнесом и властью для повышения качества разработки и реализации социальных проектов и развития межсекторного сотрудничества. Обширный пакет поправок в российское миграционное законодательство, принятых Государственной Думой ФС РФ в конце 2024 г., неоднократно обсуждался на площадке Комиссии Общественной Палаты РФ по межнациональному, межрелигиозному отношениям и миграции, а соответствующие экспертные заключения и рекомендации направлялись в органы власти⁷. Это позволяет говорить

⁵ Президиум совета при Президенте по межнациональным отношениям подвел итоги года // Национальный акцент: [сайт]. URL: <https://nazaccent.ru/content/43330-prezidium-soveta-pri-prezidente-po-mezhnacionalm-otnosheniym-podvel-itogi-goda> (дата обращения: 29.03.2025).

⁶ Центры адаптации мигрантов заработают в 2025 году. В Федеральном агентстве по делам национальностей рассказали о запуске试点ного проекта // Парламентская газета: [сайт]. [03.10.2024]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/centry-adaptacii-migrantov-zarabotayut-v-2025-godu.html> (дата обращения: 29.03.2025).

⁷ Подвести итоги, определить направления дальнейшей работы. В ОП РФ пройдет заседание Комиссии по межнациональному, межрелигиозным отно-

об эффективном сложившемся механизме взаимодействия институтов гражданского общества и власти в обсуждении столь острой и многозначительной темы, как государственная миграционная политика РФ.

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия остаётся одним из главных центров миграционного притяжения в мире и главным центром миграционного притяжения на постсоветском пространстве. Объёмы внешней миграции вернулись к доковидным показателям. Цифры официальной статистики, экспертные мнения дают существенно различающиеся в своих количественных показателях оценки находящихся в России иностранных граждан в диапазоне от 6 до 12 млн чел. С учётом лиц, находящихся на территории нашей страны с нарушениями миграционного законодательства, абсолютно большая часть мигрантов в современной России представляет выходцев из бывших союзных республик⁸.

В отношении динамики показателей миграции имеются достаточно полярные экспертные оценки [12; 14]. Действующая система миграционного учёта не отражает реальной численности мигрантов, так как многие из них, особенно занятые в нелегальном секторе, могут быть зарегистрированы в одном регионе, а работать – в другом либо вообще не состоять на учёте. По мнению Общественной палаты РФ, подобная неконтролируемая миграция создаёт риски для общественной безопасности, потенциально способствуя росту экстремизма и терроризма. В связи с этим наметившееся усиление мер иммиграционного контроля, введение процедуры обязательной идентификации иностранных граждан, ужесточение наказания за организацию нелегальной миграции – всё это необходимые шаги, предпринимаемые органами власти в области повышения эффективности управления миграционными процессами, и реакция власти на общественный запрос о секьюритизации миграции [15].

шениям и миграции // Общественная Палата Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://oprf.ru/announcement/2601> (дата обращения: 03.03.2025).

⁸ МВД раскрыло число мигрантов в России. МВД сообщило, что в России находится свыше 6,1 млн мигрантов // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ead3a49a7947fa173f2813> (дата обращения: 27.03.2025).

Согласно анализу [4], мигранты в России концентрируются в регионах с высокой привлекательностью, где могут формироваться их компактные поселения. Подобные тенденции характерны и как минимум для первого полугодия 2025 г., согласно данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁹. Формирование мест компактного проживания мигрантов в таких центрах миграционного притяжения сопровождается терминологической путаницей в медиаполе. Употребление понятия «этнический анклав» является некорректным, поскольку классическое определение анклава относится к geopolитике (часть государства, окружённая чужой территорией). В контексте внутренних этнополитических процессов уместнее говорить о материализации «параллельных пространств», обладающих особыми социальными, территориальными и культурными характеристиками. Отдельного внимания требует различение понятий «анклав» и «диаспора», которые в публичном дискурсе часто используются неверно и приобретают негативную коннотацию [17]. Научное сообщество ставит задачу не только апеллировать к существующим дефинициям [1; 2; 3; 10], но и способствовать повышению терминологической культуры.

У «параллельных сообществ» мигрантов есть два возможных пути формирования идентичности: стремление к равноправию с другими группами или создание обособленной «отличительной идентичности», подчёркивающей их уникальность. Как показывают исследования [7], в России чаще реализуется второй сценарий. Это связано с отсутствием эффективных механизмов социокультурной адаптации и интеграции, что делает задачу включения иностранных граждан в российское общество одной из ключевых в миграционной политике. В результате формируются замкнутые этнические анклавы, которые могут способствовать распространению экстремистских идеологий, отрицанию светских норм и правовых стандартов. При этом, как неоднократно указывала Общественная палата РФ, отмечаются рост мигрантофобии и расчеловечивание образа мигранта в медиа, что дополнительно затрудняет их адаптацию и усиливает социальную напряжённость.

⁹ Въезд иностранных граждан в РФ // ЕМИСС. Государственная статистика: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения 26.09.2025).

Ключевым фактором снижения конфликтности между мигрантами и местным населением является их языковая и образовательная подготовка [13]. Особую актуальность это приобретает в связи с притоком мигрантов из стран постсоветского пространства, многие из которых не владеют русским даже на базовом уровне и не знакомы с основами российского законодательства и истории. Как подчёркивал Президент РФ В. В. Путин¹⁰, знание языка отвечает интересам как государства и общества, так и самих мигрантов, а языковая интеграция напрямую влияет на гармонизацию межнациональных отношений. Это актуализирует необходимость обеспечения языковой подготовки потенциальных мигрантов ещё в государствах их выезда, при этом процедуры тестирования, проводимые в РФ, не должны носить условный или формальный характер, становясь объектом коррупционных отношений мигрантов, организаций, проводящих тестирование, и представителей власти. Целесообразно учитывать «этнокультурную ёмкость» принимающих регионов и культурно-ценностные резервы местных сообществ по «встречной» культурной адаптации и интеграции как взаимного согласования культурных норм мигрантов и резидентов.

Не менее важным вопросом является и внешняя трудовая миграция, где главной проблемой выступает несоответствие потребностей российского рынка труда тому предложению, что есть на рынке внешней трудовой миграции. Это несоответствие выражается в качественном показателе и заключается в отсутствии профессиональных навыков и квалификации у основной массы трудовых мигрантов, представляющих собой неквалифицированную рабочую силу. В настоящее время в российском миграционном законодательстве отсутствуют критерии количественного ограничения иностранной рабочей силы, определения их реальной потребности. В этой связи актуализируется запрос на выработку специальных механизмов организованного привлечения иностранных граждан к временной трудовой деятельности в России, которые бы позволили обеспечить их отбор на основании имеющихся навыков и квалификации, конкретной потребности российского работодателя.

¹⁰ Путин предложил решить проблему с уровнем владения языком у мигрантов // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/11/2024/672a1f819a79478749e4698d> (дата обращения: 29.03.2025); Выступление Президента России на заседании Совета глав государств – участников СНГ // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 29.03.2025).

ля и обязательного возврата на родину после истечения трудового договора.

Региональный опыт управления трудовой миграцией показал, что привлечение иностранной рабочей силы в некоторых сферах экономики было избыточным. Вакансии в таких отраслях, как розничная и оптовая торговля, транспортные и бытовые услуги, а также пищевое производство и образование, успешно заполняются за счёт местных трудовых ресурсов. На площадке соответствующей комиссии Общественной палаты РФ в 2024 г. уже обсуждались подобные механизмы, и эта работа была продолжена в 2025 г. как одно из ключевых направлений деятельности в сфере миграции. Результатом стало введение подобных запретов в 52 субъектах РФ, по данным на 1 сентября 2025 г.

«Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» тоже требует своего совершенствования [8]. Требуется пересмотр ключевых параметров программы по двум основным направлениям. На первоначальном этапе важно исключить схемы, при которых механизмы легализации используются исключительно для формального получения статусных преимуществ. Параллельно с этим целесообразно сместить фокус на привлечение лиц, ассоциирующих себя с общим культурно-историческим пространством «Русского мира»¹¹. Как отмечалось на высшем уровне, данное понятие охватывает широкий круг лиц, ощащающих общность с Россией на ценностной, языковой и культурной основе. Реализация Указа Президента РФ №702 от 19.08.2024 г. «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности»¹² расширяет критерии отнесения к категории соотечественников.

Внешняя трудовая миграция, продолжая оставаться одной из наиболее популярных целей въезда в РФ, формирует запрос

¹¹ Путин рассказал, что такое «русский мир» // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/11/28/1008192-putin-russkii-mir> (дата обращения: 29.03.2025).

¹² Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 №702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408190001> (дата обращения: 20.03.2025).

на меры государственного управления в области организованного и возвратного привлечения трудовых мигрантов с учётом реального запроса и потребностей российского рынка труда. Такой подход может быть реализован в рамках имплементации в российское миграционное законодательство, в том числе в международные соглашения в сфере миграции, механизмов организованного набора.

Исходя из масштабных целей современной России, на федеральном политико-управленческом уровне принятые серьёзные меры правового и доктринального плана. Прежде всего это Указ Президента РФ от 02.04.2025 г. №205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции», который имеет ёмкое содержание и вместе с тем собственно российско-государственные смыслы. В качестве организационной меры предусматривается образование Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объективный характер миграционных процессов обуславливает необходимость применения к ним системных эффективных мер. Миграция должна быть контролируемым процессом, нельзя допускать развития каналов нелегальной миграции, развития структур, способствующих формированию таких каналов, и деятельности отдельных коррумпированных представителей власти.

Следует обратить внимание на последние поправки в законодательство, прямо оказывающие влияние на различные стороны процессов внешней миграции в Россию. Это принятие поправок об отнесении организации незаконной миграции к группе преступлений особой тяжести, ужесточение ответственности за легализацию мигрантов, в том числе связанную с подделкой документов и фиктивной регистрацией мигрантов, ужесточение ответственности за преступления, совершённые лицами, находящимися в РФ нелегально, введение режима контролируемого пребывания, запрет на приём экзаменов по

¹³ Указ о совершенствовании государственного управления в сфере миграции // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76612> (дата обращения: 29.03.2025).

русскому языку третьими лицами, запрет рекламы услуг по легализации мигрантов.

Однако надо учесть интересы добропорядочных иностранцев, которые тяготеют к России и готовы полноценно интегрироваться в российское общество, стать россиянами. Для такой категории иностранцев – потенциальных россиян должны быть созданы соответствующие условия и программы, которые должны при этом носить обязательный характер. Целесообразно ориентироваться на позицию государства в отношении тех людей, которые испытывают тягу к российской культуре, к России и которые могут получать поддержку государства, а также и в отношении субъектов гражданского общества, которые имеют собственные ресурсы в общественно-полезной, социально-ориентированной деятельности.

Всё это в полной мере учтено и отражено в новой «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы», а значит, органы исполнительной и законодательной власти, как и органы местного управления, получили чёткий и понятный посыл по управлению миграционными процессами в целях обеспечения национальной безопасности, экономической потребности и межнационального согласия.

Вместе с тем целесообразно расширить количество экспертических и общественных площадок для содержательного обсуждения вопросов миграционной политики. Важно обеспечить участие в этих процессах не только профильных ведомств и региональных властей, но и научного сообщества, а также независимых специалистов в данной области. Подобный формат взаимодействия будет способствовать установлению продуктивного диалога между государством и обществом. Это позволит не только своевременно выявлять актуальные общественные ожидания, но и разъяснять гражданам основания принимаемых управленческих решений в миграционной сфере, что является особенно важным в текущей ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 74–78.
2. Аствацатурова М. А. Современные диаспоры: сложности теоретического осмысливания // Этнические проблемы современности. 2001. №7. С. 41–46.

3. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Ростов-н/Д.; Пятигорск: СКАГС, 2002. 628 с.
4. Бурда М. А., Зорин В. Ю. Миграционная политика современной России: формирование мест компактного проживания иностранных граждан как фактор риска межнациональных отношений // PolitBook. 2024. №4. С. 6–17.
5. Вишневский А. Г., Денисенко М. Б. Миграции в глобальном контексте: доклад на XVII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 17 с.
6. Волох В. А., Суворова В. А., Шорохова С. П. Миграция населения: теория и практика. М.: Издательский дом УМЦ, 2024. 136 с.
7. Волох В. А. О противодействии созданию в Российской Федерации анклавов и некоторых мерах по формированию условий для временного проживания иностранных работников в России // Власть. 2024. Т. 32. №1. С. 61–68.
8. Герасимова И. В. Развитие человеческого потенциала Российской Федерации на примере переселения соотечественников в особых геополитических условиях // PolitBook. 2024. №4. С. 75–85.
9. Дроздова Ю. А., Бардаков А. И. Миграционные риски в полигэтничном регионе: социологоуправленческий анализ. Волгоград: Волгоградский институт управления РАНХиГС, 2021. 296 с.
10. Дятлов В. И. Диаспора: Попытка определиться в термине и понятиях // Диаспоры. 1999. №1. С. 8–23.
11. Зорин В. Ю., Бурда М. А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // PolitBook. 2020. №1. С. 113–128.
12. Красинец Е. С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. №12. С. 189–198.
13. Леденева В. Ю. Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №4. С. 106–119.
14. Мукомель В. И. Воспоминания о будущем: миграционная политика как зеркало межнациональных отношений и проблем демографического развития // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2024. №1. С. 4–18.

15. Мчедлова М. М. Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности // Международная аналитика. 2023. Т. 14. №3. С. 127–141.
16. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.
17. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Институт российской истории РАН, 2001. С. 9–44.
18. Хоперская Л. Л. Нетитульная судьба. Российские соотечественники в Центральной Азии. М.: МБПЧ: Academia, 2013. 312 с.
19. Эшроков В. М. Демографическая и миграционная безопасность России на Северном Кавказе // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. Г. Г. Матишов, В. А. Авксентьев. Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2008. 384 с.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Vladimir Yu. Zorin

- e-mail: v.y.zorin@mail.ru,
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Chief Researcher at the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations,
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
pr-t Leninskiy 32A, Moscow 119334, Russian Federation

Maya A. Astvatsaturova

- e-mail: maya.astv@gmail.com,
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Head of the Scientific and Educational Center for Political and Ethno-Confessional Studies,
Pyatigorsk State University
pr-t Kalinina 9, Stavropol Territory, Pyatigorsk 357532, Russian Federation

Mikhail A. Burda

- e-mail: burda-ma@ranepa.ru,
Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Political Management, RANEPA Institute of Social Sciences under the President of the Russian Federation, Head of the Migration Department at the Center for Research and Expert Support of Projects Contributing to the Achievement of National Development Goals named after P. A. Stolygin, RANEPA Higher School of Public Administration under the President of the Russian Federation,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
pr-t Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation

For citation

Zorin V. Yu., Astvatsaturova, M. A. & Burda, M. A. (2025). Migration Processes in Modern Russia: Current Policy and Management Reactions. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

ABSTRACT

Aim. To study modern population migration as a complex set of life choices of individuals and groups and of implemented political and administrative decisions based on the characteristics of the political system, political regime, political rhetoric, public opinion, and the need to address strategic issues in national security, economics, demography, and regional development. This defines a broad field of research on migration, migration processes, migration policy, as well as public administration and regulation of migration processes.

Methodology. Population migration is considered as a factor influencing political processes (domestic and international), as a result of military or ethnopolitical conflicts, and as an object of public administration and an independent direction of public policy.

Results. Attractiveness of a migration to the Russian Federation and the political and administrative responses to such migration context are analyzed; these responses currently take the form of additional regulation and control measures over the migration sphere. The current practice of improving Russian migration legislation has demonstrated the active participation of civil society institutions in this process, including the Civic Chamber of the Russian Federation, which has become one of the leading platforms for the public presentation and subsequent discussion of several draft laws.

Research implications. In the context of the new strategic planning document in migration, specific proposals are presented for improving state policy on the voluntary resettlement of compatriots from abroad, sociocultural adaptation and integration, and external labor migration.

KEYWORDS

migration, migration processes, migration policy, public administration, Russia, migration attractiveness, external labor migration, compatriots, Russian language, civil society institutions

References

1. Arutyunov, S. A. (2000). Diaspora is a Process. In: *Ethnographic Review*, 2, 74–78 (in Russ.).
2. Astvatsaturova, M. A. (2001). Modern Diasporas: Difficulties in Theoretical Understanding. In: *Ethnic Problems of Our Time*, 7, 41–46 (in Russ.).

3. Astvatsaturova, M. A. (2002). *Diasporas in the Russian Federation: Formation and Management*. Rostov-on-Don; Pyatigorsk: SKAGS publ. (in Russ.).
4. Burda, M. A. & Zorin, V. Yu. (2024). Migration Policy of Contemporary Russia: Formation of Places of Compact Residence of Foreign Citizens as a Risk Factor in Interethnic Relations. In: *PolitBook*, 4, 6–17 (in Russ.).
5. Vishnevsky, A. G. & Denisenko, M. B. (2016). *Migration in the Global Context: Report at the XVII International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics publ. (in Russ.).
6. Volokh, V. A., Suvorova, V. A. & Shorokhova, S. P. (2024). *Population Migration: Theory and Practice*. Moscow: Izdatelskii dom UMCZ publ. (in Russ.).
7. Volokh, V. A. (2024). On Counteracting to Enclaves Creation in the Russian Federation and Some Measures to Create Conditions for the Temporary Residence of Foreign Workers in Russia. In: *The Authority*, 32 (1), 61–68 (in Russ.).
8. Gerasimova, I. V. (2024). Development of Human Potential of the Russian Federation: The Case of Compatriots' Resettlement in Special Geopolitical Conditions. In: *PolitBook*, 4, 75–85 (in Russ.).
9. Drozdova, Yu. A. & Bardakov, A. I. (2021). *Migration Risks in a Multi-ethnic Region: Sociological and Managerial Analysis*. Volgograd: Volgograd Institute of Management publ. (in Russ.).
10. Dyatlov, V. I. (1999). Diaspora: An Attempt to Define the Term and Concepts. In: *Diasporas*, 1, 8–23 (in Russ.).
11. Zorin, V. Yu. & Burda, M. A. (2020). Formation and Institutionalization of State Migration Policy in Modern Russia. In: *PolitBook*, 1, 113–128 (in Russ.).
12. Krasinets, E. S. (2023). Labor Migration to Russia: Development Trends and Consequences for the Labor Market. In: *Regional Problems of Economic Transformation*, 12, 189–198 (in Russ.).
13. Ledeneva, V. Yu. (2022). Sociological Dimension of Social Adaptation of Labor Migrants: Regional Aspect. In: *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI)*. Series: *Socio-Economic Sciences*, 15 (4), 106–119 (in Russ.).
14. Mukomel, V. I. (2024). Memories of the Future: Migration Policy as a Mirror of Interethnic Relations and Problems of Demographic Development. In: *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS)*, 1, 4–18 (in Russ.).
15. Mchedlova, M. M. (2023). Securitization of Migration: Sociocultural Ontology of Modernity. In: *Regions and International Politics*. 2023, 14 (3), 127–141 (in Russ.).

- ЛИНГВИСТИКА ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
- 16. Rybakovsky, L. L. (2003). *Population Migration (Theoretical Issues)*. Moscow: ISPI RAS publ. (in Russ.).
 - 17. Tishkov, V. A. (2001). Historical Phenomenon of Diaspora. In: Polyakov, Yu. A., ed. *National Diasporas in Russia and Abroad in the 19th–20th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History of the RAS publ., pp. 9–44 (in Russ.).
 - 18. Khoperskaya, L. L. (2013). *Non-Titular Fate. Russian Compatriots in Central Asia. Russian Compatriots in Central Asia*. Moscow: MBPRCh publ., Academia publ. (in Russ.).
 - 19. Eshirokov, V. M. (2008). Demographic and Migration Security of Russia in the North Caucasus. In: Matishov, G. G. & Avksentyev, V. A. *Regional Conflicts and Security Problems of the North Caucasus*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the RAS publ. (in Russ.).

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Кочетков Александр Павлович

- e-mail: apkoch@mail.ru;
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
российской политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Кочетков А. П. О национальных интересах России в условиях новой политической реальности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 31.07.2025
- Статья размещена на сайте 14.10.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Национальные интересы как политico-историческая категория](#)

[Сущность национальных интересов](#)

[Основные национальные интересы во внутренней и внешней
политике современного Российского государства](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение важнейших национальных интересов России в новых исторических условиях в основных сферах её внутренней и внешней политики.

Процедура и методы. В статье анализируются теоретические аспекты и основное содержание национальных интересов России в новых политических условиях. Применяются историко-политологический метод, сравнительный метод, метод анализа и синтеза, метод многостороннего подхода.

Результаты. Проведённое исследование показало, что приоритетными национальными интересами России в новой политической реальности являются экономические интересы, реализация которых создаёт базовую парадигму государства и общества, их устойчивого развития и суверенитета. Укрепление российского социального государства гарантирует внутреннюю стабильность, единство государства и общества, а идеологические ориентиры, основанные на традиционных духовно-нравственных ценностях, помогут сформировать стратегию развития России в XXI в. Чтобы быть мировой державой, России достаточно считать приоритетной зоной своих национальных интересов саму себя. В эту зону входят и сопредельные территории, где так или иначе распространён русский мир. Встав во главе данного макрорегиона, Россия останется одним из ведущих игроков в новом миропорядке и сможет эффективно бороться за поддержание мира на нашей планете. Всё это позволит сохранить Российское государство-цивилизацию, русский государствообразующий народ и другие народы России в условиях новой политической реальности.

Теоретическая и практическая значимость. Раскрытие конкретного содержания базовых национальных интересов России поможет определить стратегию развития нашей страны в новых исторических условиях, что вносит определённый вклад в российскую политическую науку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальные интересы, национальные ценности, национальная безопасность, Россия, инновационная экономика, суверенитет, политическая реальность, идеология, внутренняя и внешняя политика

ВВЕДЕНИЕ

Каждое государство проводит свою внутреннюю и внешнюю политику в соответствии со своими национальными интересами. В настоящее время проблема национальных интересов стала особенно актуальной для России в связи с кризисом мирового общественного порядка, основанного на теории либерализма, всеобщим миграционным кризисом, значительным ухудшением экономической ситуации, стремлением глобалистов установить единый центр мирового управления. «Коллективный Запад» во главе с США предпринимает максимум усилий для того, чтобы сохранить своё доминирование в мире, пытается представить нашу страну угрозой для западного мира, обостряет военно-политическую ситуацию путём организации вооружённых конфликтов на наших границах.

Всё это свидетельствует о том, что Россия сегодня находится в новой политической реальности. Поэтому значительно усилилось внимание Российского государства и общества к обеспечению своей национальной безопасности и защите национального суверенитета. Президент Российской Федерации В. В. Путин в последние годы неоднократно подчёркивал первостепенную важность для нашей страны защиты своих национальных интересов: «Нам важно твёрдо защищать свои национальные интересы, суверенитет, жизнь и свободу наших граждан от любых угроз», «главным критерием при принятии всех решений, их движущим стимулом и стержнем служат именно национальные интересы»¹.

Национальным интересам уделялось много внимания в отечественной и зарубежной политической науке. Этой проблеме посвящены труды таких исследователей, как Т. А. Алексеева, В. П. Беляев, В. И. Коваленко, Е. Н. Кондрат, Е. П. Позднякова, С. А. Проскурин, Г. А. Решетников, А. В. Федякин, А. С. Семченков, Д. С. Барчилла, Б. Д. Клинтон и др. [1; 3; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 17; 19; 20]. Однако в целом они носят общетеоретический характер, не раскрывают конкретных национальных интересов России в условиях новой политической реальности.

¹ Россия будет защищать свои интересы от любых угроз, заявил Путин // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20250227/putin-2001969443.html> (дата обращения: 16.07.2025); Национальные интересы, устойчивость системы, поддержка СВО: о чём говорил Путин // Профиль: [сайт]. URL: <https://profile.ru/news/politics/nacionalnye-interesy-ustojchivost-sistemy-podderzhka-svo-o-chem-govoril-putin-1695879> (дата обращения: 16.07.2025).

Целью данного исследования является определение важнейших национальных интересов России в новых исторических условиях в основных сферах её внутренней и внешней политики.

В исследовании использовались историко-политологический метод, сравнительный метод, метод анализа и синтеза, метод многостороннего подхода.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Национальные интересы как политico-историческая категория связаны с различными уровнями развития государства и общества, их взаимоотношений. Если Россия будет проводить свою политику, исходя из своих чётко определённых национальных интересов, которые соответствуют её социокультурным и историческим традициям, это поможет ей раскрыть свой социально-экономический и культурный потенциал, занять достойное место в мировом социуме.

Дефиниция «национальный интерес» появилась в российском общественно-политическом дискурсе в XIX в. Смысловое наполнение этой категории за два столетия существенно изменилось. Однако в силу неоднородности российского общества и разнонаправленности интересов его граждан единого понимания национальных интересов в общественном сознании до сих пор не сложилось. Либералы в XIX в. противопоставляли категории «национальный» и «государственный» интерес, признавали главным субъектом национальных интересов и преобразований гражданское общество, а государству отводили только роль регулятора и корректировщика реформ, выдвигаемых обществом [2]. К. Кавелин прямо утверждал, что гражданские интересы, «прежде заслонённые государственными, или рассматриваемые сквозь их призму теперь по преимуществу занимают умы; настаёт их черёд, как прежде был черёд государственных и политических» [16, с. 204]. При этом сторонники либерального направления российской общественно-политической мысли XIX в. уделяли второстепенное внимание историческим, социокультурным особенностям России. За это они подвергались критике сторонников культуроцентристского понимания «национального интереса» (К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков), считавших приоритетными в этом поня-

тии культурные ценности, имеющие национальную духовную основу. Так, Н. Я. Данилевский писал: «...Не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настаёт время для его практического обнаружения и осуществления» [4; с. 195–196]. В данном контексте национальные интересы фактически носили религиозно-идеологический характер. Этот подход позволял формулировать возвышенные цели и идеалы российской политики. Влияние такой позиции проявляется и сегодня при определении современных национальных интересов России.

В противоположность культуроцентристскому подходу в конце XX – начале XXI в. в политической науке стали уделять особое внимание т. н. реалистскому подходу (политический реализм) к национальным интересам, введённому в научный оборот в 1955 г. Г. Моргентай [23], согласно которому их содержание определяется конкретной внешней и внутренней обстановкой, а отсюда вероятностью возможностью смены союзников и противников государства. Главный акцент в политике делался на военную и экономическую силу. Такие представители современного политического реализма, как Дж. Мишаймер и К. Уолц [22; 24], отождествляют национальные интересы с национальной безопасностью, а Б. Бьюзан, Р. Гилпин [18; 21; 22] подменяют национальные интересы интересами политических элит, что делает значительно более узкой трактовку данного понятия.

Важно отметить, что категория «национальные интересы» и категория «национальные ценности» взаимосвязаны. Отличаются они тем, что интересы формируются в соответствии с конкретными потребностями государства в данный исторический период, а ценности являются постоянной, устойчивой системой взглядов общества на окружающий мир, характерных для определённой нации.

Основное содержание национальных интересов обусловлено целями и задачами, которые государство стремится достичь в своей внутренней и внешней политике для обеспечения собственного успешного развития и безопасности. В отличие от национальных ценностей, национальные интересы могут корректироваться в соответствии с изменением конкретных задач и потребностей государства при проведении им своей

внутренней и внешней политики, используются при определении стратегии государственной политики в тот или иной исторический период.

Необходимо также подчеркнуть, что система ценностей оказывает значительное влияние на формирование национальных интересов. Национальные интересы, сформулированные на базе разных ценностных систем, будут отличаться друг от друга.

Историческая специфика национальных интересов России определяется обширной территорией страны, суровыми климатическими условиями жизни её народа, недостаточным количеством создаваемого общественного продукта, постоянной угрозой многочисленных внешних врагов, этническим и конфессиональным многообразием. Всё это сделало государство организующим началом жизни российского общества, гарантом территориальной целостности страны, обеспечивающим её безопасность, взаимовыгодные формы общежития проживающих на её территории национальных, религиозных и культурных общин. Отсюда государственные интересы в России выражают исторически сложившиеся национально-общественные интересы [10].

СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Категория «национальные интересы» официально закреплена в ряде официальных документов Российской Федерации (Стратегии национальной безопасности 2021 г.², Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.³, Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴, Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 14.07.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 14.07.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.07.2025).

национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.⁵ и др.). Однако в научной литературе отсутствует общепризнанная дефиниция «национальные интересы», что создаёт возможности спекулятивного использования этого понятия в политике. Например, единые интересы государства и общества могут быть подменены интересами властвующей элиты, узкопартийными интересами, использованы для оправдания тех или иных действий государства, незначительных для общества. Поэтому особенно важно, чтобы национальные интересы отражали интересы народа в целом, а не отдельных её сегментов.

Под национальными интересами, по нашему мнению, необходимо понимать стратегические приоритетные для существования и развития нации осознанные потребности в основных сферах её жизнедеятельности. Особо отметим их системность, т. к. национальные интересы взаимосвязаны, являются частью единой сложноорганизованной системы государственной политики [3; 12]. Системность подразумевает национально-самостоятельное, открытое развитие, включающее в себя стабильность, единство общества и власти, суверенитет, сохранение народа и т. д.

Формирование национальных интересов – важнейший компонент государственной политики и политико-управленческого процесса, представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, в который вовлечены как государственные, так и негосударственные акторы (политики, учёные, эксперты, руководители различных уровней, бизнесмены, СМИ, социальные движения, граждане страны). Артикулированный национальный интерес выражает определённый баланс сил, расстановку и соотношение сил, сложившийся на политическом поле в конкретный исторический момент.

Национальные интересы формируются под воздействием конкретной политической реальности, осознания необходимых в данный исторический период потребностей государства и ценностных предпочтений, которые становятся национальным интересом и целью политического поведения субъектов политики. В национальных интересах, их практической реализации заключается компромисс между органами государ-

⁵ Президент подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://apocrmp.ru/putin-podpisal-ukaz> (дата обращения: 14.07.2025).

ственной власти и общественными организациями, выразителями общественного мнения.

На уровне отдельной страны формирование национальных интересов определяют политические субъекты, имеющие реальные возможности их реализации. Национальные интересы формируются властвующей элитой на основе ценностных, социокультурных, исторических предпочтений с учётом сложившихся обстоятельств.

ОСНОВНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

К определению национальных интересов России в условиях новой политической реальности необходимо подходить с позиций сочетания политического реализма с традиционными духовно-нравственными основами российского общества, имеющими долгосрочную, вековую историю.

По нашему мнению, в любом обществе, особенно в современной России, очень важными являются национальные экономические интересы, ибо от их реализации зависит устойчивость и успешное развитие государства и общества. Среди них приоритетными являются переход экономики к модели устойчивого развития с определённым уровнем государственного регулирования экономических процессов на основе отечественных цифровых технологий, стабильный рост экономического потенциала страны, постоянный контроль над её стратегическими ресурсами, поддержание научного потенциала, способного утвердить независимость России на стратегически важных направлениях научно-технического прогресса. К 2030 г. не менее 80% российских организаций должны перейти на отечественное ПО, а в госорганах – до 95%⁶.

По планам российского политического руководства «не позднее 2030 г. Россия по темпу роста ВВП (расчёт по паритету покупательной способности) должна выйти на четвёртое место в мире, снизить доли импорта товаров и услуг в структуре

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (дата обращения: 14.07.2025).

ВВП до 17%, увеличить объём инвестиций в основной капитал не менее чем на 60% по сравнению с уровнем 2020 г.»⁷.

Но для реализации данных планов решающую роль будут играть руководящие кадры и специалисты, работающие в основных сферах экономики и государственного управления. Вот почему подготовка, квалификация данных кадров, их умение генерировать новые инновационные идеи, конкурировать в условиях, когда Россия противостоит коллективному Западу, имеют сегодня принципиальное значение.

Развитие науки, образования должно стать базовым национальным интересом России. В 2025 г. финансирование гражданской науки государство увеличивает на 158,2 млрд руб. по сравнению с 2023 г., до 850 млрд руб. Расходы на прикладные исследования увеличатся предварительно на 3,2%, до 538,6 млрд руб., на фундаментальные – на 9,3%, до 311,4 млрд руб.⁸.

В Стратегии научно-технологического развития РФ планируется увеличить затраты на все гражданские исследования и разработки до уровня не менее 2% ВВП к 2030 г. (в 2023 г., по данным ИСИЭЗ, 0,96%). Особенно важно, что уровень частных инвестиций к 2035 г. будет не ниже государственного (в 2023 г. расходы государства составили 66,6%, бизнеса – 30,6%)⁹.

В последнее время увеличиваются расходы и на образование. Расходы государственного бюджета на науку гражданско-го назначения по сравнению с 2024 г. увеличатся и составят 674,5 млрд руб. в 2025 г., а в 2026 г. – 728,6 млрд руб.¹⁰.

Всё это, безусловно, позитивные тенденции. Но, к сожалению, этого в настоящее время недостаточно, чтобы обеспечить устойчивое, инновационное и конкурентоспособное развитие экономики, т. к. расходы на науку и образование

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634> (дата обращения: 14.07.2025).

⁸ Науку спросят о технологиях // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7477399> (дата обращения: 10.07.2025).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 №145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353> (дата обращения: 06.07.2025).

¹⁰ Расходы на науку и образование в ближайшие три года увеличатся // Минфин: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39435-raskhody_na_nauku_i_obrazovanie_v_bлизкие_три_goda_uvelichatsya (дата обращения: 06.07.2025).

в ведущих странах мира значительно выше, чем в России. В долларовом выражении лидером затрат остаются США – более 500 млрд долл. в год. В Китае с 2000 г. объемы затрат на науку выросли примерно в 20 раз, тогда как в ЕС – в три. Эти страны, а также Японию, можно назвать научно-технологическими лидерами – на их долю приходится около 90% всех мировых инвестиций в науку, и это число постепенно увеличивается¹¹.

Поэтому в ближайшие годы России для перехода к инновационной экономике необходимо максимально увеличить внутренние инвестиции, расходы на науку и образование, на формирование их материально-технической базы, повышение материального содержание тех, кто работает в этой сфере. Только такой подход позволит предотвратить отток лучших российских научно-образовательных кадров за рубеж, создать современную, конкурентоспособную экономику.

Сохранение и увеличение населения России – важнейшая её цель и национальный интерес в современном мире. Для реализации этих планов государством планируется «повышение коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г. Также поставлена цель увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г. и до 81 г. к 2036 г.»¹². Особо отметим, что в сохранении нуждается государствообразующий русский народ, численность которого в последние десятилетия быстро сокращается. Русский народ имеет по сравнению с другими народами России низкий уровень рождаемости, низкую национальную самоидентификацию [8, с. 57]. Сегодня в России также остро стоит миграционный вопрос. В 2024 г. миграционный прирост в России, по данным Росстата, составил 568,5 тыс. человек, что является максимумом с 1995 г. На 4,081 млн прибывших иностранцев пришлось 3,513 млн выбыв-

¹¹ Научный мир: сколько страны тратят на исследования и как изменится наука в будущем // БКС ЭКСПРЕСС: [сайт]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/nauchnyi-mir-skol-ko-strany-tratiat-na-issledovaniia-i-kak-izmenitsia-nauka-v-budushchem> (дата обращения: 04.07.2025).

¹² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года” // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634> (дата обращения: 14.07.2025).

ших. В 2025 г. в России находится 6,5 млн мигрантов, десятая часть которых – нелегальные мигранты¹³.

На наш взгляд, реальная проблема с трудовыми ресурсами и попытка её решения за счёт увеличения трудовой миграции в современной России не сопровождается принятием государством достаточно эффективных мер по вводу жёсткого временного ограничения на пребывание трудовых мигрантов на территории нашей страны, правил проживания их без семей, на которые необоснованно распространяются ряд социальных льгот российских граждан (в том числе на получение жилплощади на территории нашей страны). Не редки случаи необоснованного предоставления российской гражданства мигрантам из других стран.

Всё это может в перспективе изменить традиционный состав населения России и подорвать основы Российского государства-цивилизации, скрепляющим началом которого является русский народ. В развитии такого сценария не заинтересованы и другие народы, традиционно живущие на территории России, т. к. ни один из них не сможет стать государствообразующим народом России и сохранить её единство. И ссылки на те или иные международные договоры (Договор о Евразийском экономическом союзе, Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции), которые предоставляют прямо или косвенно мигрантам из других стран особые условия, здесь неуместны, т. к. в данном случае речь идёт о национальной безопасности нашего государства, о перспективах существования Российского государства в целом.

Как известно, по Конституции Россия не может иметь государственную идеологию. Но принципиальное значение имеет то, какое содержание, какой смысл вкладывается в это понятие. У каждого народа есть свои духовно-нравственные ценности и идеалы. Для России ценности духовно-нравственного характера всегда преобладали в менталитете русского народа. Отсюда идеология, как система ценностей, является важной составной частью в борьбе идей в современном мире, а зна-

¹³ Россия бьёт рекорд по мигрантам: у власти уже есть жёсткий план, чего ждать // News-ru: [сайт]. URL: <https://news.ru/society/rossiya-bet-rekord-po-migrantam-u-vlasti-uzhe-est-zhestkij-plan-chego-zhdat> (дата обращения: 06.07.2025); Статистика по мигрантам в России: тенденции последних лет // МиграСтатф: [сайт]. URL: <https://tenchat.ru/media/3173527-statistika-po-migrantam-v-rossii-tendentsii-poslednikh-let> (дата обращения: 29.06.2025).

чит, играет важную роль в формировании национальных интересов современной России.

Поэтому особое значение для нашей страны сегодня имеет укрепление традиционных социокультурных, духовно-нравственных ценностей, которые были бы общим местом для всего российского многонационального народа и являлись бы нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение граждан России. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁴ к ним справедливо относятся такие ценности, как «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹⁵. К 2030 г. продвижение и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей должны обеспечивать не менее 70% проектов в сфере культуры, финансируемых государством, а к 2036 г. – не менее 80%.¹⁶

Национальной особенностью России является особая роль, которую в её истории играло традиционно сильное социально ориентированное государство. По Конституции 1993 г. Россия официально провозглашена социальным государством, которое призвано обеспечить своим гражданам достойный уровень жизни, проводить политику более равномерного распределения совокупного национального богатства, минимизировать бедность, обеспечить гражданам достойные современного человека жилищные условия, образование и медицинское обслуживание. Российским государством поставлена задача снизить уровень бедности «ниже 7% к 2030 г. и ниже 5% к 2036 г.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁵ Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061> (дата обращения: 03.07.2025).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»// Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634> (дата обращения: 14.07.2025).

Уровня бедности многодетных семей – до 12% к 2030 г. и до 8% к 2036 г. МРОТ должен вырасти к 2030 г. до 35 тыс. руб.»¹⁷.

Стратегически российское государство стремится добиться того, чтобы «доходы населения и уровень пенсионного обеспечения должны быть не ниже уровня инфляции. К 2036 г. не более чем до двух раз должен быть снижен разрыв в уровнях бюджетной обеспеченности между десятью наиболее обеспеченными и десятью наименее обеспеченными субъектами РФ (с учётом оказания финансовой поддержки из федерального бюджета в форме целевых межбюджетных трансфертов)»¹⁸.

Сегодня в условиях резкого усиления международной политической турбулентности при формировании нового мирового порядка и военной опасности национальные интересы России состоят в обеспечении национальной безопасности, защите независимости, суверенитета, предотвращении военной агрессии против России, упрочении позиций России как великой державы – одного из влиятельных центров многополярного мира.

Наша страна отвергает гегемонию Запада на международной арене. Отношение России к другим странам мирового сообщества сегодня зависит от того, насколько они дружественно относятся к России. Поэтому, учитывая враждебную политику к нашей стране со стороны так называемого коллективного Запада, взаимодействие со странами, в него входящими, сегодня наименее приоритетно. Основной акцент во внешней политике делается на постсоветское пространство. Страны СНГ связанны с Россией многовековыми традициями совместной государственности, имеют общий – русский – язык как средство межнационального общения, традиционное экономическое и культурное сотрудничество¹⁹.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”// Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”// Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023). Раздел V. Ст. 49 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 16.06. 2025).

По нашему мнению, реальной альтернативой планам глобалистов по созданию единого мирового центра управления является более «мягкий» вариант глобализации – распад мира на макрорегионы. Если России удастся объединить вокруг себя страны СНГ и стать во главе одного из таких макрорегионов, она в перспективе останется одним из главных игроков на мировой арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что приоритетными национальными интересами России в новой политической реальности являются экономические интересы, реализация которых создаёт базовую парадигму государства и общества, их устойчивого развития и суверенитета. Укрепление российского социального государства гарантирует внутреннюю стабильность, единство государства и общества, а идеологические ориентиры, основанные на традиционных духовно-нравственных ценностях, помогут сформировать стратегию развития России в XXI в.

Чтобы быть мировой державой, России достаточно считать приоритетной зоной своих национальных интересов саму себя. В эту зону входят и сопредельные территории, где так или иначе распространён русский мир. Встав во главе данного макрорегиона, Россия останется одним из ведущих игроков в новом миропорядке и сможет эффективно бороться за поддержание мира на нашей планете.

Всё это позволит сохранить Российское государство-цивилизацию, русский государствообразующий народ и другие народы России в условиях новой политической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. А. Рациональный эгоизм национального интереса // Политические исследования. 2015. №1. С. 79–120.
2. Бабст И. К. Избранные труды. М.: Наука, 1999. 301 с.
3. Беляев В. П., Бидова Б. Б. Принципы механизма реализации национальных интересов: система и особенности // НОМОНЭТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 46. №2. С. 327–335.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
5. Коваленко В. И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016. 702 с.
6. Кондрат Е. Н. Национальные интересы правового государства и концепция национальной безопасности: Некоторые подходы к современной трактовке // Правовое государство: теория и практика. 2018. №4. С. 78–83.
7. Кортунов С. В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. 611 с.
8. Кочетков А. П. О цивилизационных основах современного Российского государства // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. №2. С. 55–60.
9. Позднякова Е. В. Ценности и интересы как фундаментальные категории в сфере национальной безопасности. Часть 1. Национальные ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. №15. С. 120–130.
10. Проскурин С. А. Национально-государственные интересы России в современном мире // Политические исследования. 2017. №1. С. 127–132.
11. Решетникова Г. А. Понятие «Национальные интересы» в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. №3. С. 438–444.
12. Трухачев В. В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. №1. С. 53–65.
13. Федякин А. В. Национальные интересы в политическом дискурсе российских президентов в 2000–2020 гг. // Вестник Российской нации. 2020. №4. С. 9–40.
14. Федякин А. В., Семченков А. С. Национальные интересы и национальная безопасность в политической сфере: общетеоретические проблемы и российская практика // Национальная безопасность. 2010. №1. С. 4–16.
15. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1899. 810 с.
16. Шнейдер К. И. Ранний русский либерализм середины XIX в. и официальный политический дискурс современной России // Диалог со временем. 2019. №67. С. 195–211.
17. Burchill S. The National Interest in International Relations Theory. New York: Palgrave Macmillan UK, 2005. 224 p.

18. Buzan B. People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983. 262 p.
19. Clinton D. The Two Faces of National Interest Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1994. 304 p. (Political Traditions in Foreign Policy Series).
20. Frankel J. National Interest. London: Macmillan & Co, 1970. 280 p.
21. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
22. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001. 555 p.
23. Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1954. 650 p.
24. Waltz K. N. Theory of International Politics. Berkley: University of California, 1979. 129 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Alexander P. Kochetkov

- e-mail: apkoch@mail.ru,
Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Russian Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Kochetkov, A. P. (2025). On Russia's National Interests in the Context of a New Political Reality. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify Russia's most important national interests in the new historical context in the key areas of its domestic and foreign policy.

Methodology. The theoretical aspects and core content of Russia's national interests in the new political context are analyzed. The historical political method, the comparative method, the method of analysis and synthesis, and the multifaceted approach are applied.

Results. The study has demonstrated that Russia's foreground national interests in the new political reality are economic, the realization of which forms the basic paradigm of the state and society, their sustainable development, and sovereignty. Strengthening the Russian welfare state guarantees internal stability and the unity of the state and society, while ideological guidelines based on traditional spiritual and moral values help shape Russia's development strategy in the 21st century. To represent itself as a global power Russia only needs to consider itself a priority area of its national interests. This area also includes adjacent territories where the Russian world is present in one way or another. By assuming leadership of this macroregion, Russia will remain a leading player in the new world order and will be able to effectively maintain peace on our planet. Everything stated above will help preserve the Russian state-civilization, the Russian nation-forming people, and other peoples of Russia in the new political reality.

Research implications. Uncovering the specific content of Russia's fundamental national interests helps define our country's development strategy in the new historical context, making a significant contribution to Russian political science.

Keywords

national interests, national values, national security, Russia, innovative economy, sovereignty, political reality, ideology, domestic and foreign policy

References

- Alekseeva, T. A. (2015). Rational Egoism of National Interest. In: *Polis. Political Studies*, 1, 79–120 (in Russ.).
- Babst, I. K. (1999). *Selected Works*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
- Belyaev, V. P. & Bidova, B. B. (2020). Principles of the Mechanism for Revealing National Interests: System and Features. In: *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46 (2), 327–335 (in Russ.).
- Danilevsky, N. Ya. (1991). *Russia and Europe*. Moscow: Kniga publ. (in Russ.).
- Kovalenko, V. I. (2016). *Political Science: To Understand Russia's National Interests*. Moscow: Moskovskii universitet publ. (in Russ.).
- Kondrat, E. N. (2018). The Rule of Law' National Interests and the Concept of National Security: Some Approaches to a Modern Interpretation. In: *The Rule of Law State: Theory and Practice*, 4, 78–83 (in Russ.).
- Kortunov, S. V. (2003). *Formation of Security Policy: Formation of Russia's National Security Policy in the Context of Globalization Problems*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
- Kochetkov, A. P. (2025). On the Civilizational Foundations of the Modern Russian State. In: *Sociopolitical Sciences*, 15 (2), 55–60 (in Russ.).
- Pozdnyakova, E. V. (2025). Values and Interests as Fundamental Categories in the National Security Area. Part 1. National Values. In: *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 15, 120–130 (in Russ.).
- Proskurin, S. A. (2017). National and State interests of Russia in the Modern World. In: *Polis. Political Studies*, 1, 127–132 (in Russ.).
- Reshetnikova, G. A. (2020). "National Interests" Concept in the Context of National Security of the Russian Federation. In: *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 30 (3), 438–444 (in Russ.).
- Trukhachev, V. V. (2010). National Interests: Theoretical Discourse on the Issue. In: *RUDN Journal of Political Science*, 1, 53–65 (in Russ.).

13. Fedyakin, A. V. (2020). National Interests in the Political Discourse of Russian Presidents in 2000–2020. In: *Bulletin of the Russian Nation*, 4, 9–40 (in Russ.).
14. Fedyakin, A. V. & Semchenkov, A. S. (2010). National Interests and National Security in the Political Sphere: General Theoretical Problems and Russian Practice. In: *National Security*, 1, 4–16 (in Russ.).
15. Chicherin, B. N. (1899). *On People's Representation*. Moscow: Tipografiya tovarishhestva I. D. Sytina publ. (in Russ.).
16. Schneider, K. I. (2019). Early Russian Liberalism of the Mid-19th Century and the Official Political Discourse of Modern Russia. In: *Dialogue with Time*, 67, pp. 195–211.
17. Burchill, S. (2005). *The National Interest in International Relations Theory*. New York: Palgrave Macmillan UK.
18. Buzan, B. (1983). *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
19. Clinton, D. (1994). *The Two Faces of National Interest*. Baton Rouge: Louisiana State University Press. (*Political Traditions in Foreign Policy Series*).
20. Frankel, J. (1970). *National Interest*. London: Macmillan & Co.
21. Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Mearsheimer, J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton.
23. Morgenthau, H. J. (1954). *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York: Knopf.
24. Waltz, K. N. (1979). *Theory of International Politics*. Berkley: University of California.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИЙ КАК КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Перников Владислав Витальевич

- e-mail: pernikov.vlad@rambler.ru;
аспирант кафедры государственной политики
факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Перников В. В. К вопросу о концептуальных основаниях брэндинга территорий как компонента государственной политики // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.06.2025
- Статья размещена на сайте 18.11.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Брэндинг территорий как элемент стратегического планирования социально-экономического развития территорий

Брэндинг территорий как идентичностно-ориентированный партиципаторный маркетинг

Политико-географический подход к брэндингу территорий

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить ключевые особенности ведущих подходов к территориальному брендингу в рамках государственной политики и обосновать выбор наиболее перспективного подхода, применимого к российским условиям.

Процедура и методы. Применённый метод исследования представляет собой анализ ключевых концепций и подходов в области брендинга территорий, раскрывающих его специфику как компонента государственной политики.

Результаты. Анализ концепций брендинга территорий позволяет выделить три подхода, раскрывающих его как компонент государственной политики: 1) экономический подход, представители которого уделяют внимание роли бренда территории в привлечении внутренних и иностранных инвестиций и развитии туризма; 2) идентичностно-ориентированный партиципаторный маркетинг, сторонники которого связывают проблему с социальными, культурными, политическими аспектами и подчёркивают важность участия разнообразных акторов в формировании бренда территории; 3) политико-географический подход, сторонники которого трактуют брендинг как когнитивное освоение пространства государством и обращают внимание на роль бренда территории в формировании ответа России на актуальные пространственные вызовы.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обоснована перспективность политико-географического подхода к брендингу территорий, выделены его концептуальные основы, дано определение и сформированы цель государственной политики когнитивного освоения пространства и роль брендинга территорий как механизма её реализации. Обновлена также проблематика дискуссии о теории и практике брендинга территорий, отмечено влияние предлагаемого подхода на поиск новых способов укрепления легитимности власти, обеспечения территориальной целостности и социальной сплочённости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

брендинг территорий, образ территории, территориальная идентичность, государственная политика

ВВЕДЕНИЕ

Брендинг территорий (place branding) – теория и практика конструирования образов географического пространства, направленная на поддержание узнаваемости его образа у определённой аудитории в соответствии с выбранной стратегией позиционирования. Внимание к теории брендинга территорий в контексте изучения закономерностей формирования когнитивного пространства (отражающего «восприятие местоположения объекта в памяти и воображении» [4, с. 8]) представляется значимым, поскольку она открывает новые инструменты для развития населённых пунктов, регионов и стран. На сегодняшний день концепция брендинга территорий применяется за рубежом (например, в Португалии [16, р. 70–87], Южно-Африканской Республике [19, р. 413]) в целях привлечения инвестиций, развития туризма и человеческого капитала. В России также имеется опыт разработки нормативно-правовых актов, регулирующих брендинг территорий в различных регионах, например в Саратовской¹ и Калининградской областях².

Однако сущность брендинга территорий с точки зрения его связи с государственной политикой до сих остаётся предметом обсуждения в научном сообществе. Отсутствие единой парадигмы можно связать с междисциплинарным характером теории и рассмотрением отдельных кейсов брендинга территорий преимущественно с технологической стороны, с точки зрения поиска перспективных путей достижения желаемого результата, а не исследования выходящих за его рамки дополнительных эффектов применяемых технологий. В условиях обновления классических концепций брендинга территорий (Дж. Бэйли, Г. Эшвортса, С. Анхольта, Ф. Котлера, М. Каваратзиса) формируется определённое дискуссионное поле. Оно связано с вопросом трактовки брендинга территорий в контексте государственной политики. Данную проблему поднимает лат-

¹ Постановление Правительства Саратовской области от 17.02.2015 №63 «Об утверждении Концепции брендирования Саратовской области до 2020 года» // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6400201502190005> (дата обращения: 03.03.2025).

² Постановление Правительства Калининградской области от 07.12.2023 №548-п «Об утверждении региональной программы Калининградской области «Поддержка и продвижение региональных брендов (2023–2026 годы)»» // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3900202312080016> (дата обращения: 03.03.2025).

вийский исследователь М. Потаповс [18, р. 275]. Рассматривая вопрос о том, можно ли считать брендинг территорий частью государственной политики, автор заявляет, что данный набор практик соответствует характеристикам государственной политики и, за «исключением небольшого числа инициатив, организованных частными лицами, планируется и реализуется государственными органами или от их имени» [18, р. 290].

Настоящая статья развивает научную дискуссию в рамках описанного вопроса, а её целью является выявление особенностей ключевых подходов к территориальному брендингу в рамках государственной политики и обоснование выбора наиболее перспективного подхода, применимого к российским условиям.

На основании вышеизложенного применённый метод исследования представляет собой анализ ключевых концепций и подходов в области брендинга территорий, раскрывающих его специфику как компонента государственной политики.

Следует выделить основные подходы, в русле которых брендинг территорий соотносится с государственной политикой. Стоит уточнить, что концепции классиков рассматриваемой теории имеют ряд общих черт (рассматривают территорию как продукт, обладающий своей уникальной идентичностью и имиджем, применяют междисциплинарный подход), но в то же время между ними прослеживаются и различия. Например, исследователи Ф. Котлер, Д. Хайден, И. Рейн адаптируют маркетинговые концепции для территориального продвижения и привлечения инвестиций, делая акцент на стратегическом потенциале брендинга территорий в обеспечении экономического процветания городов, регионов и государств [14]. С другой стороны, Г. Эшворт и М. Каваратзис занимают позицию, ориентированную в большей мере на коммуникацию в рамках процесса брендинга территорий. Они подчёркивают, что бренд территории – не просто продукт маркетинговых акций, а отражение идентичности сообщества, а сам бренд формируется преимущественно под влиянием человеческого капитала [5; 8; 9; 13]. Данные позиции представляются основной разграничитывающей линией между концепциями брендинга территорий. Так, выделяемый в данной работе первый рассматриваемый подход нацелен на стратегическое планирование социально-экономического развития территорий, а второй – на идентичностно-ориентированный партиципаторный маркетинг.

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Экономический фокус брендинга территорий можно проследить в ряде концепций современных исследователей, которые полагают, что брендинг территорий должен рассматриваться в рамках экономической политики или быть тесно связан с ней, являясь фактически набором вспомогательных практик, влияющих на региональную экономику. Придерживающиеся данного подхода исследователи в основном уделяют внимание роли бренда территории в привлечении внутренних и иностранных инвестиций и развитии туризма. В данном случае территории рассматривается в первую очередь как объект потенциальных вложений, а её бренд становится инструментом проводимой политики экономического и регионального развития. Так, например, исследователи Э. Клив, Г. Арку, Р. Садлер и Дж. Джиллиланд определяют брендинг территорий как «форму конкуренции в сфере экономического развития» [10, р. 210], т. е. как «попытки местных и региональных органов власти с помощью политического вмешательства конкурировать с другими местными и международными рынками, активно формируя восприятие своего региона у потенциальных потребителей» [10, р. 210]. Исследователь Э. Оливейра отмечает, что бренд территории играет важную роль в рамках стратегии пространственного развития государства, являясь фактором успешного социально-экономического развития территорий [16, р. 127].

Подобный подход отражает маркетинговое направление теории, до сих пор определяющее высокую степень её экономического уклона, и упирается в изучение стороны спроса и предложения, связанных с социально-экономическим пространством как объектом экономического взаимодействия. Главная цель, заложенная в данной группе подходов, остаётся неизменной – это «продажа» территории потенциально заинтересованным лицам. Указанные исследования предполагают, что территориальный брендинг является важным элементом экономической политики, способствующим развитию регионов, повышению их конкурентоспособности и интеграции в международные экономические процессы.

Однако стоит обратить внимание на имеющуюся в данном случае «коммодификацию» (превращение в товар) территорий,

т. е. отношение к территории как объекту продажи. Эту особенность можно рассматривать как редуцирующую их культурное, социальное и историческое богатство и разнообразие до статуса «уникального предложения». К этому можно добавить, что брэндинг территории преимущественно приравнивает существующие пространственные образы (мифы, представления) к нематериальным ресурсам. Это видится фактором, который на практике может ограничивать восприятие менеджерами брэндинга территории роли пространственных образов и нарушает баланс между коммерческими интересами и культурной ценностью территории.

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК ИДЕНТИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПАРТИЦИПАТОРНЫЙ МАРКЕТИНГ

Купировать данные слабые стороны теории призвана группа подходов, которая переосмысляет классический брэндинг территорий, укрепляя его связь с социальными, культурными, политическими аспектами, и подчёркивает важность участия разнообразных акторов в формировании бренда территории. Исследователи Р. Говертс и Ф. Го акцентируют внимание на глубокой взаимосвязи между территориальной идентичностью и процессами коммуникации [12, р. 25] и в этом контексте утверждают, что «необходимо исследовать партиципаторные отношения» между основными акторами брэндинга территории [12, р. 8]. Эксперт в области брэндинга территории А. Лукарелли отрицают политическую нейтральность практики брэндинга территории, делая акцент на политическом участии населения и трансформации идентичности и рассматривая брэндинг территории как гибридную сферу, в которой объединяется политическое и экономическое [15]. Исследователи Д. П. Фролов, А. С. Стрекалова, А. А. Тажибов определяют брэндинг территории как «одну из гетеродоксальных теорий стратегического планирования и управления долгосрочным развитием территории» [7, с. 68–70]. Авторы отмечают, что «территориальный брэндинг следует воспринимать не как управлеченскую технологию ..., а скорее как клиентоориентированную философию принятия стратегических решений в области государственного и муниципального управления» [7, с. 69], таким образом отходя от концепции строгого маркетингового продвижения мест. Указанный приоритет клиентоориентированности отражён в ряде

научных публикаций, в которых брэндинг территорий рассматривается как точка взаимодействия различных заинтересованных сторон, включая местных жителей, а эффективность управления территориями связывается с «инклюзивностью» брэнда [11, р. 9]. Например, в исследовании доктора философии Э. М. Зензиле, в котором рассмотрена связь брэндинга места с социальными и управлеченческими конструкциями в г. Йоханнесбурге, устанавливается фокус на связь брэндинга места «с культурой, демократией, городским управлением, гендером и общественной дипломатией» [19, р. 412–416]. В статье отмечается трансформация брэндинга территорий «от инструмента получения прибыли» к средству конструирования социального пространства «через убеждение, партнёрство и процессы либерализации» [19, р. 419].

Можно заявить, что данная линия рассуждений является логичным итогом критического осмысления теории брэндинга территорий через интеграцию социальных, культурных факторов. Особое внимание уделяется участию местного сообщества и заинтересованных сторон в создании и развитии брэнда, что способствует формированию аутентичной идентичности и укреплению социальной сплочённости. Подобный подход, объединяющий социологию, маркетинг и урбанистику, позволяет рассматривать брэндинг территории как динамическую систему взаимодействий, способствующую не только экономическому росту, но и долгосрочному развитию территории с сохранением её культурного потенциала, а акцент на партнёрских процессах делает брэнд территории неотъемлемой частью социального и культурного ландшафта.

Особенностью данной группы подходов представляются подчёркиваемые исследователями неолиберальные установки. Отмечаемый исследователями тренд «инклюзивности» брэндинга территорий [6, с. 69–70; 11, р. 9; 19, р. 412–416] в действительности может рассматриваться как идеологический инструмент, который воспроизводит образ социальной справедливости. Учитывая исторические и культурные особенности различных стран, эффективное применение подобных концепций видится потенциально затруднённым и даже связанным с дополнительными рисками.

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К БРЕНДИНГУ ТЕРРИТОРИЙ

Сегодня Россия находится под влиянием ряда вызовов, отражённых в Стратегии пространственного развития, среди которых стоит особо выделить ухудшение демографической обстановки в ряде субъектов, рост геополитической напряжённости (что особо влияет на приграничные территории), а также необходимость обеспечения гармоничной интеграции новых субъектов Российской Федерации³. Если мы говорим о территориальном брэндинге применительно к российским реалиям, представляется вероятным, что в данном случае необходим особый подход.

Отмечая, что индивид, общество и государство существуют в определённой пространственной реальности, которая соотносится не только с географическими, но и с символическими координатами, продуктами социальной, культурной и политической сферы, пространственное воображение как форма знания, формирующая восприятие пространства, становится механизмом определения сущности пространства вокруг себя и своего места в нём. Следует отметить, что в данном случае перспективным кажется более широкий взгляд на управление образами территорий и саму проблему когнитивного освоения пространства государством.

Стоит обратить внимание на работы современных отечественных авторов, которые в рамках теории брэндинга территорий близко подходят к такой проблеме, как когнитивное освоение пространства государством, и обращают внимание на роль брэндинга территории в формировании ответа России на актуальные пространственные вызовы [1; 2; 17]. На момент написания данной статьи не зафиксировано широкого интереса к концепциям указанных авторов, например к концепции геокультурного брэндинга Д. Н. Замятиной [1], в рамках современного брэндинга территорий в России. Это можно трактовать как сдерживающий фактор развития теории брэндинга территорий.

³ Распоряжение от 28.12.2024 №4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Официальный интернет-портал Правительства Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308> (дата обращения: 03.03.2025).

Представляется верным заявить, что один из главных аспектов обеспечения контроля над занимаемой государством территорией – это сделать её «государственной», «освоенной» в сознании людей [7, с. 43, 53, 80, 230]. Без когнитивного и культурного укоренения в сознании общества картины политической освоенности территории и связанных с таким освоением символов и образов политический порядок рискует столкнуться с серьёзными вызовами собственной легитимности, а территория – с угрозой символически «опустеть» и превратиться в потенциально оспариваемую *terra nullius*.

Предполагая, что процесс физического освоения территории протекает параллельно с когнитивным распознанием и / или переформатированием ключевых образов, современное государственное управление должно адаптировать и совершенствовать не только механизмы и инструменты пространственного развития, но и решения, применяемые в части культурно-символического аспекта территориальности и пространственности. Освоение территории должно сопровождаться конкретным и системно проработанным курсом информационно-коммуникационного и образного сопровождения, ориентированного на существующие установки и особенности восприятия. При этом важно осознавать, что внедрение новых символов и смыслов может вступать в противоречие с существующими нарративами и ментальными картами, что при отсутствии должного учёта приводит к феноменам когнитивного отторжения – проявляющимся в форме недоверия к реализуемым проектам сопротивлению со стороны местных сообществ и снижению уровня лояльности к институтам власти. Именно так в сознании человека и общества образы конкретной территории становятся фундаментом сохранения стабильности государства.

В данном контексте брендинг территорий выступает как механизм адаптации государства к существующей реальности – или даже репрезентации определённой «реальности» как «существующей». Можно утверждать, что для эффективного контроля над пространством государству требуется структурировать представления о нём как о занимаемой территории – символически интегрировать в себя. Следовательно, символическое присутствие на определённой территории становится одним из факторов обеспечения жизнеспособности государства – необходимо, чтобы граждане интерпретировали

её с символической точки зрения как составную часть государственной целостности и суверенитета, а брэндинг территорий напрямую оказывался связан с реализацией государственных интересов [17]. Это особенно актуально в условиях «сложных геополитической и социокультурной реальности», в рамках которой брэндинг территорий может стать механизмом сохранения геокультурной специфики [2, с. 92].

Пространственные образы являются значимыми политически, потому что они потенциально могут изменить преобладающие региональные и геополитические взгляды, а также способствовать политическим преобразованиям. Так, по мнению российского политического географа В. А. Колосова, «географический образ пространства, основанный на политических представлениях, выполняет следующие функции: отражение региональной идентичности и способствование её укреплению; помочь в обосновании (легитимизации) политики действующего лидера и его команды; становление ориентиром перспективного планирования» [3, с. 78]. Таким образом, само когнитивное пространство стоит воспринимать как арену политической борьбы. Конфликты за «право на город», этнотерриториальные споры, сопротивление изменяющим образ территории проектам отражают конфликт символьических идентичностей [1; 17]. Государство активно создаёт и поддерживает определённые пространственные образы, которые служат инструментами идентификации и легитимации власти и формирования прочной когнитивной основы, на которой строится идентичность, благотворно отражающаяся на безопасности государства. Исследователи отдельно отмечают роль реализуемого государственными структурами брэндинга территорий как механизма конструирования национальной идентичности [2, с. 93, 106] через утверждение особых, благоприятных для стабильности государства образов территорий. Эти образы включают в себя географические представления, топонимику, символику и исторические нарративы, которые помогают формировать коллективное восприятие пространства. Исходя из подобного подхода, образы территорий являются сконструированными и наполненными политическим смыслом, а государства используют карты, символику и другие средства для создания и поддержания этих образов, что позволяет им контролировать восприятие своей территории и укреплять свою власть в её границах.

На основании описанного подхода просматриваются перспективы развития брендинга территорий как компонента государственной политики по управлению пространственными образами. В этом контексте управление образами территорий становится не только инструментом маркетинга и продвижения, но и формой укрепления государственности и общественной консолидации. Территориальный брендинг оказывается вписан в более широкую сферу, которую можно назвать государственной политикой когнитивного освоения пространства, и может быть определён как один из её механизмов. Опираясь на аналогичные позиции в изучении брендинга территорий, стоит признать значительную и многогранную роль целенаправленного конструирования образов территорий.

В соответствии с данным подходом государственная политика когнитивного освоения пространства представляется институционализированной формой влияния на основные факторы, формирующие представления о пространстве. Целью государственной политики когнитивного освоения пространства можно обозначить укрепление легитимности власти, обеспечение территориальной целостности и социальной сплочённости. Так, излишняя «коммодификация» территории и акцент на практики участия с неолиберальными установками, характерные для экономикоцентричного и партиципаторного подходов соответственно, в данном подходе заменены на приоритет сохранения политически стабильного пространства.

Брендинг территорий, таким образом, в рамках государственной политики можно рассматривать с точки зрения формирования у граждан восприятия территорий как контролируемых государством, защиты от внешней культурной экспансии и укрепления символической привлекательности через устойчивые нарративы. Маркетинг с целью извлечения прибыли в рамках данного подхода приобретает инструментальное значение, находясь в зависимости от политических условий и управлеченческих задач, а продвижение территорий в рамках брендинга не является самоцелью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе анализа ряда концепций брендинга территорий были выделены три подхода, раскрывающие его как компонент государственной политики. Особенностью

экономикоцентричного подхода определена «коммодификация» территории, снижающая её нематериальное богатство, особенностью партнёрского подхода – тренд на «инклюзивность» и акцент на процессах либерализации, а политико-географического – приоритет сохранения политически стабильного пространства. Итогом проведённого исследования можно считать обоснование перспективности политико-географического подхода для концептуализации брэндинга территорий как важного компонента государственной политики.

Рассматриваемая в статье проблема остаётся дискуссионной и требует теоретического разграничения понятий, а также подкрепления примерами из практики государственного управления. Научная значимость политико-географического подхода к брэндингу территорий состоит в его потенциале для формирования стратегий репрезентации российских регионов, способствующих укреплению территориальной идентичности и внутреннего единства страны. Перспективы дальнейшей научной работы связаны с разработкой механизмов обратной связи и параметров оценки результатов государственной политики по когнитивному освоению пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замятин Д. Н. Геокультурный брэндинг городов и территорий: от теории к практике. М.: Алетейя, 2020. 739 с.
2. Киреева И. В., Куква Е. С., Шадже А. Ю. Брэндинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. №1. С. 91–113.
3. Колосов В. А. Географические образы и geopolитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Серия 1: Гуманитарные науки. 2008. №1. С. 72–91.
4. Окунёв И. Ю. Электоральная география. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.
5. Рзун И. Г., Старкова Н. О. Формирование модели управления брендом региона // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического университета. 2016. №9. С. 54–64.
6. Устинович Е. С. Брэндинг российских территорий при осуществлении внешнеэкономической деятельности государства // Гостиничное дело. 2022. №4. С. 45–52.

7. Фролов Д. П., Стрекалова А. С., Тажибов А. А. Гетеродоксальные теории стратегирования территорий // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. №1. С. 65–78.
8. Ashworth G. A., Voogd H. Selling the city: marketing approaches in Public sector Urban Planning. Belhaven Press, 1990. 304 p.
9. Boisen M., Terlouw K., van Gorp B. The selective nature of place branding // Journal of Place Management and Development. 2018. Vol. 11. No. 1. P. 2–19.
10. Cleave E., Arku G., Sadler R., et al. The role of place branding in local and regional economic development: bridging the gap between policy and practicality // Regional Studies, Regional Science. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 207–228.
11. Gonzalez L. R., Gale F. Place branding as participatory governance? An interdisciplinary case study of Tasmania, Australia // SAGE Open. 2020. Vol. 10. №2. P. 1–15.
12. Govers R., Go F. Place Branding: Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. London: Palgrave, 2009. 324 p.
13. Kavaratzis M. Place Branding: An Interdisciplinary Approach. London: Palgrave Macmillan, 2004. 288 p.
14. Kotler P., Haider D. H., Rein I. J. Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations. New York: Free Press, 1993. 388 p.
15. Lucarelli A. Place branding as urban policy: the (im)political place branding // Cities. 2018. Vol. 80. P. 12–21.
16. Oliveira E. Place branding in strategic spatial planning: An analysis at the regional scale with special references to Northern Portugal: PhD thesis. Groningen, 2016. 265 p.
17. Pogodina V., Yakovleva S., Matveevskaya A., et al. Geo-Branding as a Tool for Realizing Russia's Interests in the International Arena // Bolgov R., Atnashev V., Gladkiy Y., et al. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Cham: Springer, 2021. P. 396–407.
18. Potapovs M. Place branding: is it public policy, or isn't it? // Place Branding and Public Diplomacy. 2024. №24. P. 275–292.
19. Zenzile M. Connecting place branding to social and governance constructs in Johannesburg, South Africa // Place Branding and Public Diplomacy. 2024. №20. P. 408–423.

ARTICLE INFORMATION

Author

Vladislav V. Pernikov

- e-mail: pernikov.vlad@rambler.ru,
Postgraduate student, Department of Public Policy,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Pernikov, V. V. (2025). On The Conceptual Basis of Territorial Branding as a State Policy Component. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify advantages and limitations of the main approaches that territorial branding has in the context of public policy, and to form an approach relevant for application in Russia.

Methodology. Qualitative content analysis of territorial branding concepts in the context of both correlation with public policy and formation of cognitive perception of space is applied.

Results. The conducted analysis of territorial branding concepts makes it possible to identify three approaches that reveal it as a component of public policy: 1) the economic approach, whose proponents focus on the role of a place brand in attracting domestic and foreign investment and developing tourism; 2) identity-oriented participatory marketing, whose proponents link the issue with social, cultural, and political aspects and emphasize the importance of the participation of various actors in shaping a place brand; 3) the political-geographical approach, whose proponents interpret branding as the cognitive development of space by the state and draw attention to the role of a place brand in shaping Russia's response to current spatial challenges.

Research implications. The results of the article substantiate the potential of a political-geographical approach to territorial branding, highlights its conceptual foundations, defines and formulates the goal of state policy for the cognitive development of space, and explores the role of place branding as a mechanism for its implementation. It also updates the discussion of

the theory and practice of place branding, noting the impact of the proposed approach on the search for new ways to strengthen the legitimacy of government, ensure territorial integrity, and ensure social cohesion.

Keywords

territorial branding, image of the territory, territorial identity, state policy, territorial identity

References

1. Zamyatin, D. N. (2020). *Geocultural Branding of Cities and Territories: From Theory to Practice*. Moscow: Aleteya publ. (in Russ.).
2. Kireeva, I. V., Kukva, E. S. & Shadzhe, A. Yu. (2024). Branding Regions to Strengthen Russian National Identity: Empirical Challenge and Expert Response. In: *Bulletin of the Institute of Sociology*, 15 (1), 91–113 (in Russ.).
3. Kolosov, V. A. (2008). Geographical Images and Geopolitical Representations: Paths of Formation and Approaches to Study. In: *Bulletin of Far Eastern State Transport University. Series 1: Humanities*, 1, 72–91 (in Russ.).
4. Okunev, I. Yu. (2023). *Electoral Geography*. Moscow: Aspect Press publ. (in Russ.).
5. Rzun, I. G. & Starkova, N. O. (2016). Formation of a Regional Brand Management Model. In: *Bulletin of Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University*, 9, 54–64 (in Russ.).
6. Ustinovich, E. S. (2022). Branding of Russian Territories in the Implementation of the State's Foreign Economic Activity. In: *Hotel Business*, 4, 45–52 (in Russ.).
7. Frolov, D. P., Strekalova, A. S. & Tazhibov, A. A. (2020). Heterodox Theories of Territorial Strategization. In: *Russian Journal of Economic Theory*, 17 (1), 65–78 (in Russ.).
8. Ashworth, G. A. & Voogd, H. (1990). *Selling the City: Marketing Approaches in Public Sector Urban Planning*. Belhaven Press.
9. Boisen, M., Terlouw, K. & van Gorp, B. (2018). The Selective Nature of Place Branding. In: *Journal of Place Management and Development*, 11 (1), 2–19.
10. Cleave, E., Arku, G., Sadler, R., et al. (2016). The Role of Place Branding in Local and Regional Economic Development: Bridging the Gap between Policy and Practicality. In: *Regional Studies, Regional Science*, 3 (1), 207–228.

11. Gonzalez, L. R. & Gale, F. (2020). Place Branding as Participatory Governance? An Interdisciplinary Case Study of Tasmania, Australia. In: *SAGE Open*, 10 (2), 1–15.
12. Govers, R. & Go, F. (2009). *Place Branding: Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced*. London: Palgrave.
13. Kavaratzis, M. (2004). *Place Branding: An Interdisciplinary Approach*. London: Palgrave Macmillan.
14. Kotler, P., Haider, D. H. & Rein, I. J. (1993). *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. New York: Free Press.
15. Lucarelli, A. (2018). Place Branding as Urban Policy: The (Im)Political Place Branding. In: *Cities*, 80, 12–21.
16. Oliveira, E. (2016). *Place Branding in Strategic Spatial Planning: An Analysis at the Regional Scale with Special References to Northern Portugal* [dissertation]. Groningen.
17. Pogodina, V., Yakovleva, S., Matveevskaya, A. et al. (2021). Geo-Branding as a Tool for Realizing Russia's Interests in the International Arena. In: Bolgov, R., Atnashev, V., Gladkiy, Y. et al. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham: Springer, pp. 396–407.
18. Potapovs, M. (2024). Place Branding: Is It Public Policy, or isn't It? In: *Place Branding and Public Diplomacy*, 24, 275–292.
19. Zenzile, M. (2024). Connecting Place Branding to Social and Governance Constructs in Johannesburg, South Africa. In: *Place Branding and Public Diplomacy*, 20, 408–423.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX В. О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАК О СРЕДСТВЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Подольский Вадим Андреевич

- e-mail: deomniscibili@yandex.ru;
старший научный сотрудник
сектора истории политической философии,
Институт философии Российской академии наук
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Подольский В. А. Политическая философия XIX в. о социальной политике как о средстве урегулирования конфликтов // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.06.2025
- Статья размещена на сайте 22.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Либерализм

Консерватизм

Социализм

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье изучается влияние политической философии на формирование социальной политики.

Процедуры. Анализируются взгляды представителей либерализма, консерватизма и социализма на природу общественных конфликтов и социальную политику как средство урегулирования противоречий.

Результаты. Выделены и охарактеризованы три модели урегулирования социальных конфликтов, обусловленные приверженностью авторов той или иной идеологии. По мнению сторонников либерализма, конфликты происходят между атомарными субъектами по поводу собственности, и роль государства в их профилактике – защищать рыночные механизмы, приучать к опоре на собственные силы и предоставлять только минимальную поддержку. Приверженцы консерватизма увязывают конфликты с невыполнением членами общества обязанностей сообразно их статусу. Роль государства – поддерживать условия для работы корпораций, которые обеспечивают своих сотрудников. С точки зрения социалистов, конфликты обусловлены неравенством, которое следует преодолевать с помощью изменения форм собственности или государственного перераспределения.

Теоретическая и / или практическая значимость. Установлено, что отношение к природе и способностям человека, а также ценности определяют предлагаемые решения социальных проблем и обуславливают принципы организации социальной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая философия XIX в., социальный вопрос, социальная политика, либерализм, консерватизм, социализм, общественные конфликты

ВВЕДЕНИЕ

На социальные расходы в современных развитых государствах приходится около трети ВВП, что делает вопрос социальной политики одним из наиболее значимых для политики и науки. Сравнение моделей социальной политики в разных странах показывает, что большое влияние на них оказали философские установки XIX в.

Словосочетание «социальный вопрос», связанное с экономическим, политическим и правовым неравенством, получает

распространение в Европе в середине XIX в., хотя сама проблема обсуждалась и ранее. Масштабные изменения в политике и экономике, происходившие в Европе и США в XIX в.: промышленная революция, быстрый рост производства, увеличение численности населения, появление новой категории населения – наёмных рабочих, распространение представительной демократии и расширение избирательного права, – выступали мощными стимулами поиска ответов на актуальные вопросы социального устройства общества.

Предложенные политическими философами XIX в. способы решения социальных вопросов увязывают прежде всего с «классическими» идеологиями: либерализмом, консерватизмом и социализмом. Классификацию типов социального государства – либеральное, консервативное и социал-демократическое – впервые отметил Гёста Эспинг-Андерсен в работе «Три мира капитализма всеобщего благосостояния» (1990). Данная работа и поныне остаётся ключевой для сравнительного анализа моделей социальной политики. К числу исследований, в которых рассматривается влияние политической философии на социальную политику, могут быть также отнесены книги «Европейские основы государства всеобщего благосостояния» (2012) Франца Ксавье-Кауфмана [9] и «Три пути к государству всеобщего благосостояния» (2021) Брайана Фаннинга [4].

Однако, несмотря на значительные достижения исследователей, вопрос о природе социальных конфликтов и моделях их разрешения в политической философии XIX в. вовсе не закрыт.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Томас Мальтус ожидал, что рост населения будет идти быстрее, чем рост доступности материальных благ, что приведёт к голоду и потрясениям. «Законы о бедных», по которым с конца XVI – начала XVII вв. в Англии на уровне приходов собирались средства для помощи нуждающимся, Мальтус считал вредными, поскольку они содействовали росту населения [4]. Снижение темпов роста численности населения для увеличения благосостояния было одним из главных предложений представителей классического либерализма на протяжении XIX в. Либералы ожидали, что благосостояние будет расти благодаря конкуренции, свободному действию рыночных сил спроса и предложения, расширению производства. Преследуя

собственный интерес, индивид содействует общему благосостоянию. Конфликты должны решаться правовыми механизмами государства как арбитра, контролирующего исполнение договоров сторонами. Государственная регламентация деятельности хозяйствующих субъектов и ограничения на торговлю вредят рынку и замедляют экономический рост. Перераспределение непродуктивно, оно поддерживает праздность и безрассудство, наказывает трудолюбие, а также создаёт политические риски, угрозу насилиственной революции и разграбления собственности [20]. Давид Рикардо писал, что «Законы о бедных» не делают бедных богатыми, но делают богатых бедными [17]. Право на помочь, говорил Алексис де Токвиль, создаёт класс, живущий за счёт трудящихся. Это вредно для морали и благосостояния. Права предоставляются людям за заслуги или преимущества, здесь – за неполноценность [20]. Герберт Спенсер писал, что государственная помощь нарушает природные механизмы наград и наказаний. Бедность – это естественный стимул к труду, трудоспособные бедные не сумели приспособиться, а поддержка неприспособленных вредит развитию общества [18]. Рикардо выступал против общегосударственного сбора на бедных, ожидая, что он разорит страну [17], а Жан-Шарль Симонд де Симонди также уточнял, что сборы на бедных несправедливы, поскольку доходы земельных собственников передавались владельцам мануфактур, снижавшим зарплаты [9]. Констан считал «Законы о бедных» средством узурпации: под видом благожелательности они ограничивали перемещение бедных и лишали их возможности улучшить своё положение. Общественный порядок, по Констану, будет устойчивым, если исчезнет граница между классами, если каждый сможет стать собственником [3].

Положительную программу социальной политики либерализм заимствовал через Джеймса Милля из утилитаризма. Концепция содержала ряд установок, близких консерватизму: Иеремия Бентам говорил, что низшие классы так же несамостоятельны, как и дети [4, р. 61]. Джеймс Милль считал, что наибольшее благо для наибольшего числа людей достигается тогда, когда государство защищает собственность от разграбления и каждый человек получает максимально возможную долю результатов своего труда [15]. Задача социальной политики в том, чтобы не допускать агрессивного поведения индивидов, не имеющих средств к существованию, и чтобы

поддержка не вредила мотивации к труду. Секретарь Бентама Эдвин Чадвик участвовал в подготовке британских «Новых законов о бедных» 1834 г., которые опирались на «принцип наименьшей приемлемости». Помощь предоставлялась только наиболее нуждающимся на условиях менее выгодных, чем любая работа. Многие либералы считали целесообразной государственную поддержку образования и воспитания. В уровне образования – причина неравенства, улучшение образования позволит снизить преступность, будет содействовать тому, что население будет обеспечивать себя [4, р. 27–57].

Из представителей либеральной мысли начала XIX в. с наибольшим сочувствием к проблеме рабочих относился де Сисмонди, который ввёл в оборот термин «пролетариат». Он считал, что зарплаты должно хватать не только на выживание, но и на старость, на содержание детей, на время болезни. Государству невыгодно поддерживать такой труд, плата за который не может покрыть этих нужд, поскольку будет возрастать население, беспокойное и враждебное общественному порядку и окружающим. Эту категорию населения нужно спасать из отчаянного положения, но нельзя способствовать её появлению [9].

Либералы указывали на пределы административных возможностей государства. Рикардо считал регулирование зарплат неприемлемым, поскольку зарплаты устанавливает конкуренция, а не вмешательство законодательного органа [17]. Токвиль выступал против права на работу, поскольку оно означало постепенную монополизацию государством хозяйственной деятельности [20]. Фредерик Бастия критиковал рассуждения Жан-Жака Руссо и социалистов о том, что законы создают собственность, а законодатель может организовать труд и распоряжаться его плодами. Бастия связывал эти тезисы с наследием римского права и рабовладения. Сам он считал, что собственность существует законам, они создаются для её защиты. Вмешательство законодателей в экономику либо обогатит только самих правителей, либо, при попытке уравнять благосостояние всех, сделает невозможным производство [1]. Спенсер предупреждал, что запросы на государственное переопределение, расширение полномочий государства, рост государственных предприятий приведут к тому, что сложившаяся в промышленном обществе система договоров уступит место старой системе статуса. Будет восстановлено рабство, армия неподконтрольных чиновников будет деспотами [18].

Представители классического либерализма критиковали социализм за ограничение свободы. Но к концу XIX в. многие либералы, например Джон Стюарт Милль в поздних изданиях «Политической экономии», говорили, что распространение совместного владения средствами производства необходимо, чтобы избежать социальной революции. Разделение на работников и работодателей должно уступить место ассоциациям. Если богатые будут видеть в бедных слуг, бедные будут видеть в богатых жертву, всё повышая требования [4]. Систематически идеи социального либерализма изложил Томас Хилл Грин. Основные задачи, которые решал либерализм с XVII в., – упразднение абсолютистского произвола власти, привилегий, ограничений на торговлю и производство – были выполнены, и вопросом стало не отсутствие ограничений, а наличие возможностей. Свобода договора была инструментом, а целью было создание условий для свободного проявления способностей людей. Невмешательство государства не всегда означало свободу, но зачастую было нерадивостью. Пьянство, плохое жильё, безработица были, по мнению Грина, проявлениями недостаточной работы государства. Государство должно было обеспечивать санитарию. Следовало считать недействительным договор, лишавший одну из сторон свободы и возможности пользоваться общественными благами. Требовалось введение обязательного образования как ограничения свободы, чтобы индивид мог полноценно развивать свои способности. Благодаря ограничениям на длительность рабочего дня и труд детей возрастили возможности. Спенсер писал о том, что лучшая форма помощи – проявление адресной благотворительности [18], но Грин возражал, что благожелательность не гарантирована и присутствует не везде, а предоставленное самому себе население деградирует [5].

КОНСЕРВАТИЗМ

Некоторые консерваторы вслед за Эдмундом Бёрком [4] в отношении социальной политики использовали те же доводы, что и сторонники классического либерализма, и предлагали те же решения: эмиграцию, развитие образования [12] и обществ взаимопомощи [11]. Допускалось государственное финансирование образования как блага, получение которого не снизит мотивации к труду, в отличие от, например, бесплатного пита-

ния в школах [13]. Они ожидали, что перераспределение приведёт к злоупотреблениям на выборах и коррупции, разграблению собственности. Взятые государством обязательства могут оказаться непосильными при политическом или экономическом кризисе [11]. Генри Самнер Мейн и Уильям Мэллок писали, что законодательные меры не могут обеспечить создание землёй такого объёма благ, который гарантирует комфортное существование всего населения, по историческим причинам оказавшегося на ней. Зарплата – это цена труда, и введение минимальной зарплаты в одной отрасли означает ущерб для других. Если труд не обеспечивает условий для жизни, нужно менять производимую продукцию. Идея обеспечения прожиточного минимума – это популяризация заведомо недостижимого стандарта. Рост благосостояния будет происходить по мере роста общего богатства и благодаря изобретениям талантливых индивидов [13], для обоих процессов государственное вмешательство вредно.

Если либерализм предполагал решение конфликтов с помощью строгих формальных правил, то для консерватизма важнее были неформальные институты, связанные с традициями. Консерваторы полагали, что для преодоления борьбы между классами необходимо религиозное единство и общность обычая [8]. Консерваторы-патерналисты, такие как Томас Карлейль, Джон Рёскин, Фредерик ле Пле, Альбер де Мен, критиковали экономику *laissez-faire*, атомизацию и конкуренцию за ухудшение морали рабочих, рост дурных привычек, исчезновение патриархальной почтительности низших классов к высшим. Возникло, по выражению Бенджамина Дизраэли, две нации, богатые и бедные, между которыми не было понимания и общения [4, p. 57]. Поэт Роберт Саути писал филантропу и реформатору Энтони Эшли Куперу, седьмому графу Шефтсбери, что бедные в Британии были опаснее для собственников, чем рабы на плантациях, из-за своего революционного потенциала и нерелигиозности [7, p. 72]. Саути осуждал идею *laissez-faire* как принцип самоустраниния промышленников от заботы о работниках и поддерживал инициативы Роберта Оуэна [19].

Консерваторы-патерналисты предлагали средневековые идеалы гильдейской кооперации, солидарности между словесными на основании опеки высших классов над низшими. Теория классовой борьбы пагубна. Неравенство существует согласно промыслу, и нужно, чтобы люди помогали друг другу.

гу. Работа выполняется не только ради интересов человека, но ради исполнения долга перед обществом. Консерватизм, как и либерализм, обсуждал общественные конфликты XIX в. в первую очередь в контексте отношений собственности. Защита собственности необходима для мирного ведения хозяйственной деятельности и материального благополучия. Социалистический лозунг «собственность – это кража», по мнению Вильгельма фон Кеттлера, подрывал самые основы общества [8]. Собственность даёт не только права, но и обязанности. Собственники должны показывать пример, следовать традициям, осуществлять служение. Необходимо возвращение рабочих в церковь. Церковь должна преподавать, а также содействовать развитию социальных законов и защите статуса корпораций. Если церковь не объединит общество, если интересы рабочих будут игнорироваться, социализм победит. Некоторые консерваторы создавали площадки для взаимодействия рабочих и работодателей, программы взаимопомощи для рабочих, школы [14].

Консерваторы чаще всего настаивали на том, что государству следует не предоставлять помощь, но обязывать корпорации поддерживать работников посредством страховых касс и фондов взаимопомощи согласно особенностям каждой профессии. Социальная политика должна быть организована по католическому принципу субсидиарности: более высокий уровень в общественной и административной иерархии должен предоставлять помочь только тогда, когда не справляется предыдущий. Помогать нуждающимся должны были родственники, благотворительные организации, органы муниципальной власти [4, р. 94]. Ко второй половине XIX в. консерваторы-патерналисты пришли к выводу, что благотворительности недостаточно для решения социальных конфликтов, и стали соглашаться с необходимостью расширения государственного регулирования. Многие законы о продолжительности рабочего дня и страховых механизмах были введены либо согласно проектам консерваторов, либо при их поддержке. Седьмой граф Шефтсбери содействовал расширению «Фабричных законов» в Британии [7], граф де Мен – введению ограничений на труд женщин во Франции [14]. Страховые реформы Отто фон Бисмарка в Германии воплощали предложения фон Кеттлера, австрийские реформы – Карла фон Фогельзанга. Социальная доктрина католической церкви, выраженная в энциклике папы

Льва XIII «О новых делах» (1891), была создана с участием религиозных консервативных авторов, перечисляла права и обязанности труда и капитала и послужила ориентиром для социальных реформ в XX в. [8].

Ключевыми теоретиками социальной политики были немецкие консервативные правоведы и экономисты Лоренц фон Штейн, автор термина «социальное государство», *Sozialstaat*, а также Густав фон Шмoller и Адольф Вагнер, создатели существующего поныне «Союза за социальную политику». По фон Штейну, при старом режиме сторонами общественно-го конфликта были дворяне, или собственники без труда, и третье сословие, собственники с трудом, а в экономическом обществе – собственники и труженики. Социальный вопрос возник из-за того, что место несвободы привилегий после промышленной революции заняла несвобода неравенства возможностей для развития. Фон Штейн определял социальную политику как меры государства по созданию условий для свободного развития всех безотносительно капитала. Во избежание потрясений и классовых конфликтов и для сохранения порядка государство должно проводить своевременные реформы, дать пролетариату доступ к благам, создавать школы и больницы, чтобы рабочие не нападали на собственность и не стремились к коренному изменению общества. Сильное государство скрепляет общество и обеспечивает свободу, это арбитр между сторонами конфликта. Монархия справится с социальным конфликтом, но не демократия, поскольку демократия перенесёт конфликт в политику, и государство перестанет быть нейтральным. Монархия может проводить реформы беспристрастно вопреки воле доминирующих классов [9].

Фон Шмoller писал, что постепенный прогресс институтов смягчает конфликты – если в прошлом борьба была нацелена на уничтожение противника, то теперь благодаря законам она стала мирным состязанием. Повышается справедливость как сообразность усилия и награды. Реформы позволят предотвратить революцию. Революция не может заменить развитие сознания, нужное для повышения справедливости. Смысл государства – защита собственности. Жизнь – неотчуждаемая собственность. Государство должно обеспечивать граждан средствами существования, ограничивать детский труд, чрезмерную длительность рабочего дня и содействовать образованию, справедливому распределению, организации дружеских

сообществ, сбербанков, укреплению среднего класса, в который поднимаются рабочие. Вагнер добавлял, что государство должно создавать условия, регулировать конкуренцию для преодоления негативных последствий либерализма без крайних мер социализма. Планирование и государственная собственность на средства производства неуместны. Социализм Вагнер называл религиозным фанатизмом, он противоречил административным возможностям государства и человеческой психологии [6].

СОЦИАЛИЗМ

Социалисты оптимистически относились к человеческой природе, следуя за Руссо и Вильямом Годвином. Социальные проблемы – нищета и преступность – связаны с неверной политической и экономической организацией общества, атомизацией и конкуренцией и будут исправлены при изменении организации и обстоятельств, которые формируют человека. Обобществление собственности должно привести к надлежащему использованию ресурсов, справедливому вознаграждению за труд и упразднению причин конфликтов.

Обсуждение положения рабочих сделал популярным Клод-Анри Сен-Симон, его доводы повторяли и консерваторы, как Карлейль, и социалисты. Богатые имеют долг улучшения морального и материального положения бедных. Для этого нужно повысить производительность труда согласно науке. Бедные пребывают в праздности из-за недостатка организации. Общество следует организовать так, чтобы оно было выгодно наибольшему числу людей, т. е. производителям, которым следует передать власть для защиты от революций и освободить их от гнёта праздных потребителей – дворян, судей, военных. Производители заинтересованы в спокойствии общества, ограничении произвола, экономии государственных средств. Место политического господства должно занять управление вещами и процессами [19].

Шарль Фурье и Роберт Оуэн предлагали создавать коммуны, в которых образование, воспитание, воздействие среды содействовали бы устранению преступности и конфликтов. Благодаря объединению производительных сил и потребления преодолевались бы негативные последствия промышленной революции и конкуренции, противоречия между интересами индивида

и общества, а также снижались бы издержки. Фурье предлагал выявлять таланты и подбирать привлекательный труд согласно склонностям. Оуэн – создавать условия, в которых интересы и обязанности совпадали бы. Оба автора критиковали существующие программы поддержки бедных, указывая, что раздача помощи содействовала праздности и порокам. Оуэн писал, что из-за конкуренции все пребывали либо в бедности, либо в опасности из-за бедности других. Фурье предупреждал, что, если бедные недовольны существующим строем, они будут подрывать его кражами и восстаниями. Распространение образования в таких условиях подтолкнёт массы, не имеющие средств к существованию, к бунту [19].

Переход к коммунам и кооперативам предлагали также анархисты. Пьер-Жозеф Прудон и Михаил Бакунин полагали, что решение социального вопроса связано с устранением государства как системы притеснения народа. Даже в демократической республике право на выражение воли народа присваивает себе малая группа. В работе «Что такое собственность?» (1840) Прудон писал, что собственность – это кража, а собственники – наследники преступников прошлого. Требовались отмена частной собственности, а также использование беспроцентных кредитов для устраниния разорительного ростовщичества. Естественные склонности людей к ассоциации и самоорганизации должны привести общество к справедливой организации без государства, ограничивающего свободу и защищающего отчуждение продуктов труда. Бакунин и Пётр Кропоткин настаивали на экспроприации собственности, Прудон – на постепенном переходе к новой организации без потрясений. Кропоткин предлагал производить ради потребления, а не ради прибыли, и гарантировать право на обеспечение. Прудон критиковал идею перераспределения за ограничение свободы, что приближало его к либералам, ожидавшим, что проблемы нужды будут решаться через горизонтальное взаимодействие индивидов и сообществ [19].

Карл Маркс, как и Прудон, видел проблему в том, что собственники средств производства получают продукты труда трудящихся. Маркс говорил о том, что классовый конфликт – движущая сила истории. Извечная борьба угнетающих и угнетаемых связана с собственностью на средства производства. Пролетариат должен разрушить всё, что сохраняет частную собственность, – мораль и религию Маркс относил к инстру-

ментам господствующего класса. Передача средств производства в собственность трудящихся снимет противоречие и приведёт к формированию бесклассового общества, в котором не будет социального конфликта. Вражда наций исчезнет вместе с враждой классов.

Позиция Маркса по вопросам социальной политики несколько менялась от «Манифеста» (1848) к «Капиталу» (1867) и к «Критике готской программы» (1875). В «Капитале» он описывал отдельные улучшения в положении рабочих, связанные с давлением общества на государство, как признаки кризиса капитализма и предлагал рабочим объединяться для усиления давления. Это опровергало строгое разделение общества на угнетаемый пролетариат и угнетающую буржуазию, которая контролирует государство, согласно «Манифесту». В «Критике готской программы» обобщение из «Капитала» об удовлетворении потребностей уточняется, что при социализме по мере развития производительных сил будет происходить рост расходов на совместное удовлетворение потребностей: школы, учреждения здравоохранения, помочь нетрудоспособным. Маркс упоминал страховые кассы со скепсисом, воспринимая их как способ эксплуатации, ограничения потребностей рабочих и перекладывания расходов крупной буржуазией на рабочих и мелкую буржуазию. В фабричных законах он видел проявление конфликта между аристократией и буржуазией [16].

Используемое Марксом определение капитализма через указание на отчуждение производимой продукции, а также формула «каждому по потребностям» были выдвинуты Луи Бланом, который критиковал экономику *laissez-faire* и предлагал ввести право на работу. Он писал, что большая часть населения была лишена средств к существованию из-за ограничений, налагаемых частной собственностью и конкуренцией. Бедные не имели никаких прав из-за того, что все блага были отнесены к частной собственности, а обеспечивать себя трудом не могли из-за ограниченного спроса на рынке труда. По мнению экономистов, следующих за Смитом, результат конкуренции – дешевизна, но снижение цен крупные игроки используют для вытеснения конкурентов, затем они повышают цены. Существующая система угрожает равно и бедным, и собственности средних классов. Бедность создаёт рабов, а из рабов происходят воры и убийцы. Предлагаемые в его время схемы решения социального вопроса Блан считал равно неприемлемыми.

мыми: общество, которое встаёт перед выбором – содержать бедных бесплатно или сокращать их численность, – находится на грани гражданской войны. Необходимо сильное государство, которое обеспечило бы нуждающихся работой, постепенно создавая предприятия. Государство будет смягчать конкуренцию – сейчас большие предприятия выдавливают малые насилием и обманом. Необходима государственная помощь нуждающимся, поскольку благотворительность не справляется [2].

Блан, а также Фердинанд Лассаль и Эдуард Бернштейн говорили о роли демократии в решении социального вопроса. По Лассалю, с помощью всеобщих выборов постепенно будут устраниться злоупотребления и ошибки в правлении, а избранный орган будет отражать подобие людей, его избравших. Государство должно стать выразителем интересов «четвёртого сословия», той части третьего сословия, которая не имела собственности. Власть четвёртого сословия означает примирение общества и союз всех, кто не желает привилегий и притеснения народа. При правлении буржуазии моральная идея государства состоит в защите собственности и неограниченной свободе каждого индивида. Но из-за того, что люди не равны по силе и уму, этой идеи недостаточно, поскольку более сильные, умные и богатые грабят слабых и бедных. При правлении четвёртого сословия моральная идея государства – содействовать солидарности, развитию культуры, образования и благосостояния, обеспечивать свободу, чтобы люди могли достигать таких целей, которых не могли бы достичь как индивиды [10].

По Бернштейну, с развитием производства росло благосостояние населения, а предсказанного Марксом разрушения средних и мелких предпринимателей крупным капиталом не происходило. Частные компании постепенно перейдут к кооперативной форме благодаря устранению государственных ограничений на ведение хозяйственной деятельности и передаче регулирующих функций, в том числе связанных с защитой труда, профсоюзам, которые уже помогали своим членам искать работу. Право на труд нежелательно, поскольку связано с произволом и конфликтами. Требовалось распространение страховых касс, в том числе больничных, для смягчения отрицательных проявлений личной хозяйственной ответственности. Нормирование рабочего дня – это обеспечение свободы через запрет отчуждения времени. Пролетарии должны стать

полноправными гражданами, чтобы свобода стала всеобщей. Политического равенства недостаточно, должно развиваться самоуправление. Такие изменения общества возможны в ходе эволюции существующей системы. Чартистское движение добилось наибольших успехов тогда, когда объединилось с радикальной буржуазией. Феодализм потребовалось разбивать силой. Либерализм гораздо гибче и требует не разрушения, а развития [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Консерваторы и либералы связывали конфликты с природой человека, а средство для ограничения страстей видели в институтах, неформальных и формальных соответственно. Социализм считал общественные проблемы следствием неверной организации институтов. По мнению социалистов и либералов, познавательные способности человека адекватны для планирования масштабных реформ, консерваторы указывали, что человеку требуется дoreфлексивная мудрость обычаев как проверенных моделей поведения. Консерваторы считали важным обеспечение порядка, либералы – свободы, а социалисты – равных возможностей по удовлетворению потребностей или равного обеспечения в более регламентированных вариантах социализма. Солидарность общества была значимой ценностью в социализме и, в форме лояльности низших классов, в консерватизме, но не в классическом либерализме.

Разные направления политической философии предлагали разные средства для решения конфликтов, поскольку считали проблемными разные конфликты. Либеральный подход исходил из того, что свободная конкуренция на нерегулируемом рынке наиболее эффективно распределит ресурсы между людьми сообразно их талантам и усилиям. Перераспределение было не решением, а причиной конфликтов, поскольку устранило страх перед нуждой как главный стимул к труду, вело к деморализации и росту запросов, угрожавших собственности. Либерализм предлагал решение социального вопроса через устранение препятствий. Государство должно было защищать рыночные механизмы, устранять барьеры для экономической деятельности в виде пошлин, цеховых и сословных ограничений, а также выступать как арбитр в случае конфликта между сторонами сделок. Консерватизм видел причину конфликтов в

неисполнении своих обязанностей членами общества. Вышестоящие должны были проявлять заботу, нижестоящие – почтительность. Для защиты собственности и иерархии государство должно содействовать работе корпораций, страховым механизмам и благотворительности. Социалисты предлагали изменение формы собственности для устранения первопричин социального вопроса. Конфликт между классами должен быть решён путём передачи власти и собственности пролетариату или путём постепенного расширения государственного перераспределения для снижения неравенства.

Принятие решений в сфере социальной политики предполагает определение ценностного приоритета перед выбором административного принципа. Из-за «эффекта колеи» многие ценностные предпочтения сформированы как ответы на проблемы XIX в. Такое современное либеральное социальное государство, как США, осуществляет профилактику конфликтов, предлагая индивиду минимальную поддержку в случае крайней нужды, а также обеспечивает условия для частной инициативы с помощью льгот, призванных смягчать жизненные риски. Консервативное социальное государство (например, Германия) стремится не допускать конфликтов, обеспечивая с помощью страховых механизмов устойчивую занятость, а также предоставляя широкую автономию корпорациям как субъектам социальной политики. Социал-демократическое социальное государство (Швеция) стремится устраниć причины социальных конфликтов, обеспечивая равенство и солидарность с помощью перераспределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bastiat F. Property and Law // Bastiat F. Selected Essays on Political Economy. New York: D. van Nostrand company, 1964. P. 97–115.
2. Blanc L. Organization du travail. 9th ed. Paris: Au Bureau du Nouveau Monde, 1850. 240 p.
3. Englert G. Usurpation and “The social” in Benjamin Constant’s Commentaire // Modern Intellectual History. 2020. No. 1. P. 55–84.
4. Fanning B. Three Roads to the Welfare State: Liberalism, Social Democracy and Christian Democracy. Bristol: Policy Press, 2021. 265 p.
5. Green T. H. Lecture on liberal legislation and freedom of contract // Green T. H. Works of Thomas Hill Green: in 3 vols. Vol. III. London: Longmans, Green, and Co., 1888. P. 365–386.

6. Gustav von Schmoller and Adolph Wagner. Legacy and Lessons for Civil Society and the State / ed. J. Backhaus, G. Chaloupek, H. A. Frambach. Cham: Springer, 2018. 198 p.
7. Hodder E. The Life and Work of the Seventh Earl of Shaftesbury, K. G. London: Cassel and Company, 1892. 792 p.
8. Hogan W. E. The Development of Bishop Wilhelm Emmanuel von Ketteler's Interpretation of the Social Problem: PhD Thesis. Washington, 1946. 312 p.
9. Kaufmann F.-X. European Foundations of the Welfare State. New York: Berghahn Books, 2012. 406 p.
10. Lassalle F. Working man's programme. London: The Modern Press, 1884. 64 p.
11. Lecky W. E. H. Old-age Pensions // Lecky W. E. H. Historical and Political Essays. London: Longmans, Green, and Co., 1908. P. 298–318.
12. Maine H. S. Popular government. Four essays. London: John Murray, 1885. 261 p.
13. Mallock W. H. Labour and the popular welfare. London: Adam and Charles Black, 1893. 336 p.
14. Martin B. F. Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1978. 386 p.
15. Mill J. Essays on government, jurisprudence, liberty of the press and law of nations. London: J. Innes, 1825. 155 p.
16. Mishra R. Marx and welfare // Sociological Review. New Series. 1975. Vol. 23. №2. P. 287–313.
17. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. London: John Murray, 1821. 550 p.
18. Spencer H. The principles of Ethics: in 2 vols. Vol. 2. New York: D. Appleton and Company, 1908. 512 p.
19. The Cambridge history of socialism: in 2 vols. Vol. 1 / ed. M. van der Linden. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 688 p.
20. Tocqueville and Beaumont on Social Reform / ed. S. Drescher. New York: Harper Torchbooks, 1968. 242 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Vadim A. Podolskiy

- e-mail: deomniscibili@yandex.ru,
Senior Researcher, Department of History of Political Philosophy,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ul. Goncharnaya 12/1, Moscow 109240, Russian Federation

For citation

Podolskiy, V. A. (2025). 19th Century Political Philosophy of Social Policy as Means for Conflict Resolution. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. The article evaluates how political philosophy influences the formation of social policy.

Methodology. The views of liberals, conservatives and socialists on the nature of social conflicts and social policy as a means of conflict resolution are analyzed.

Results. Three models of social conflict resolution are identified and characterized, depending on ideology of authors. According to liberal thinkers, conflicts occur between atomic subjects over property, and the role of the state in their prevention is to protect market mechanisms, promote self-reliance and provide only minimal support. According to conservative authors, conflicts are associated with the failure of members of society to fulfill their duties in accordance with their status. The role of the state is to maintain the conditions for the work of corporations that provide for their employees. For socialist thinkers, conflicts are associated with inequality, which is minimized with the help of state redistribution or changes in property relations.

Research implications. The article points out that the attitude to the nature and abilities of man and the preferred values determine the proposed solutions for social problems and the principles of the social policy organization.

Keywords

19th century political philosophy, social question, social policy, liberalism, conservatism, socialism, social conflicts

References

1. Bastiat, F. (1964). Property and Law. In: Bastiat F. *Selected Essays on Political Economy*. New York: D. van Nostrand company, pp. 97–115.
2. Blanc, L. (1850). *Organization du travail*. Paris: Au Bureau du Nouveau Monde.
3. Englert, G. (2020). Usurpation and “The social” in Benjamin Constant’s Commentaire. In: *Modern Intellectual History*, 1, 55–84.
4. Fanning, B. (2021). *Three Roads to the Welfare State: Liberalism, Social Democracy and Christian Democracy*. Bristol: Policy Press.
5. Green, T. H. (1888). Lecture on Liberal Legislation and Freedom of Contract. In: Green T. H. *Works of Thomas Hill Green: in 3 vols. Vol. III*. London: Longmans, Green, and Co., pp. 365–386.
6. Backhaus, J., Chaloupek, G. & Frambach, H. A., eds. (2018). *Gustav von Schmoller and Adolph Wagner. Legacy and Lessons for Civil Society and the State*. Cham: Springer.
7. Hodder, E. (1892). *The Life and Work of the Seventh Earl of Shaftesbury*. K. G. London: Cassel and Company.
8. Hogan, W. E. (1946). *The Development of Bishop Wilhelm Emmanuel von Ketteler’s Interpretation of the Social Problem* [dissertation]. Washington.
9. Kaufmann, F.-X. (2012). *European Foundations of the Welfare State*. New York: Berghahn Books.
10. Lassalle, F. (1884). *Working Man’s Programme*. London: The Modern Press.
11. Lecky, W. E. H. (1908). Old-age Pensions. In: Lecky W. E. H. *Historical and Political Essays*. London: Longmans, Green, and Co., pp. 298–318.
12. Maine H. S. (1885). *Popular Government. Four Essays*. London: John Murray.
13. Mallock, W. H. (1893). *Labour and the Popular Welfare*. London: Adam and Charles Black.
14. Martin, B. F. (1978). *Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
15. Mill, J. (1825). *Essays on Government, Jurisprudence, Liberty of the Press and Law of Nations*. London: J. Innes.

16. Mishra, R. (1975). Marx and Welfare. In: *Sociological Review. New Series*, 23, 2, 287–313.
17. Ricardo, D. (1821). *On the Principles of Political Economy and Taxation*. London: John Murray.
18. Spencer H. (1908). *The Principles of Ethics: in 2 vols. Vol. 2*. New York: D. Appleton and Company.
19. Linden, M. van der, ed. (2023). *The Cambridge History of Socialism. Vol. 1*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Drescher, S., ed. (1968). *Tocqueville and Beaumont on Social Reform*. New York: Harper Torchbooks.

ДИСКУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО-ЮГРЫ)

Товмасян Нарине Тиграновна

- e-mail: tovnarine@mail.ru;
кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и философии;
Сургутский государственный университет
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут,
пр-т Ленина, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Товмасян Н. Т. Дискурсы исторической памяти и гражданской идентичности в регионе (на примере ХМАО-Югры) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 08.09.2025
- Статья размещена на сайте 05.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Методы исследования](#)

[Особенности медиадискурса 2005 г.](#)

[Специфика медиадискурса 2015 г.](#)

[Отражение вопросов в медиадискурсе 2025 г.](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать динамику трансформации исторических нарративов и идентификационных смыслов в региональных медиадискурсах Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югры) в три ключевых временных среза – 2005, 2015 и 2025 гг. Исследование направлено на выявление особенностей взаимодействия региональной и общефедеральной повестки, а также изменений в политике памяти и символической политике в контексте социально-политических вызовов и национальных приоритетов.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет контентный и дискурсивный анализ медиаматериалов крупнейших региональных информационных изданий ХМАО-Югры. В работе проанализированы 19035 публикаций, отобранных за три периода, с использованием программного инструмента «Медиалогия». Исследование акцентировано на выявлении тематических категорий, а также на изучении динамики изменения нарративов в контексте ключевых инфоповодов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в 2005–2025 гг. наблюдается доминирование темы Великой Отечественной войны, которая постепенно переосмысливается и трансформируется через призму актуальных событий современности. С каждым периодом усиливается «локализация» общефедеральной риторики, при которой региональная идентичность интегрируется в национальную повестку через адаптацию и пересборку исторических символов. При этом фиксируется заметное смещение приоритетов от самостоятельных региональных нарративов в пользу федеральных, что приводит к постепенному сужению уникальной региональной повестки.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о динамике взаимодействия локальных и национальных символических политик. В научную дискуссию введены данные о медийной трансляции дискурсов исторической памяти и гражданской идентичности в ХМАО-Югре, что позволяет глубже осмыслить процесс конструирования исторической памяти в регионах. Сделаны выводы, полезные для разработки стратегий государственной политики памяти, включая баланс между федеральными и региональными идентичностями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дискурс исторической памяти, идентичность, медиадискурс, политика памяти, символическая политика

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №25-28-20086 «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности»).

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы, связанные с исторической памятью и гражданской идентичностью, продолжают уже долгое время оставаться важными категориями политологического анализа, в них исследуются основы государственности через призму таких ключевых понятий, как «символическая политика», «историческая политика» и «политика памяти». Дискурсы исторической памяти и гражданской идентичности остаются в центре внимания не только исследователей, но и практикующих политиков, осознающих важность конструирования как региональной, так и общегражданской идентичности, особенно в условиях меняющегося социального и политического контекста.

Так, если говорить про категории «историческая память» и «символическая политика», в контексте нашего исследования будет важным вспомнить исследования таких авторов, как Д. А. Аникин, который отмечает нарратив Великой Отечественной войны как центральный в политике памяти современной России [1], и В. О. Беклямишев, который в своих исследованиях анализирует, как российское руководство апеллирует к событиям прошлого, проводя параллели с актуальными событиями, объясняя и обосновывая их [2]. Если же говорить про региональную идентичность, то такие исследователи, как, например, В. М. Капицын [4], отмечают, что различные формы презентации прошлого служат формированию идентичности через осмысление истории, на региональном уровне память может выражаться в своих культурных формах, но цель остаётся общей – определить место сообщества в истории страны. Вместе с тем ряд исследователей в своих трудах по теории национальной идентичности отмечают, что в условиях роста нового патриотизма государство выстраивает единый канон исторических мифов для всех частей страны. Такая централизация символической повестки постепенно вытесняет частные сюжеты, сужая пространство для самостоятельных

региональных интерпретаций прошлого. Именно поэтому в работах у И. С. Семененко можно обнаружить критику подобного подхода и призывы к плюрализации понимания исторической памяти в условиях многонационального государства [8]. Влияния историко-памятных дискурсов на гражданскую идентичность россиян касались работы таких исследователей, как Е. В. Морозова, Р. В. Евстифеев, С. К. Калашникова, О. В. Попов, А. И. Ребров и др. [3; 5–10] В них авторы изучали соотношения ценностей и восприятия идентичности россиян.

В «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года», утверждённой распоряжением Правительства ХМАО-Югры в 2022 г., приоритетной целью развития духовной сферы является «укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Кроме того, поскольку в документе отмечен «низкий уровень региональной идентичности», наряду с укреплением общенациональной (государственной) идентичности ставится задача по формированию и югорской идентичности¹.

Решать эти задачи призвана региональная символическая политика, которая, в свою очередь, должна опираться на научную основу, в том числе эмпирические исследования. Результаты одного из таких исследований представлены в данной статье.

Одним из важнейших направлений формирования идентичности выступает историческая политика [8, с. 58]. Политическим пространством, на котором разворачиваются её ресурсы, является в первую очередь система медиакоммуникаций. Это определило предмет нашего исследования: дискурсы исторической политики в региональных средствах массовой информации как направление формирования общенациональной и региональной идентичности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основное содержание исследования составляет контентный и дискурсивный анализ медиаматериалов крупнейших региональных информационных изданий ХМАО-Югры.

¹ О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/411709517> (дата обращения: 06.06.2025).

В качестве основного метода исследования использовался контент-анализ. Процедурно в соответствии с методикой контент-анализа была закреплена фиксация упоминаний концептов «межнациональное согласие», «идентичность», «память», формализованных в ассоциативных словоформах. Зафиксированы масштаб распространения, продолжительность и тематические акценты. Анализу подверглись ассоциативные словоформы в привязке к исследуемому концепту: историческая политика, политика памяти, историческая память, представления о прошлом, земляки-герои, патриотизм, любовь к Родине, Великая Отечественная война, нравственные ценности, местное сообщество, Ханты-Мансийский автономный округ, Югра.

Целью выступило выявление динамики коннотаций в использовании понятия «идентичность» в региональных СМИ в течение последнего десятилетия. В качестве задач необходимо было: определить частоту выхода информационных сообщений в региональных СМИ, включающих понятие «идентичность», определить доминирующие коннотации концепта «идентичность» путём установления смысловых связей с указанными выше ассоциативными словоформами, определить смысловое содержание концепта в зависимости от используемых коннотаций.

Объектом анализа стали тексты газет, издающихся в Югре. Источником контент-анализа были определены газетно-публицистические тексты в наиболее значимые для исследования годы: 2005 г. (становление в отечественной науке и общественном сознании понятия «идентичность»); 2015 г. (изменения в символической политике в связи с нарастанием обращения к памяти о прошлом, в связи с юбилеем Победы), 2025 г. (в связи с празднованием юбилея Победы). Техническая возможность проведения контент-анализа СМИ обеспечена посредством информационно-аналитической системы «Медиалогия».

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИСКУРСА 2005 Г.

Так, если говорить про 2005 г., следует заметить несколько пиков упоминаний исследуемых словоформ в контексте концепта «идентичность» – это в марте, сентябре и декабре. Первый зарегистрированный пик активности, который приходится на март, можно объяснить выборными кампаниями, в период которых, по всей видимости, участились и общественные об-

суждения, которые отразились в публикационной активности, и сами инфоповоды, затрагивающие нарративы идентичности и гражданственности. Так, традиционными темами для дискуссий в период предвыборных кампаний становятся обсуждения стратегической значимости региона для всей страны, актуализируются проблемы коренных малочисленных народов севера, обсуждается намного активнее деятельность нефтегазодобывающих корпораций, их вклад в развитие городов и т. д. После обозначенного пика следует длинный спад, объясняемый «традиционной» летней инертностью и сезоном отпусков, далее идёт второй пик активности – это уже сентябрь. По всей видимости, это такой же естественный подъём, связанный с появлением обсуждений в СМИ вопросов, связанных с началом учебного года, воспитанием подрастающего поколения, обсуждением локальных проблем, проявляющихся в более прохладный сезон. Характерной особенностью этого пика активности является то, что он не имеет такого явного спада, как в предыдущий раз, а наоборот, можно сказать, что динамика достаточно чётко показывает возрастание и упирается следующим пиком на декабрь, когда вся страна готовится к общегосударственному празднику, объединяющий смысл которого не вызывает сомнений.

Говоря о характере публикационной активности в региональных СМИ, транслирующих дискурсы югорской идентичности через символическую политику, правильнее было бы проанализировать тематику публикаций за 2005 г. Стоит сказать, что было проанализировано 1669 сообщений информационного характера, где встречались интересующие нас словоформы, в наиболее крупных региональных СМИ ХМАО-Югры. Если говорить про доминирующую тематику, это в первую очередь публикации, которые касались региональной специфики (507 сообщений), общества и социальной сферы (479 сообщений), властно-общественных отношений (450 сообщений) и проч. Чаще всего эти информационные сообщения были посвящены ХМАО-Югре (1223 сообщений) или обращались к общероссийской тематике (472 сообщений). Так же часто упоминались популярные в регионе политики, такие, например, как один из символов политической жизни округа и действующий на тот момент губернатор – Александр Филипенко, который воспринимался югорчанами как несомненный патриот автономного округа, активно продвигающий символы и нарративы регио-

нальной идентичности. Вместе с тем большое внимание уделялось и вопросам взаимоотношений между соседними субъектами – Тюменской областью и Ямало-Ненецким автономным округом. Можно сказать, что именно в этот период начинает складываться понимание того, что региональная идентичность является важной составляющей идентификационных смыслов как в самом регионе, так и во взаимосвязи с федеральным центром. Эти тенденции и проявляются в разрезе контент-анализа югорских СМИ как свидетелей и активных участников происходящих сдвигов как во власти, так и в обществе. Это период очень важных дискуссий, проявляющихся в общественной жизни ХМАО-Югры, о возможной необходимости слияния трёх соседних субъектов в один крупный и поиска решений, удовлетворяющих как жителей, так и представителей властей этих регионов. В 2005 г. также начинается реформа системы вертикали власти, которая непосредственно касалась изменений выборов в губернаторы и тем самым усиления роли федерального центра. Эти изменения также, судя по анализу упоминаний контекста публикаций, влияли на дискуссии в обществе, тем самым актуализируя дискурсы региональной и общегосударственной идентичности.

В результате можно сказать, что 2005 г. становится поворотным в некоторых аспектах, закладывает основы для будущих дискуссий о соотношении региональной и общегосударственной идентичности, вынося на первый план вопросы, связанные как с местом и ролью округа в стратегиях развития государства, так и с осознанием значимости символической политики в развитии региона.

СПЕЦИФИКА МЕДИАДИСКУРСА 2015 г.

Следующий анализируемый нами период – это 2015 г., период активной подготовки к юбилею Победы и в связи с этим нарастающей в обществе циркуляции нарративов, связанных с исторической памятью и идентификационными смыслами. В этот раз информационных сообщений, которые попали под критерии нашего исследования, оказалось существенно больше, чем в 2005 г., что позволяет делать вывод об актуализации темы и идеи, которая начинала разрабатываться учёными и общественными деятелями именно тогда. Нами было проанализировано 6840 сообщений, имеющих отношение к теме ис-

следования. Однако характер сообщений не показывал выраженных различий по сравнению с предыдущим периодом: так, большая часть сообщений группировалась вокруг категории властно-общественных отношений (2402), далее – вопросов регионального значения (2184); тройку наиболее популярных категорий замыкают вопросы общественной и социальной сферы (1717). Уже на этом этапе видны различия в полученных данных по сравнению с 2005 г. В 2015 г. на первый план выходят вопросы общефедерального значения и только после – вопросы регионального значения; вместе с тем практически пропадают упоминания о видных местных политиках, пользующихся популярностью у югорчан, остаётся только упоминание о губернаторе Наталье Комаровой, фигура которой имела иное символическое значение для югорчан, отличное от примера предыдущего губернатора. Её часто отождествляли с продвижением федеральных, а не региональных идентификационных нарративов. Именно поэтому пиар-служба нового губернатора делала очень большой уклон в сторону большего описания её работы в поездках по округу, личных встречах с жителями и попытках взять под личный контроль особенно проблемные вопросы в регионе.

При качественном анализе статей, соответствующих критериям нашего отбора, выделяются несколько ключевых тем, причём чаще всего они общефедерального характера, и намного меньше тем, связанных с вопросами, касающимися только региона, и выстраивающих символические образы и объединяющие смыслы в контексте самоощущения югорчан. Наиболее заметные инфоповоды сосредотачиваются вокруг темы празднования юбилея Великой Отечественной войны, далее – празднования 85-летия Ханты-Мансийского автономного округа в контексте поздравлений с юбилеем от видных политиков страны; и, что интересно, появляется новый инфоповод, достаточно часто упоминаемый в СМИ, – это тема Крыма, Донбасса и Украины – ещё один объединяющий дискурс в контексте и политики памяти, и символической политики общегражданского масштаба.

В целом пики активности по публикациям также соответствуют инфоповодам и периодам активности упоминаемости по ним. Наиболее выраженным в этот раз можно отметить только один пик активности, который явно является доминирующим по сравнению с остальными, и это довольно широкий

период, начинающийся в марте и достигающий вершины в мае. Логично сделать предположение о связи отмеченного пика с важными общегражданскими событиями, такими как День присоединения Крыма, который плавно перетёк в описание другого важного консолидирующего примера – празднования Победы в Великой Отечественной войне. Другие, существенно менее заметные пики активности – это сентябрь и октябрь–декабрь. Сентябрь опять-таки можно связать с началом учебного года и активизацией обсуждений в обществе относительно методов воспитания молодёжи, в том числе и патриотического воспитания, а октябрь и декабрь выстраиваются в общую линию предпраздничных пиков активности, связанных с памятными мероприятиями по случаю юбилея ХМАО-Югры и новогодними праздниками.

В основном подобную тенденцию можно объяснить завершением укрепления вертикали власти и установлением определённого «коридора» возможностей для местных политических элит по развитию идей региональной идентичности. Тема, конечно, не исчезает совсем, так как её важность осознаётся, но, судя по анализу текстов публикаций, из неё «выпадают» моменты, входящие в определённом смысле в противоречие с общегражданскими идентификационными смыслами. Наблюдается также в некотором роде замена упоминаний региональных политиков на федеральных, причём в совершенно разных контекстах – и в связи с поздравлениями по случаю юбилея округа, и в связи с обсуждениями исторических контекстов присоединения Крыма, и в связи с международными событиями празднования Победы в ВОВ и т. д., что говорит об усилении централизованного управления символической политикой в регионе. В анализе публикационной активности СМИ в 2015 г. отчётливо прослеживается единая линия попыток преодоления противоречий регионального и общегражданского нарративов. Появляется больше упоминаний универсальных объединяющих символов, призванных интегрировать общество, однако не забывается и региональная специфика. Так, в большом количестве инфоповодов, связанных с ВОВ, рассказывалось о вкладе округа в общее дело Победы, а также о ветеранах, живущих регионе.

ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ 2025 г.

Говоря про следующий юбилейный год празднования Победы в Великой Отечественной войне – 2025-й, – стоит сказать, что анализу был подвергнут не весь год, как в предыдущие периоды, а лишь первые 3 месяца. Это было связано с тем, что эмпирический материал для статьи подбирался в апреле, но на аналитических возможностях сравнения с двумя предыдущими периодами подобное ограничение не отразилось, так как изученного материала, даже в намного более короткий срок, чем раньше, оказалось больше. Вместе с тем большая часть интересующих нас публикаций в предыдущие исследуемые циклы также была сосредоточена в упоминаемых временных рамках. Некоторые недостатки временных ограничений удалось нивелировать качественным анализом массива данных. В этот раз было изучено 10526 сообщений, подходящих под наш поисковый запрос с определёнными словоформами. Если говорить про динамику публикаций, здесь отчётливо выделяются два пика активности – это февраль и март. Очень показательно смещение временных периодов публикационной активности в прессе. По всей видимости, февральский пик связан с празднованием Дня защитника Отечества, который в последние годы приобретает ещё один общенациональный идентификационный смысл, связанный с СВО, и поэтому 23 февраля как праздничный день становится более выпуклым в федеральном масштабе. Второй пик публикаций приходится на март, но он не связан с празднованием Международного женского дня – анализ показывает, что публикации имеют отношение ко Дню воссоединения Крыма с Россией, который отмечается 18 марта. Так, уже на этом этапе видны сдвиги в трансляции идентификационных смыслов, призванных объединить граждан страны вокруг актуальных событий, вызывающих гордость за настоящее с привязкой к «славному историческому прошлому». При попытке более детального рассмотрения инфоповодов можно заметить как появление новых тем, претендующих на место в формирующихся идентификационных нарративах, так и некое изменение в характере старых объединяющих смыслов. Красной нитью в большей части публикаций проходят несколько важных тем, часто даже взаимодополняя друг друга в одних и тех же материалах. Самые заметные из них – это СВО, Великая Отечественная война и – реже – публикации, связанные с РПЦ. Тема Специальной военной операции становится централь-

ным объединяющим смыслом, который находит отражение и в новом прочтении Дня защитника Отечества и празднования Победы в Великой Отечественной войне. Подобный во многих смыслах новый «акцент» может указывать на переход от исторической памяти к более операционным формам легитимации, конструирования новых символов общегражданского объединения, который спускается по вертикали власти и уже в регионах локализуется через выходцев из округа, участвующих в СВО, через установление памятных символов в публичном пространстве, организацию мероприятий, вовлекающих детей, подростков, взрослых и т. д. При этом можно сказать, что изменения происходят и в иных плоскостях представления ВОВ публике. Появляется не встречавшаяся ранее связь с текущей ситуацией, разграничение на «врагов прошлого» и «врагов настоящего» с кросстемпоральным сопоставлением тех и других.

Интересна также роль религиозных нарративов в процессе формирования идентификационных смыслов. Публикации, связанные с Русской православной церковью, встречались и в прошлые исследуемые периоды, но лишь в этот раз их количество позволило более выпукло рассмотреть её роль. Инфоповоды в этом контексте теперь не связаны лишь с религиозными праздниками, коммуникацией с паствой и духовными ценностями, а становятся намного шире, включая в себя и нравственно-патриотическое воспитание, и пропаганду традиционных и семейных ценностей в сочетании с темой СВО.

Региональная специфика сведена к тому, чтобы рассказывать об этих темах через призму исторического наследия региона или создания новых символов приобщения. К примеру, инфоповодов, упоминающих региональных политиков, практически нет – исключение составляет только новоназначенный губернатор Руслан Кухорук, который, можно сказать, в большей мере «локализует» федеральную повестку в регионе, дублируя те же темы СВО и ВОВ в контексте выходцев из Югры и т. д. В медиа появляется много персонифицированных примеров местных жителей, участвующих в СВО или имевших отношение к ВОВ, которые одновременно и усиливают связь с регионом, и транслируют привязку к общегосударственным идентификационным смыслам. Важно также сказать и про тональность исследуемых материалов – чаще всего авторы в них отсылают к глубинным чувствам, таким как гордость за исторические события, которые во многих смыслах связываются с настоящими

ми событиями. Вместе с тем появляются и другие оттенки – такие как чувство долга перед Родиной и обществом, ностальгия по историческим временам и, чуть реже, траур, т. е. упоминание жертв и героев. Использование подобных тональностей в медиа создаёт нарратив приобщённости и укрепления обще-гражданской идентичности через призму региональной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если сравнивать нарративы, возникающие во всех трёх исследуемых периодах, можно сказать, что несомненны как стабильность некоторых элементов, подпадающих под наше внимание, так и появление новых, отвечающих вызову времени и изменяющемуся политическому контексту в стране и мире. Среди стабильных элементов, конструирующих идентификационные смыслы и символы исторической политики регионального масштаба, остаётся тема Великой Отечественной войны, которая, однако, претерпевает определённые изменения в характере трансляции в медиа. Начиная от рассказов о событиях в 2005 г., не имеющих строгих окрасов, которые использовались как символ общего прошлого с относительно нейтральным тоном, склоняющихся к «локализации» или, наоборот, сосредоточенных только на общих символах без ярко выраженной политизации или привязки к текущей ситуации, переходящих к 2015 г., когда появляются чёткие линии, выстраивающие понимание исследуемых событий в контексте его прочтения через локальные символы исторической политики, которые встраиваются в общегражданский конструкт национальной самоидентификации. В 2025 г. уже к имеющимся смысловым окрасам добавляются новые – актуализирующие национальную историческую память через важные события настоящего. Выстраивается прямая линия «от героев прошлого к героям настоящего», что символически укрепляет связь поколений. Здесь уже тема СВО становится в один ряд с таким значимым нарративом национальной и специфичной, но всё же ещё и региональной идентичности, как Победа в Великой Отечественной войне. Конечно, она, в свою очередь, добавляет новые смыслы в существующую символическую политику и политику памяти в регионе. Здесь мы заметили, что с каждым годом всё чаще эти нарративы проявляются на местном уровне как «локализация» общефедеральной риторики, направленной на

создание единых смыслов и символов общегражданской самоидентификации через призму региональной специфики.

Говоря о региональной идентичности в целом и её трансформации в разные исторические периоды, мы не можем не сказать о некоторых важных деталях, проясняющих общую картину. Здесь важна на самом деле не столько отдельно региональная специфика, сколько специфика взаимодействия между региональной и общефедеральной самоидентификацией, как одно влияет на становление второго. В 2005 г. региональные нарративы ещё сохраняли относительную самостоятельность, не всегда чётко вписываясь в общефедеральный контекст. В анализируемых публикациях могли встречаться критика и недовольство решениями местных и федеральных властей, часто встречались упоминания о региональных политиках, представляющих разный спектр политического поля. В 2015 г. наблюдается более тесная интеграция региональной специфики в федеральные нарративы, что проявляется через «локализацию» общегражданских символов. По всей видимости, это связано с окончательным установлением стабильной вертикали власти, что также проявилось и вобретении понимания единых общегражданских идентификационных смыслов и того, как активно включить в них регионы. К 2025 г. уже выстраивание региональной идентичности становится во многом зависимым от общефедеральной повестки, местная специфика становится лишь инструментом дублирования символики федерального масштаба. С одной стороны, плюсом подобных сдвигов можно назвать появление единого общефедерального идентификационного смысла, основанного на единой исторической и символической памяти, что, несомненно, даёт возможность устойчивого развития страны без опасений за возможные очаги нестабильности. С другой же стороны, полная инкорпорация региональной идентичности в нарративы общего национального дискурса может привести к нивелированию локальной специфики и появлению у местных жителей ощущения невнимания к их интересам со стороны федеральных властей. Происходящее может быть описано как ослабление региональной субъектности и исчезновение уникальных идентификационных нарративов региона, что говорит об изменении роли регионов в общей политике памяти – по всей видимости, они больше не создают собственных смыслов, а лишь адаптируют общие. Вместе с тем происходит увеличение роли

в политике памяти и установление идентификационных символов актуальных событий настоящего, что может говорить о формировании оперативных идентификационных инструментов, которые укрепляют текущую политическую повестку. Тут становится важным вопрос, насколько будут устойчивы подобные нарративы уже в долгосрочной перспективе.

Так, говоря о трансформации дискурсов исторической памяти и гражданской идентичности в ХМАО-Югре, можно отметить сложное переплетение прошлого, настоящего и будущего в идентификационных нарративах. Изначально основной акцент сосредотачивался преимущественно на событиях прошлого, конструируя устойчивое восприятие исторической памяти. Далее происходит смещение акцента на связь прошлого и настоящего через локализацию, что позволило укреплять региональную идентичность как часть общенациональной. И уже после – переосмысление прошлого через настоящее, т. е. прошлое становится политически актуальным благодаря событиям настоящего, связывая дискурсы исторической памяти с текущими политическими задачами. Вместе с тем появляются и новые объединяющие символы, которые встраиваются в уже существующие нарративы исторической памяти через символическую и эмоциональную связь с ними.

Полученные результаты исследования становятся основой для нового, более широкого взгляда на изучение роли локальных сообществ в конструировании общефедеральной символической политики при помощи новых методов анализа и медийной трансляции дискурсов исторической памяти и гражданской идентичности в ХМАО-Югре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Д. А. Религиозное сообщество в современном культурном пространстве: трансформация идентичности и мемориальных практик // Философия и культура. 2020. №3. С. 36–44.
2. Беклямишев В. О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. №3. С. 56–79.
3. Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. №1. С. 88–95.

4. Капицын В. М. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) // Политическая наука. 2020. №2. С. 42–54.
5. Калашникова С. К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга // Социально-политические исследования. 2022. №3. С. 65–79.
6. Морозова Е. В., Филиппов Д. Е. Политика идентичности на локальном уровне (на примере города Ейска) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №4. С. 91–97.
7. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. №3. С. 56–77.
8. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, А. Л. Бардин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. 2017. №5. С. 54–78.
9. Попова О. В. Роль муниципалитетов в формировании политики идентичности российских агломераций // Социально-политические исследования. 2024. №1. С. 38–52.
10. Ребров А. И. Локальная политическая идентичность // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. №1. С. 20–40.

ARTICLE INFORMATION

Author

Narine T. Tovmasyan

- e-mail: tovnarine@mail.ru;
- Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof.,
Department of Political science and philosophy,
Surgut State University
pr-t Lenina 1, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, 628412 Surgut,
Russian Federation

For citation

Tovmasyan, N. D. (2025). Historic Memory and Civic Identity Discourses in the Region (On the Example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug Yugra). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze the dynamics of transformation of historical narratives and identification meanings in regional media discourses of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug Yugra in three key time periods – 2005, 2015 and 2025 and to identify interaction features of the regional and federal agenda, as well as changes in the policy of memory and symbolic policy in the context of social political challenges and national priorities.

Methodology. Content and discursive analysis of media materials of the largest regional information publications of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug Yugra are the key methods. The work analyzed 19,035 publications selected for three periods, using the software tool "Mediology". The study focuses on identifying thematic categories, as well as studying the dynamics of changing narratives in the context of key news items.

Results. The conducted analysis showed that in 2005–2025 the theme of the Great Patriotic War dominates, gradually being rethought and transformed due to the current events of our time. With each period, the "localization" of federal rhetoric increases, in which regional identity is integrated into the national agenda through the adaptation and reassembly of historical symbols. At the same time, a noticeable shift in priorities from independent regional narratives to federal ones is recorded, which leads to a gradual narrowing of the unique regional agenda.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the dynamics of the interaction of local and national symbolic policies. Data on the media broadcast of discourses of historical memory and civic identity in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug Yugra are introduced into the scientific discussion, which makes it possible to understand more deeply the process of constructing historical memory in the regions. Conclusions are drawn that are useful for developing strategies for state memory policy, including a balance between federal and regional identities.

KEYWORDS

historical memory discourse, identity, media discourse, memory policy, symbolic policy

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-20086 "Historical policy of local communities and the formation of regional and national identity").

References

1. Anikin, D. A. (2020). Religious Community in the Contemporary Cultural Space: Transformation of Identity and Memorial Practices. In: *Philosophy and Culture*, 3, 36–44 (in Russ.).
2. Beklyamishev, V. O. (2021). On the Study of Historical Analogies in Political Discourse: Problem Field Description. In: *Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science*, 3, 56–79 (in Russ.).
3. Evstifeev, R. V. (2016). Local Identity: Symbolic Politics and Non-Symbolic Practices. In: *Philosophical Sciences*, 1, 88–95 (in Russ.).
4. Kapitsyn, V. M. (2020). Identities and National Variants of Memory Politics (On the Discussion Results). In: *Political Science*, 2, 42–54 (in Russ.).
5. Kalashnikova, S. K. (2022). The Effectiveness of Regional Identity Policy in Public Opinion: The Experience of St. Petersburg. In: *Social and Political Research*, 3, 65–79 (in Russ.).
6. Morozova, E. V. & Filippov, D. E. (2021). Identity Politics at the Local Level (Using Yeysk as an Example). In: *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 91–97 (in Russ.).
7. Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. & Semenenko, I. S. (2020). Identity Policies in Rural Local Community Development in Russia. In: *Polis. Political Studies*, 3, 56–77 (in Russ.).

8. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L. & Pantin, V. I. (2017). Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in the Post-Soviet Space. In: *Polis. Political Studies*, 5, 54–78 (in Russ.).
9. Popova, O. V. (2024). The Role of Municipalities in Shaping the Identity Policy of Russian Agglomerations. In: *Social and Political Research*, 1, 38–52 (in Russ.).
10. Rebrov, A. I. (2024). Local Political Identity. In: *Political Science Issues*, 14 (1), 20–40 (in Russ.).

М. П. ПОГОДИН И ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ширинянц Александр Андреевич

- e-mail: jants@yandex.ru;
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории социально-политических учений факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Бересневич Анастасия Александровна

- e-mail: nastya.beresnevitch@yandex.ru;
студентка философского факультета;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Ширинянц А. А., Бересневич А. А. М. П. Погодин и преподавание политической истории в Императорском Московском университете // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 28.04.2025
- Статья размещена на сайте 25.11.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[«Лекции по Герену...»](#)

[Рецензии на работы И. К. Кайданова](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Характеристика вклада выдающегося русского историка, политического публициста и общественного деятеля Михаила Петровича Погодина (1800–1875) в университетское образование, в становление методики и методологии преподавания исторических дисциплин.

Процедура и методы. В статье осуществлён анализ малоизвестного пособия М. П. Погодина «Лекции по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира», а также рецензий на учебные пособия по истории И. К. Кайданова (1780–1843).

Результаты. Показано, что М. П. Погодин был одним из первых, кто обратил внимание на важность преподавания политической истории, на необходимость обеспечения учебного процесса учебной и научной литературой на родном языке. М. П. Погодин не только призывал коллег к созданию учебников и пособий, подготовленных «правильно по-русски, в прекрасном духе преданности к Богу, государю и отечеству, с чистою нравственною целию», но и сам предпринял в этом отношении серьёзные усилия, заслужив «благодарность своих учеников – и читателей».

Теоретическая и / или практическая значимость. Изложенные в статье факты вносят вклад в развитие истории исторической и политической наук в России. Выводы и результаты анализа могут быть использованы при создании научных статей, монографий по истории общественной и политической мысли России, а также в учебном процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

М. П. Погодин, А. Г. Л. Герен, И. К. Кайданов, Императорский Московский университет, политическая история

ВВЕДЕНИЕ

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) – выдающийся русский историк, политический публицист и общественный деятель, оставшийся в истории политики и мысли России XIX в. как виднейший теоретик и пропагандист русского «хранительства» [4, с. 37–91], человек, внёсший большой вклад в обоснование знаменитой уваровской формулы «Православие. Самодержавие. Народность», ставшей прообразом государственной идеологии [5, с. 219–232], защищавший национально-политическое

единство и целостность страны, выступавший против «внешней» и «внутренней» русофобии [2, с. 192, 198–199], активно участвовавший в становлении русофильских панславистских идеологии и движения. В науке Погодин выступил защитником «исторического православия» и «русской своенародности». Однако его роль в истории русского самосознания и культуры не сводится к обоснованию уваровской формулы в политике или к защите «русской своенародности» в исторической науке [1, с. 137]. За этими, безусловно, значимыми аспектами деятельности Погодина остаётся в тени его вклад в образование, в становление методики и методологии преподавания исторических дисциплин.

Без преувеличения можно утверждать, что вся жизнь Погодина неразрывно связана с Императорским Московским университетом. В 1818 г. он стал его студентом, в 1821 г. окончил курс с золотой медалью за выпускную работу «О пользе источников в нынешнем состоянии статистики», был оставлен «в ведомстве университета» и до 1824 г. преподавал географию в университете Благородном пансионе. После защиты магистерской диссертации «О происхождении Руси» в 1825 г.¹ читал всеобщую историю студентам-первокурсникам Московского университета. В 1827 г. Погодин составил на основе лекций свои «Исторические афоризмы»², вышедшие отдельным изданием в 1836 г.³.

¹ М. П. Погодин пришёл к выводу, что варяги-русь – не шведы, пруссы, финны, хазары или готы, а норманнское племя, обитавшее на территории современной Швеции. Это противоречило мнению единственного на тот момент крупного специалиста по отечественной истории в Московском университете – М. Т. Каченовского, полагавшего, что Русь имеет южное происхождение – от хазар (См.: О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение М. Погодина. М., 1825. С. 102, 143).

² Впервые отрывки из «Афоризмов» были опубликованы в двух номерах журнала «Московский вестник» под названием «Исторические афоризмы и вопросы» (См.: М. П. [Погодин М. П.]. Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. 1827. Часть первая. №2. С. 109–116; Часть шестая. №23. С. 303–309).

³ На страницах «Афоризмов» Погодин формулирует предварительные замечания по двум основополагающим сюжетам своих будущих работ, в которых обычно смешивал политику с историей. Эти сюжеты сводятся к раскрытию специфики условий образования «начала» государственности в Европе и в России, к необходимости различия Западной и Восточной Европы, Запада и России, представляющих собой две большие, качественно различные мировые цивилизации – западноевропейскую, наследницу Римской, и восточноевропейскую, наследницу Восточной Римской империи (См.: Исторические афоризмы Михаила Погодина. М.: Университетская типография, 1836. С. 13–14).

В 1828 г. Погодин был произведён в адъюнкты, читал курсы новой (политической) и русской истории на этико-политическом отделении юридического факультета, в 1833 г. – избран ординарным профессором всеобщей истории, читал лекции о политике, связи и торговле древних народов мира. В 1835 г. «по поручению высшего начальства» Погодин подготовил «Начертание русской истории: для училищ», а в 1836 г. занял университетскую кафедру русской истории.

Именно Погодин сделал очень много для того, чтобы истории – и всеобщая и особенно русская – приобрели форму учебных дисциплин, подчинённых определённой логике и решающих дидактические задачи. Более того, профессор Императорского Московского университета Погодин оказывал значительное влияние на нравственное развитие и рост образованности своих слушателей. Даже оценивая его лекции скептически, многие его бывшие студенты, не сговариваясь, отмечают неординарность личности Погодина, его «живое, беззаботное, горячее отношение к делу», стремление научить студентов «любить науку, любить и уважать Россию, ценить те великие тяжёлые жертвы, которые древняя Русь умела принести ради сохранения своего самостоятельного бытия»⁴. По словам Ю. Ф. Самарина, слушавшего лекции Погодина в середине 1830-х гг., «мы чувствовали в нём самостоятельное направление мысли, направление, согретое глубоким сочувствием к русской жизни … мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то чуждые другим народам начала; по иным, ещё не определённым наукой законам совершается её развитие» [3].

В 1844 г. Погодин отказался от преподавания в университете в пользу «учебно-литературной деятельности» и работы в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, ординарным академиком которой он был с 1841 г.

Спустя время, в 1871 г., Совет Императорского Московского университета в связи с пятидесятилетием служебной и литературной деятельности Погодина удостоил его звания доктора русской истории и провёл в университете торжественное

⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1882. С. 241.

празднование погодинского юбилея. О высоком авторитете Погодина – учёного и общественного деятеля свидетельствует и тот факт, что в день его похорон 8 декабря 1875 г. Московский университет на один день прекратил учебные занятия, а Городская Дума отложила своё заседание.

«ЛЕКЦИИ ПО ГЕРЕНУ...»

Погодин был одним из первых, кто обратил внимание на важность преподавания политической истории. В традиции того времени под «политической» подразумевали всеобщую историю⁵, которую, в отсутствие учебных пособий, подготовленных русскими учёными, читали «по» трудам зарубежных авторов, прежде всего немецких и французских⁶. Не стал исключением и Погодин, подготовивший «Лекции по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» в двух частях, взяв за основу классическое сочинение профессора Гёттингенского университета Арнольда Германа Людвига Герена (1760–1842), появившееся на свет в 1793–1796 гг., а затем многократно переиздававшееся⁷.

Погодин начал с того, что в 1835 г. издал первую часть своих лекций «по Герену»⁸, затем в 1836 г. – сам труд Герена «Руко-

⁵ «Г. Кайданов назвал свою “Историю” политическою. У нас и это – достоинство, ибо “Историю” с таким содержанием обыкновенно называли всеобщею» (См.: М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 70).

⁶ В ноябре 1825 г. магистр Погодин с товарищами «по причине недостатка в книгах классических на русском языке по всем наукам» составил план работы «Общества для перевода книг при Московском университете», в который входили труды Герена, Добровского, Мальт-Брюна, Пёлица, Платона, Сея, Эйгорна и др. (План работы общества для перевода книг при Московском университете // РГБ. Ф. 231/1. К. 47. Ед. хр. 30. Л. 1–2. 4 нояб. 1825 г.).

⁷ Погодин использовал для подготовки своего курса лекций в Московском университете четвёртое издание этого труда, вышедшее в 1824–1826 гг. (См.: Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt / von A. H. L. Heeren. T. 1–2. Abt. 3. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1824–1826).

⁸ Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Часть первая. М.: Университетская типография, 1835.

водство к познанию древней политической истории» на русском языке⁹, а в начале 1837 г. – вторую часть лекций¹⁰.

Объясняя свой замысел, в предисловии к первой части книги, которую он посвятил «студентам Императорского Московского Университета», Погодин отмечает, что «для студентов вообще необходимы руководства, по коим они могли бы повторять выслушанные лекции, чтобы присвоить себе совершенно их содержание: записывая, они лишаются выгоды слышать живое слово, и принимать его впечатления прямо на душу, легко могут впадать в ошибки, и пропускать важное».

Эта необходимость нигде так не ощущительна, как у нас: наш студент, кроме лекций, не имеет возможности пользоваться никакими посторонними пособиями для науки, ибо учёная русская литература очень бедна, а иностранные книги дороги, редки и часто недоступны для него, по незнанию языков, на коих они писаны¹¹.

По его мнению, профессор, приступая к чтению нового курса, должен прежде всего подготовить и издать собственное «руководство», т. е. учебное пособие, по которому намеревается читать свои лекции. Но если лектор не может издать такое руководство, а работы иностранных авторов не совсем подходят в силу краткости или отсутствия на русском языке источников, которые в них излагаются¹², то лекции его должны пресле-

⁹ На титуле издания значилось «Руководство к познанию древней политической истории. Сочинение Герена. Перевёл с немецкого А. Кояндер, кандидат Московского университета. Издано профессором Погодиным. Москва: в Университетской типографии, 1836». На обложке же было указано: «Древняя история Герена. Перевод г. Кояндра. Издание профессора Погодина. Москва: в Университетской типографии, 1836». Такое небрежное отношение свидетельствует о том, что, как отмечал в предисловии к книге сам Погодин, «трудно, тяжело мне, одному, без всякой помощи и поддержки, предпринимать все эти издания...», впрочем, подобная небрежность была характерна не только для книг Погодина. А. Кояндер – по-видимому, один из студентов Погодина, который слушал его лекции и с отличием окончил Университет со степенью кандидата.

¹⁰ Вторая часть была подготовлена во второй половине 1835 г., поскольку в томе напечатано разрешение цензора М. Каченовского, датированное 22 ноября 1835 г. Дата выхода книги на титуле обозначена как 1836 г. Однако предисловие Погодина ко второй части датировано им 1 августа 1837 г., т. е. вторая часть была напечатана осенью 1837 г., вероятно, по готовому набору.

¹¹ Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связях и торговле главных народов древнего мира. Часть первая. М.: Университетская типография, 1835. С. I–II.

¹² «Сжатые положения (например, гереновы в его древней и новой истории), могут тогда только быть выразлены основательно и усвоены крепко, когда известны во всех подробностях частные быти (facta), коим они служат как бы итогами» (Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связях

довать не научные, а пропедевтические цели, ориентироваться не на нескольких лучших студентов, а на большинство, которое «и имеет право на главное внимание в публичном курсе». «Книга и лекция, – заключает Погодин, – две вещи разные: там имеешь в виду только науку, а здесь – науку и слушателей»¹³.

Тем не менее по задумке Погодина книга «по Герену» наряду с изданным им в 1836 г. переводом с французского сочинения Х. О. де Мишеля «Общая история Средневековья...» (1831)¹⁴ должна была стать одной из череды подобных пособий, включающей «извлечения» из трудов немецкого филолога Г. Ф. Крейцера «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810–1812), французского историка О. Тьери «История завоевания Англии норманнами» (1825), работ немецкого историка Античности Б. Г. Нибура, английского историка Э. Гиббона и др., а также собственное сочинение Погодина «о первом периоде Новой истории»¹⁵.

Нужно отметить, что у Погодина получился не просто академический конспект труда немецкого историка, а творческое переложение его идей на литературный русский язык, понятный студентам. «Изложение» Герена сопровождалось многочисленными собственными комментариями и соображениями Погодина. И это не случайно, так как труды Герена и их «жизнь в науке» были хорошо знакомы Погодину. Об этом свидетельствует тот факт, что «лекциям по Герену» 1836 г. предшествовало сочинение Погодина, на которое современные исследователи не обращают особого внимания. Речь идёт о большой погодинской рецензии 1827 г. в журнале «Московский Вестник» на «Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочинённое Профессором Кайдановым», третье издание которого вышло в 1826 г.¹⁶.

и торговле главных народов древнего мира. Часть первая. М.: Университетская типография, 1835. С. II).

¹³ Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Часть первая. М.: Университетская типография, 1835. С. II.

¹⁴ История средних веков. Сочинение Профессора Демишиеля. Перевод с французского, 4 издания. Издано Профессором Погодиным. Часть первая. М.: Университетская типография, 1836.

¹⁵ Как поясняет Погодин: «ибо я преподавал несколько лет этот предмет в отделении политических наук и имел случай перечесть много книг об нем» (См.: Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Часть первая. М.: Университетская типография, 1835. С. III).

¹⁶ Кайданов Иван Кузьмич (1780–1843) – русский педагог, историк, автор ряда

РЕЦЕНЗИИ НА РАБОТЫ И. К. КАЙДАНОВА

Рецензия Погодина отличалась глубиной и критическим настроем. Об этом свидетельствует её сравнение, например, с небольшой хвалебной заметкой Ф. Булгарина в «Северной пчеле»¹⁷. Именно эта рецензия демонстрирует последовательность Погодина-учёного, и в 27 лет, и в 36 лет сохранявшего твёрдое убеждение в важности преподавания политической истории и необходимости подготовки русскоязычных «учебных книг» для «российского юношества»¹⁸.

Приведём лишь несколько принципиальных положений Погодина, касающихся политической истории. Прежде всего, по Погодину, политическая история – это наука, «важнейшая в сфере человеческих знаний». От сочинителя политической истории требуется «сперва определить историю вообще и потом показать, какую часть её составляет история политическая»¹⁹. Содержание такой истории как науки составляют явления, подведённые под общие начала, «под непреложные законы, коими мир нравственный управляетя так же строго, как и мир

популярных учебников, преподаватель Императорского Александровского лицея, читавший лекции по истории Древнего мира А. С. Пушкин и другим лицеистам, на основе которых составил учебное пособие «Основание всеобщей политической истории. Часть I: Древняя история» (1814) и затем издал этот труд под названием «Руководство к познанию всеобщей политической истории: В 3 частях» (1821). Этот труд стал чрезвычайно популярным и переиздавался 13 раз. Погодин в «Московском Вестнике» не раз откликался на выход книг Кайданова. См., в частности: «Начертание Истории государства Российского, составленное профессором исторических наук... И. Кайдановым. СПб. в Тип. Мед. Деп. Мин. Вн. дел. 1829 в 8-ку, 469» (1830), «Извлечение из "Исторических лекций" профессора Кайданова» (1832).

¹⁷ См.: Ф. Б. [Фаддей Булгарин]. Руководство къ познанію Всеобщей Политической Исторії, сочиненное Профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Санктпетербургскаго Общества Любителей Словесности, Науки и Художествъ Дѣйствительнымъ Членомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. Третіе изданіе, исправленное и дополненное. Три части, С. П. б. 1826, въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, въ 8. Въ первой части стр. XVII, 218; во второй VII, 300. При каждой части хронологическая таблица [Электронный ресурс] // Северная пчела. 1826. №105. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_1826_kaydanov_olderfo.shtml (дата обращения: 23.04.2025).

¹⁸ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 49.

¹⁹ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 49.

физический»²⁰, и выстроенные в определённом порядке в соответствии с критериями («меркой достопамятности»), по которым мы ценим явления и судим о них²¹.

Критикуя Кайданова, который описывает политическую историю так, что у читателя возникает уверенность, что «общей политической истории не существует в сфере наук, а есть только частные», Погодин уточняет тезис о том, что именно из частных историй составляется общая: «Я согласен – но как составляется общая? Не приставлением одной частной к другой частной, как предполагается определениями г. Кайданова и всею его книгою, но извлечением из всех частных – существенного, всем свойственного, и представлением оного в систематическом целом, о котором у него и намёку нет»²².

Погодин отмечает, что история разделяется на естественную и человеческую: «Предмет первой – природа (необходимое, вещественное); предмет второй – человек (свободное, духовное). – Человеческая история также разделяется – на политическую, религиозную, смотря по тому, с какой точки зрения будем мы смотреть на действия человека, в отношении ли его к государству (внешние действия), – или к Богу (внутренние действия) и т. д.»²³.

Чтобы избежать смешения существенного со случайным, важного с неважным, хорошего с дурным – в описании (все) общей политической истории нужно не составлять мозаики политических историй отдельных стран и народов, а попытаться извлечь из всех этих частных историй существенное, всем свойственное, и представить его в систематическом целом²⁴.

Определяя предмет политической истории, Погодин вслед за Гереном считает, что она «повествует о судьбе государств со стороны их внутренних и внешних отношений»²⁵.

²⁰ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 50–51.

²¹ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 51.

²² М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 54.

²³ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 52.

²⁴ Там же..

²⁵ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической

Истории каждого конкретного государства должно предшествовать географическое описание его местоположения, так как природные особенности (как и климат) имеют «непосредственное и великое влияние на образ правления в оном, религию и проч.»²⁶. Всеобщая политическая история прежде всего должна излагать «происхождение обществ», «происхождение образов правления, монархического и республиканского, происхождение званий»²⁷, давать объяснение «многих общих явлений политических», например, переселения народов, преимущества духовной власти над светскою, рыцарства и т. д. Частная политическая история должна показать характерные черты конкретных народов и государств, чем «в политическом отношении одно государство отличалось от другого», и объяснить причины этих отличий²⁸.

Чуть позже, в 1832 г., Погодин ещё раз вернётся к теме политической истории в короткой заметке «Извлечение из исторических лекций профессора Кайданова»²⁹. Она была размещена в приложении к известному журналу Н. И. Надеждина «Телескоп» – газете «Молва» в разделе «Русская библиография». Здесь, приводя несколько, на его взгляд, самых значительных положений Кайданова, Погодин выдвигает два тезиса, которые характеризуют его собственное понимание политической истории. Во-первых, он заявляет о том, что «история, наука, не судит о лицах; к её области принадлежат их действия или даже действия их действий; не дробные слагаемые, а итоги, которые в свою очередь делаются новыми слагаемыми при высших исчислениях; не люди порознь, а род человеческий, в коем добро со злом уравновешивается, как оксиген с азотом, есть предмет её занятия. Частное принадлежит биографии, роману, ежедневно-

²⁶ Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 55.

²⁷ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 57.

²⁸ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 58.

²⁹ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 59.

²⁹ Речь идёт о книге: Извлечение из рукописных исторических лекций И. Кайданова. СПб.: у книгопродавца Ивана Сленина, 1832.

му разговору»³⁰. Во-вторых, соглашаясь с делением истории на древнюю (языческую) и новую (христианскую), Погодин считает необходимым в христианской истории «поставить разделение на среднюю и новую, особенно если мы станем смотреть с политической точки зрения. Сии две эпохи существенно между собою различаются не по одному времени: как в первую государства устраивались порознь, долго, так во вторую они начали составлять одно живое целое, и отсюда новые несчётные последствия для всего человеческого рода»³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно утверждать, что, обращаясь к работам Кайданова, Погодин в его лице приветствует усилия отечественных учёных и педагогов по подготовке учебников и пособий – «правильно по-русски, в прекрасном духе преданности к Богу, государю и отечеству, с чистою нравственною целию», считая такую работу «при жалком недостатке нашем в учебных пособиях» не только нужной, но и полезной³². Авторы таких учебных пособий имеют «полное право на благодарность своих учеников – и читателей»³³.

Именно эти принципы спустя годы Погодин воплотил в своих «лекциях по Герену» о политике, связи и торговле древних народов мира, внеся серьёзный вклад в развитие университетского образования и науки в России в то время, когда они переходили на русский язык и обозначилась насущная нужда в учебной и научной литературе на родном языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. Очерки истории русского хранительства. Ч. I. М.: Издательство Московского университета, 2021. 352 с.

³⁰ М. П. [Погодин М. П.]. Извлечение из Исторических Лекций Профессора Кайданова. СПб. 1832. 126 (8) // Молва. 1832. 16 февр. С. 54.

³¹ Там же..

³² М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 70.

³³ М. П. [Погодин М. П.]. Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Профессором Кайдановым. Третье изд., испр. и доп. СПб., 1826. Ч. 1–3 // Московский Вестник. 1827. №21. С. 55.

2. Русский вопрос в истории политики и мысли: антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца // Тетради по консерватизму. 2015. №2. С. 175–207.
3. Самарин Ю. Ф. Из воспоминаний об университете (1834–1838) // 1840–1876: Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / сост. Т. А. Медовичева. М.: Терра, 1997. С. 141–142.
4. «Требуем более мудрости хранительной»: портреты русских консерваторов XIX века. М.: Квадрига, 2023. 251 с.
5. Ширинянц А. А. «Теоретик официальной народности»: М. П. Погодин и триединая формула С. С. Уварова // Тетради по консерватизму. 2018. №1. С. 219–232.

ARTICLE INFORMATION

Alexandr A. Shirinyants

- e-mail: jants@yandex.ru,
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Departmental Head,
Department of History of Socio-Political Doctrines,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Anastasia A. Beresnevich

- Student, Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Shirinyants, A. A., Beresnevich, A. A. (2025). M. P. Pogodin's Work on Teaching Political History at The Imperial Moscow University. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. The contribution of the outstanding Russian historian, political publicist, and public figure Mikhail Petrovich Pogodin (1800–1875) to university education, as well as to the formation of methods and methodology for teaching historical disciplines is outlined.

Methodology. M. P. Pogodin's little-known textbook, "Lectures on Guerin's Theory of Politics, Communication, and Trade of the Main Peoples of the Ancient World," as well as reviews of history textbooks by I. K. Kaidanov (1780–1843) are analyzed in this study.

Results. It is demonstrated that M. P. Pogodin was among the first to emphasize the importance of teaching political history and the need to provide the educational process with educational and scientific literature in the native language. M. P. Pogodin had both urged his colleagues to create textbooks and manuals prepared "correctly in Russian, in the wonderful spiritual devotion to God, the Tsar, and the Fatherland, with a pure moral purpose," and himself made great efforts in this regard, earning "the gratitude of his students and readers."

Research implications. The facts presented in this article contribute to the development of the history of historical and political science in Russia. The conclusions and results of the study can be used in the creation of scholarly articles and monographs on the history of social and political thought in Russia, as well as in the educational process.

Keywords

M. P. Pogodin, A. G. L. Geren, I. K. Kaidanov, Imperial Moscow University, political history

References

1. Perevezentsev, S. V. & Shirinyants, A. A. (2021). *Essays on the History of Russian Conservatism. Pt. I.* Moscow: Moskovskii universitet publ. (in Russ.).
2. Shutov, A. Yu. & Shirinyants, A. A., eds. (2015). The Russian Question in Political History and Thought. In: *Notebooks on Conservatism, 2, 175–207* (in Russ.).
3. Samarin, Yu. F. (1997). From the Memories of the University (1834–1838). In: Medovicheva T. A., ed. *1840–1876: Yu. F. Samarin. Articles. Memories. Letters.* Moscow: Terra publ., pp. 141–142 (in Russ.).
4. "We Demand More Conservative Wisdom": Portraits of Russian Conservatives of the 19th Century (2023). Moscow: Kvadriga publ. (in Russ.).
5. Shirinyants, A. A. (2018). "Theorist of the Official Nationality": M. P. Pogodin and the Triune Formula of S. S. Uvarov. In: *Notebooks on Conservatism, 1, 219–232* (in Russ.).

«ОБРАЗ МИРА», «ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО МИРА» И «МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МИРА» В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Альперович Валерия Дмитриевна

- e-mail: alper@sfedu.ru;
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной
психологии Академии психологии и педагогики,
Южный федеральный университет
344038, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пр-т им. Михаила
Нагибина, д. 13, Российская Федерация

Для цитирования

Альперович В. Д. «Образ мира», «образ социального мира» и «модель социального мира» в российской психологии // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 02.09.2025
- Статья размещена на сайте 11.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Подходы к феномену «образ мира» в российской психологии

Индивидуальный «образ мира» в российских психологических
исследованиях

«Образ социального мира» в психологии социального познания

Российская концепция «образа социального мира»

«Модель социального мира» в психологии социального познания

Социально-психологические характеристики «модели социального мира»

Заключение

Литература Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение теоретико-методологических оснований введения термина «модель социального мира» в российскую психологию социального познания.

Процедура и методы. Проведён сравнительный теоретический анализ подходов к исследованию и трактовок терминов «образ мира», «образ социального мира» и «модель социального мира».

Результаты. Сделаны выводы, что в качестве теоретико-методологических оснований описания субъективной «модели социального мира» могут выступать нарративный подход и теория социальных представлений. Предложена авторская трактовка «модели социального мира».

Теоретическая и/или практическая значимость. Показано, что в ситуации социальной неопределенности, транзитивности (пандемия коронавируса, локальные военные конфликты и т. п.) концепция «модели социального мира» обладает более выраженным эвристическим и диагностическим потенциалом по сравнению с традиционными концепциями «образа мира» и «образа социального мира».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«модель социального мира», нарратив, «образ мира», социальные представления, «образ социального мира»

ВВЕДЕНИЕ

Представления субъекта об окружающем мире, обозначаемые в психологии понятиями «образ мира», «картина мира», «модель мира», в системе «личность – группа – общество» постоянно влияют на его коммуникативные стратегии, паттерны взаимодействия с другими людьми, аккумулируя индивидуальный и социальный опыт.

Различные исследователи пришли к выводам, что индивидуальный «образ мира» в контексте процессов цифровизации и глобализации, создаваемых и переживаемых человечеством, становится всё более и более изменчивым, вариативным [4; 16;

24; 25]. Так, Т. П. Скрипкина указывает, что «современное российское общество имеет транзитивно-турбулентные особенности, что порождает большое количество социально-психологических проблем, таких как неопределенность, сложность, многозадачность, разнообразие и др.» [25, с. 785]. В понимании автора «транзит всегда порождает огромное количество противоречий и соревновательности в социальном пространстве, что вынуждает его переструктурировать устоявшиеся картины мира и формировать новые идентичности. В социальной среде меняется очень многое: система отношений, ведущие ценности, паттерны поведения, особенности коммуникации, оценка поступков и т. д.» [24, с. 29]. По мнению О. А. Анисимовой и А. Ю. Роговца, «происходящие изменения предъявляют новые требования к личности человека, что подразумевает постоянное движение к новым формам взаимодействия и существования в изменяющейся «картине мира» [4, с. 28].

В данной статье сделана попытка обосновать введение термина «модель социального мира» в российскую психологию социального познания. С одной стороны, в ситуации стабильной транзитивности, включающей пандемию коронавируса, локальные военные конфликты, появление искусственного интеллекта и т. д., отмечается рост исследований, посвящённых содержанию и изменениям «образа» мира, а также «образа социального мира». В то же время в социальной психологии фактически не разработаны подходы к эмпирическому изучению интегративного понятия, обозначающего процессы и продукты социального познания личности, в частности «образа социального мира». По мнению автора, термины «образ мира» и «образ социального мира» могут «коллекционировать» обширный диапазон динамичных образов, который затрудняет их определение, операционализацию. Понятие «модель социального мира» предполагает фиксацию существенных взаимосвязей, характеристик взаимодействия субъектов и объектов в социальном мире, окружающем субъекта.

Цель авторского исследования заключалась в определении теоретико-методологических оснований введения термина «модель социального мира» в отечественную психологию социального познания. Предметом исследования выступил сравнительный анализ российских психологических концепций «образа мира» и «образа социального мира». Задача исследования заключалась в том, чтобы рассмотреть отличия

термина «модель социального мира» в контексте механизмов и инструментов психологии социального познания. В качестве метода исследования применён сравнительный теоретический анализ подходов к исследованию и трактовок терминов «образ социального мира», «модель социального мира» и «образ мира».

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ «ОБРАЗ МИРА» В РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В современной российской психологии развиваются различные подходы к исследованию феномена «образ мира», понятие которого было введено А. Н. Леонтьевым [14; 15] с целью интегрировать индивидуальные познавательные процессы и их продукты, акцентировать их деятельностную природу. Разработаны содержание и структура «образа мира». В пространстве данных исследований наиболее широко представлены деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов) и психосемантический подход (В. П. Серкин). В контексте психосемантического подхода В. П. Серкин трактует «образ мира» в качестве интегральной индивидуальной системы значений, связанной с мотивами и включающей три «слоя»: образы восприятия (перцептивный «слой»), систему отношений (семантический «слой», «картину мира») и ценностно-смысловую систему (наиболее глубинный «ядерный» «слой», который А. Н. Леонтьев называл «амодальными» структурами) [23]. Положения о ценностно-смысловой системе личности как о «ядерных» компонентах индивидуального «образа мира», сформулированные Д. А. Леонтьевым, легли в основу его авторской методики «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО). С позиций психосемантического и деятельностного подходов в ситуации нестабильности адаптация субъекта осуществляется посредством относительно быстрой динамики «перцептивного» «слоя» его «образа мира» и некоторых изменений его семантического «слоя» («картины мира», системы отношений). С. Д. Смирнов акцентировал внимание на том, что субъект формирует «наивные» когнитивные гипотезы о происходящем в окружающем мире, которые формируются и проверяются посредством индивидуального «образа мира». «Образ мира», регулируя деятельность субъекта, участвует в контроле неопределенности окружающего мира [26; 27]. В концепции В. П. Серкина, развитой и другими

авторами, изменения среднего и глубинного «слоёв» «образа мира» обусловливают экстремальные ситуации [10; 22; 23].

В контексте психосемантического подхода постулируется относительная стабильность «образа мира», связанная с его функциями: он обеспечивает переживание субъективного благополучия и поддержку «Я-концепции». Трансформации «образа мира» «запускаются» психотравмирующими, экстремальными ситуациями.

Сквозь призму психолингвистического подхода (А. А. Леонтьев, Г. А. Берулава, Л. Б. Шнейдер) «образ мира» рассматривается в качестве знаково-символической формы, интегрирующей представления о мире [7; 13; 32]. Эта форма отражается в понятийных структурах (сценариях, скриптах и фреймах). «Образ мира», вариативный для субъекта, является общим для членов социальной группы, обусловленным её языком. «Образ мира», имея визуальные презентации, функционирует в коммуникации в системах универсальных понятий и бинарных смысловых оппозиций, которые связаны между собой.

В актуальных российских исследованиях, выполненных в условиях социальной транзитивности, сделаны выводы, что «образ мира», включающий представления о противоречиях и непредсказуемости изменений в окружающем мире, цифровизируется и виртуализируется. Например, М. А. Фризен, Ю. Ю. Неяскина и др. показывают, как в контексте транзитивности современной социальной ситуации личность конструирует её «образ мира» и образ жизни в экстремальных условиях жизнедеятельности [30]. Различные авторы отмечают, что «образ мира» студентов включает постоянное применение инновационных технологий [4; 17]. В эмпирическом исследовании Н. В. Амосова установлено, что принятие решений и оценка игровых ситуаций субъектом как игроком в компьютерные игры находятся под влиянием его «образа мира» [1]. За последние пять лет в русле психосемантического подхода также разработана процессуальная теоретико-эмпирическая модель «образа мира» (А. И. Кононова, С. Н. Костромина), основанная на исследованиях В. П. Серкина [10].

Социальные пертурбации, происходящие в течение последнего десятилетия (пандемия коронавируса, локальные военные конфликты, появление искусственного интеллекта и т. д.), способствовали развитию новых российских психологических подходов к «образу мира». М. С. Яницкий и А. В. Серый разрабо-

тали функциональный подход к «образу мира», рассмотрев его адаптивную роль для личности [31]. Авторы, проведя эмпирические исследования, установили хронотопические (пространственно-временные) и ценностно-смысловые характеристики индивидуального «образа мира», который может меняться в периоды социальных перемен и кризисов (в т. ч. под влиянием пандемии COVID-19). В русле когнитивно-психологического подхода «образ мира» рассматривается как система субъективных представлений [5; 28; 29]. Е. Е. Сапогова, соединив в её экзистенциально-психологическом подходе психосемантический и нарративный подходы, указывает, что «образ мира», отражая индивидуальный экзистенциальный опыт, придаёт ему вербальное воплощение [21].

В работах отечественных авторов, посвящённых анализу феномена «образ мира» в контексте различных подходов, подведены следующие итоги. «Образ мира», выступая интегратором процессов и продуктов восприятия субъектом окружающего мира, представлений о нём, основан на системе его жизненных смыслов и ценностей, обусловливает его поведенческие стратегии. «Образ мира», презентуемый вербально, обладает побудительной, интерпретативной, ориентировочной и прогностической функциями, является одновременно продуктом субъективного познания и его предиктором.

РОССИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО МИРА»

В отечественной психологии социального познания термин «образ социального мира» был предложен и разработан Г. М. Андреевой. «Образ социального мира» представляет собой интегрирующую когнитивную систему, основанную на социальном сравнении, социальной категоризации, состоящую из образов социальной ситуации, временных периодов, других людей и «Я». Данная система опосредствует социальные суждения и социальное поведение личности. По мнению Г. М. Андреевой, изучение «образа социального мира» составляет основную задачу зарубежной и российской психологии социального познания: «Исходный пункт психологии социального познания – анализ того, как строит образ социального мира не исследователь, а рядовой человек, движимый потребностями своего собственного опыта» [2, с. 32]. Г. М. Андреева указывала,

что «итогом осмысления человеком окружающих его социальных объектов и ситуаций является построение целостного образа социального мира» [3, с. 99].

С точки зрения Г. М. Андреевой, формирование новых объектов, феноменов и условий жизнедеятельности в окружающем мире обеспечивает динамику процессов социального познания. Последняя, в свою очередь, обуславливает трансформацию «образа социального мира», поскольку он реализует функции ориентировки в происходящем, его интерпретации. В этой связи, по мнению Г. М. Андреевой и Е. П. Белинской, социально-экономическая и политическая нестабильность выступают предикторами динамики «образа социального мира» [2; 6].

Прежде всего, в понимании Г. М. Андреевой, «образ социального мира» обусловлен лингвистически: «Различное видение мира осуществляется прежде всего именно через посредство употребляемого языка ... Строя образ того или иного социального объекта, индивид обязательно называет его, т. е. так или иначе использует уже существующую систему значений» [2, с. 34]. По мнению автора, в этой связи в социальной ситуации транзитивности социальные представления о значимых для группы феноменах окружающего мира и система социальных идентичностей в контексте социального познания могут выступать теоретико-методологической основой анализа «образа социального мира» субъекта. Вслед за Г. М. Андреевой, данные положения также развивает Е. М. Корж, апеллируя к концепции социальных представлений [11].

В течение последнего десятилетия взгляды Г. М. Андреевой развиваются в исследованиях «образа социального мира» в российской психологии. Р. В. Овчарова сделала выводы, что «образ социального мира – это образ социальных объектов и явлений, представленных, прежде всего, образами себя и других людей ... Это понятие подчёркивает целостный характер отношения человека к социальному аспекту жизненного мира» [18, с. 151]. Р. В. Овчарова и И. А. Николаева рассматривали различные виды отношений личности к другим людям, составляющие систему, в качестве структуры феномена «образ социального мира» [19; 20]. По мнению Р. В. Овчаровой, «образ социального мира» отражает социальную ситуацию развития личности. Последняя конструируется, презентуется и апробируется в «образе социального мира» [18].

В современных условиях перманентной социальной транзитивности «образ социального мира» формируется и дифференцируется под влиянием социальных институтов, которые подвергаются различным трансформациям. Субъективный «образ мира» объективируется в интернет-коммуникации, в частности, в социальных сетях [8; 9; 12]. Так, А. В. Егорова отмечает влияние информационной социализации на «образ мира», в котором «слиты» образы виртуальной и окружающей реальности [9]. С точки зрения автора, по мере развития личности это приводит к изменению процессов конструирования «виртуальных», сетевых, и реальных идентичностей, категоризации информации и, следовательно, к тому, что «образ мира» в подростковом сознании также становится «клиповым», фрагментарным.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА»

Понятие «модель социального мира» по сравнению с «образом социального мира», разработанным Г. М. Андреевой, предполагает эффективную операционализацию, позволяя уточнить предметное поле исследований, поскольку подразумевает выделение субъектом основных характеристик общества и функционирования различных значимых социальных объектов и субъектов.

Мы понимаем «модель социального мира» как комплексы субъективных убеждений о доминирующих особенностях взаимодействия и функционирования различных значимых социальных объектов и других субъектов (индивидуов, малых и больших групп), их взаимосвязях. Данные комплексы объективируются в усвоенных социальных представлениях как наборах ментальных репрезентаций и воплощаются в коммуникации в интерпретативных репертуарах в качестве эмоционально насыщенных вербальных оценочных характеристик, приписываемых партнёрам по общению и другим социальным группам. Индивидуальную «модель социального мира», воплощённую в дифференцированных «образах социального мира», составляют представления субъекта о взаимосвязях и доминирующих особенностях функционирования и взаимодействия иных социальных субъектов и явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты теоретического исследования свидетельствуют об отличиях содержания термина ««модель социального мира» в контексте механизмов и инструментов психологии социального познания. В проблемном «поле» исследований «образа мира» и «образа социального мира», приведённых выше, с нашей точки зрения, можно обнаружить некоторые противоречия. «Образ мира» и «образ социального мира» как психологические феномены социально детерминированы, имеют языковую обусловленность и взаимосвязи с образами иных субъектов и групп. Тем не менее недостаточно учитываются и почти не изучаются эмпирически механизмы функционирования и динамика субъективных представлений о мире в связи с представлениями о других людях в речевых конструкциях, в процессах повседневной коммуникации. Вторая проблема состоит в том, что в исследованиях «образа мира» и «образа социального мира» не акцентировано изучение сущностных характеристик окружающего мира в индивидуальном восприятии.

В целом, на наш взгляд, в условиях современной социальной ситуации «текучей» и стабильной транзитивности, особенности которой были выявлены многими исследователями, введение понятия «модель социального мира» в контексте психологии социального познания может способствовать решению этих проблем.

Теоретико-методологической базой анализа индивидуальной «модели социального мира» в соответствии с концепцией «образа социального мира», разработанной Г. М. Андреевой, могут выступать социальные представления об окружающем мире, выраженные в нарративах. В отличие от деятельностного и психосемантического подходов, российская концепция социальных представлений, восходящая к французской теории социальных представлений, позволяет рассматривать изменчивый «образ мира», объективируемый в языковых конструкциях и речевых формах, перманентно поддерживаемых в повседневной коммуникации. Социальные представления о «мире», включающие «ядерные» и «периферийные» элементы, составляют «образ мира».

Теоретическая и / или практическая значимость исследования заключается в следующем. Предложена авторская трактовка термина «модель социального мира». В ситуации

социальной транзитивности концепция «модели социального мира» обладает более выраженным эвристическим и диагностическим потенциалом по сравнению с традиционными концепциями «модели мира», «образа мира» и «образа социального мира», позволяя изучать основные конструкты в представлениях субъекта об окружающем мире и других людях в процессах обыденного общения.

Дальнейшие эмпирические исследования могут быть посвящены содержанию, структуре и изменчивости индивидуальной «модели социального мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосов Н. В. Особенности взаимодействия языка компьютерной игры и образа мира играющего // Мир науки, культуры, образования. 2024. №3. С.494 –497.
2. Андреева Г. М. Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии. 2003. №4. С. 31–41.
3. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
4. Анисимова О. А., Роговец А. Ю. Образ мира студенческой молодёжи // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник научных трудов: материалы III Ежегодной Международной научно-практической конференции, Всероссийского круглого стола и Всероссийских научно-практических конференций. М., 2024. С. 28–32.
5. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивный образ мира. М.: Канон+, 2010. 224 с.
6. Белинская Е. П. Взаимосвязь ценностных ориентаций и образа социального мира // Мир психологии. 2004. №3. С. 97–102.
7. Берулава Г. А. Образ мира как мифологический символ. М.: Педагогическое сообщество России, 2001. 46 с.
8. Бусыгина Н. Р., Аблов О. И. Социальные сети в образе мира современной молодежи // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2019. С. 85–88.
9. Егорова А. В. Роль компонентов образа реального и виртуального мира в формировании индивидуальных различий в подростковой агрессии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. №205.

- С. 229–244.
10. Кононова А. И., Костромина С. Н. Теоретические основания процессуальной модели образа мира личности // Национальный психологический журнал. 2023. №2. С. 14–28.
 11. Корж Е. М. Образ отдельных элементов социального мира в представлениях молодежи // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2010. №1. С. 63–73.
 12. Ларионова В. В. «Образ мира» личности, группы, социума в период социальной нестабильности // Язык и личность в полидисциплинарной перспективе: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 16–17 декабря 2022 г.) / под ред. С. В. Мыскина. М.: Агентство социально-гуманитарных технологий, 2022. С. 146–148.
 13. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
 14. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
 15. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1979. №2. С. 3–14.
 16. Марцинковская Т. Д., Соловьевников В. В., Карпук В. А. Образ Я и Образ мира: варианты сочетания в современной субкультуре // Вестник Российской государственной гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. №2. С. 24–36.
 17. Мыскин С. В., Макеева Г. А. Модель формирования профессионального образа мира у студентов педагогических колледжей // Наука и школа. 2025. №3. С. 109–120.
 18. Овчарова Р. В. Исследование субъективных аспектов образа социального мира вузовской молодежи // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №6. С. 150–156.
 19. Овчарова Р. В., Николаева И. А. Субъективный образ социального мира учащейся молодежи: монография. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2022. 184 с.
 20. Овчарова Р. В., Николаева И. А., Малюшина Ю. А. «Идеальное – антиидеальное» в субъективном образе социального мира студентов // Общество: социология, psychology, педагогика. 2021. №6. С. 61–66.
 21. Сапогова Е. Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. №73. С. 40–59.

22. Серкин В. П. Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. №3. С. 174–183.
23. Серкин В. П. Структура и функции образа мира в практической деятельности: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2005. 48 с.
24. Скрипкина Т. П. Актуальные социально-психологические проблемы современного российского общества // Человек и общество в современном киберпространстве: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. М.: Издательство Государственного университета управления, 2023. С. 28–33.
25. Скрипкина Т. П. Социально-психологические проблемы современного общества и образования в социокультурном измерении // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань: Издательство Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 785–791.
26. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1981. №2. С. 15–29.
27. Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. №5. С. 5–13.
28. Степашкина В. А. Соотношение концептов «ментальная репрезентация» и «образ мира» в психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №12. С. 86–88.
29. Турчин А. С. Образ мира личности и методологические основания его репрезентации // Методология современной психологии. 2023. №18. С. 402–408.
30. Фризен М. А., Неяскина Ю. Ю., Водинчар Е. А., и др. Образ мира и образ жизни в сложных условиях жизнедеятельности // Психологическое пространство человека в условиях трансформации мира: материалы I Международной научно-практической конференции. Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2025. С. 292–298.
31. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19 / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун, Р. О. Балабашук // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. №2. С. 466–476.
32. Шнейдер Л. Б. Отражение русской ментальности в восприятии образа мира // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. №4. С. 20–29.

ARTICLE INFORMATION

Author

Valeriya D. Alperovich

- e-mail: alper@sfedu.ru,
Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof, Assoc. Prof., Department of Social Psychology, Academy of Psychology and of Pedagogic Southern Federal University
prosp. im. Mikhail Nagibin 13, Rostov Region, Rostov-on-Don 344038, Russian Federation

For citation

Alperovich, V. D. (2025). The "World' Image", the "Social World' Image", and the "Social World' Model" In Russian Psychology. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To determine the theoretical and methodological foundations for the introduction of the term "social world' model" into the Russian psychology of social cognition.

Methodology. Comparative theoretical analysis of approaches to research and interpretations of the terms "social world' image", "world' image", and "social world' model".

Results. The authors conclude that the narrative approach and the theory of social representations can serve as theoretical and methodological foundations for describing the subjective "social world' model." The author's interpretation of the "social world' model" is proposed.

Research implications. It has been shown that in situations of social uncertainty and transitivity (such as the coronavirus pandemic, local military conflicts, etc.), the concept of the "social world' model" has a significant heuristic and diagnostic potential compared to the traditional concepts of the "world' image", and "social world' image".

Keywords

"social world' model", narrative, "world' image", social representations, "social world' image"

References

1. Amosov, N. V. (2024). Characteristics of the Interaction between the Computer Game Language and the Player's Image of the World. In: *The World of Science, Culture, and Education*, 3, 494–497 (in Russ.).
2. Andreeva, G. M. (2023). The Image of the World in the Structure of Social Cognition. In: *World of Psychology*, 4, 31–41 (in Russ.).
3. Andreeva, G. M. (2000). *Psychology of Social Cognition*. Moscow: Aspect Press publ. (in Russ.).
4. Anisimov, O. A. & Rogovets, A. Yu. (2024). The Image of the World of Student Youth. In: *Actual Problems of Contemporary Russia: Psychology, Pedagogy, Economics, Management, and Law. Collection of Scientific Papers: Proceedings of the III Annual International Scientific and Practical Conference, All-Russian Round Table, and All-Russian Scientific and Practical Conferences*. Moscow, pp. 28–32 (in Russ.).
5. Baksansky, O. E. & Kucher, E. N. (2010). *The Cognitive Image of the World*. Moscow: Canon+ publ. (in Russ.).
6. Belinskaya, E. P. (2004). The Relationship between Value Orientations and the Image of the Social World. In: *World of Psychology*, 3, 97–102 (in Russ.).
7. Berulava, G. A. (2001). *The Image of the World as a Mythological Symbol*. Moscow: Pedagogical Community of Russia publ. (in Russ.).
8. Busygina, N. R. & Ablov, O. I. (2019). Social Networks in the World Image of Modern Youth. In: *Digital Society in the Cultural-Historical Paradigm*. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ., pp. 85–88 (in Russ.).
9. Egorova, A. V. (2022). The Role of Components of the Image of the Real and Virtual World in the Formation of Individual Differences in Adolescent Aggression. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 205, 229–244 (in Russ.).
10. Kononova, A. I. & Kostromina, S. N. (2023). Theoretical Foundations of the Process Model of the Personal World Image. In: *National Psychological Journal*, 2, 14–28 (in Russ.).
11. Korzh, E. M. (2010). The Image of Individual Elements of the Social World in the Perceptions of Young People. In: *Modern Social Psychology: Theoretical Approaches and Applied Research*, 1, 63–73 (in Russ.).
12. Larionova, V. V. (2022). The World Image of an Individual, Group, or Society in a Period of Social Instability. In: *Language and Personality in a Multidisciplinary Perspective: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 16–17, 2022)*. Moscow: Agency for Social and Humanitarian Technologies, LLC publ., pp. 146–148 (in Russ.).

13. Leontiev, A. A. (1997). *Fundamentals of Psycholinguistics*. Moscow: Smysl publ. (in Russ.).
14. Leontiev, A. N. (1983). The World Image. In: *Selected Psychological Works. Vol. II*. Moscow: Pedagogy publ., pp. 251–261 (in Russ.).
15. Leontiev, A. N. (1979). Psychology of Image. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 3–14 (in Russ.).
16. Martsinkovskaya, T. D., Solodovnikov, V. V. & Karpuk, V. A. (2019). Self-Image and World Image: Combination Variants in Modern Subculture. In: *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, 2, 24–36 (in Russ.).
17. Myskin, S. V. & Makeeva, G. A. (2025). A Model for Forming a Professional World Image in Students of Pedagogical Colleges. In: *Science and School*, 3, 109–120 (in Russ.).
18. Ovcharova, R. V. (2021). A Study of Subjective Aspects of the Image of the Social World of University Young People. In: *International Research Journal*, 6, 150–156 (in Russ.).
19. Ovcharova, R. V. & Nikolaeva, I. A. (2022). *Subjective Image of the Social World of Student Youth*. Kurgan: Kurgan State University publ. (in Russ.).
20. Ovcharova, R. V., Nikolaeva, I. A. & Malyushina, Yu. A. (2021). "Ideal – Anti-Ideal" in the Subjective Image of the Social World of Students. In: *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 6, 61–66 (in Russ.).
21. Sapogova, E. E. (2019). The Structure of the Personal Thesaurus: An Existential-Psychological Approach. In: *Siberian Psychological Journal*, 73, 40–59 (in Russ.).
22. Serkin, V. P. (2016). Changing Ideas about Oneself, One's Worldview, and Lifestyle When Experiencing an Extreme Situation. In: *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 3, 174–183 (in Russ.).
23. Serkin, V. P. (2005). *The Structure and Functions of Worldview in Practical Activity*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
24. Skripkina, T. P. (2023). Actual Social Psychological Problems of Modern Russian Society. In: *Man and Society in Modern Cyberspace: collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference*. Moscow: State University of Management publ., pp. 28–33 (in Russ.).
25. Skripkina, T. P. (2024). Social Psychological Problems of Modern Society and Education in the Social Cultural Dimension. In: *Psychology of the 21st century: Challenges, Searches, Development Vectors: Collection of Materials of the V All-Russian Symposium (with International Participation) Dedicated to the 145th Anniversary of the Penal System and the 90th Anniversary of The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service*. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service publ., pp. 785–791 (in Russ.).

26. Smirnov, S. D. (1981). The World of Images and the Image of the World. In: *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 15–29 (in Russ.).
27. Smirnov, S. D. (2016). Prognostic Orientation of the World Image as a Basis for Dynamic Control of Uncertainty. In: *Psychological Journal*, 37 (5), 5–13 (in Russ.).
28. Stepashkina, V. A. (2016). Correlation of the Concepts the "Mental Representation" and the "Image of the World" in Psychology. In: *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 12, 86–88 (in Russ.).
29. Turchin, A. S. (2023). The World Image of a Person and Methodological Foundations of Its Representation. In: *Methodology of Modern Psychology*, 18, 402–408 (in Russ.).
30. Frizen, M. A., Neyaskina, Yu. Yu., Vodinchar, E. A. & et al. (2025). The World Image and Way of Life in Difficult Life Conditions. In: *Human Psychological Space in the Conditions of World Transformation: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ., pp. 292–298 (in Russ.).
31. Yanitsky, M. S., Sery, A. V., Braun, O. A. & Balabashchuk, R. O. (2021). Chronotopic Characteristics of the World Image in the Situation of the COVID-19 Pandemic. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 23 (2), 466–476 (in Russ.).
32. Schneider, L. B. (2022). Reflection of the Russian Mentality in the Perception of the Image of the World. In: *Theoretical and Practical Problems of Psychology*, 4, 20–29 (in Russ.).

РИСКИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сидячева Наталья Владимировна

- e-mail: sidna@bk.ru;
кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной и педагогической психологии факультета психологии; Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Коповой Андрей Сергеевич

- e-mail: mkrass@yandex.ru;
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной и педагогической психологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Сидячева Н. В., Коповой А. С. Риски интеграции технологий генеративного искусственного интеллекта в образовательное пространство // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 24.10.2025
- Статья размещена на сайте 24.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Благодарности](#)

[Введение](#)

[Характеристика поколений медиапотребителей](#)

[Влияние технологий ИИ на образование](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ рисков негативного влияния генеративного искусственного интеллекта на образование.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет изучение типов и стратегий медиапотребления представителями разных возрастных групп, являющимися участниками образовательных отношений.

Результаты. По итогам исследования определены различные типы медиапотребителей и дана характеристика степени их вовлечённости в информационное пространство.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется необходимостью изучения степени и характера влияния технологий генеративного искусственного интеллекта на современное образование с целью эффективного противодействия негативным проявлениям этого влияния.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

медиапотребление, искусственный интеллект, цифровизация образования

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» на тему НИР: «Коррекция и профилактика отклоняющегося поведения подростков в информационном пространстве посредством формирования культуры медиапотребления». Приказ от 30.06.2025 №1189.

ВВЕДЕНИЕ

Современное информационное пространство развивается экспансивно, стремительно, и часто научное сообщество не успевает реагировать на те изменения, которые происходят в его развитии, поэтому мы не можем прогнозировать возникающие риски и последствия, в первую очередь негативные.

Исследованием информатизации образования и интеграцией искусственного интеллекта (далее: ИИ) в образовательные технологии за рубежом занимаются: Кен Кёдингер (Ken

Koedinger) – соавтор теории «Примерного обучения» и создатель образовательных онлайн-платформ (Cognitive Tutor); Розмарии Лак (Rosemary Luckin) – исследует этические аспекты ИИ в образовании; Мими Рекер (Mimi Recker) – изучает масштабируемые образовательные технологии, адаптивное обучение и роль ИИ в поддержке учителей; Петер Джери (Peter Gerjets) – изучает когнитивную науку и ИИ, основанные на мультимедийном обучении и адаптивных системах; Хироши Шимодайра (Hiroshi Shimodaira) – исследует роль искусственного интеллекта в образовании [1; 2].

В отечественной науке вопросами информатизации и развитием технологий ИИ занимаются: А. А. Семёнов – один из основоположников изучения информатизации образования в России (занимается вопросами цифровой трансформации и роли ИИ); ряд отечественных исследователей программируемого обучения Д. А. Кравченко, И. А. Блескина, Е. Н. Каляева, Д. Ф. Аббакумов и др. [4; 7; 11].

Значительное влияние на внедрение технологий ИИ в образование, причём на всех уровнях, оказывают различные коммерческие организации как в России, так и за рубежом, мотивируя необходимость внедрения ИИ в образование потребностью в кадрах, обладающих соответствующими компетенциями, стремлением к оптимизации собственных расходов и сокращению издержек. Так, например, АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка» реализует онлайн-курс «Искусственный интеллект в образовании», различные курсы и образовательные программы по ИИ предлагают Yandex, РЖД, ВТБ и другие компании.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОКОЛЕНИЙ МЕДИАПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Стремительное развитие информационных технологий приобрело экспансивный характер, и уже сегодня мы наблюдаем сосуществование нескольких поколений медиапотребителей, т. е. людей, у которых выработаны те или иные специфические стратегии медиапотребления, поиска, обработки, хранения информации, использования современных информационных ресурсов в своей жизни для организации досуга, работы.

К первому поколению медиапотребителей относятся те люди, которые социализировались, достигли взрослости в период, когда информационное пространство с использованием

всевозможных технических средств ограничивалось телевидением с небольшим набором каналов, без возможности самостоятельного выбора телепередач и с ограниченным по времени вещанием.

Конечно, были традиционные источники информации: книги, журналы, газеты, радио. Но телевидение развивалось более динамично, чем традиционные источники. Таким образом, люди усваивали определённые социальные нормы, ценности непосредственно, взаимодействуя в первую очередь с другими людьми.

Второе поколение составляют люди, в раннем детстве которых информационные технологии начали стремительно развиваться, и фактически весь период их взросления прошёл в непосредственном взаимодействии с информационным пространством. В их жизни появились социальные сети как новые формы коммуникации.

Третье поколение медиапотребителей – это люди, социализация которых проходила в период, когда информационное пространство стало таким, каким мы знаем его сейчас, с незначительными отличиями. И в этом информационном пространстве уже были смартфоны, электронные энциклопедии и интернет, позволяющий приобщиться ко всему массиву знаний, накопленному человечеством до момента их рождения. Представители этого поколения появились одновременно с развитием технологий искусственного интеллекта. ИИ возник в жизни представителей всех трёх поколений медиапотребителей, но они его по-разному воспринимают, так как в момент появления данной технологии все они находились на разных возрастных этапах.

Если для представителей первого поколения ИИ – это в первую очередь инструмент, который позволяет получать, хранить и обрабатывать информацию, а информационные технологии – эффективный инструмент, выступающий помощником в создании чего-либо, в хранении и распространении знаний, то для представителей второго поколения информационные технологии и современное информационное пространство – это уже незаменимый инструмент, а не просто помощник.

Представители второго поколения медиапотребителей часто в принципе не могут создать какой-либо продукт или какое-либо знание без использования информационных технологий. Это поколение использует специфические формы обработки и

получения информации: ключевую роль стали играть наглядные формы отображения информации в виде презентации, инфографики, доступные способы подачи информации через краткое простое изложение смыслов. Третье поколение медиапотребителей – это люди, не просто использующие информационные технологии как обязательный инструмент, а делегирующие часть своих компетенций искусственному интеллекту, который создаёт что-либо за них.

В реальности подобные изменения во взаимодействии с информационным пространством меняют не только характер отношений между людьми и набор востребованных компетенций, но и отношение к основной для человека на том или ином этапе жизни деятельности. Например, студенты профессиональных образовательных организаций разных уровней, школьники в ходе обучения осваивали способы и приёмы обработки и представления информации: анализ, обобщение, систематизацию, реферирование, – которые позволяли успешно усваивать новые знания, формулировать и транслировать собственные суждения по итогам прочитанного.

Представители второго поколения уже были склонны к тому, чтобы найти какое-то готовое решение. Увеличение доли этого поколения в образовательных организациях совпало с возникновением различных сервисов по изготовлению письменных работ, выполнению домашних заданий и пр., и впоследствии мы столкнулись с массовым использованием искусственного интеллекта, который фактически заменил всё остальное. Сейчас мы видим, что значительная часть школьников, а эту долю мы на сегодняшний день не можем оценить, выполняют домашние задания, используя ИИ и не углубляясь в его содержание. IT-компании, представители академического сообщества, занимающиеся исследованием проблемы использования искусственного интеллекта в образовании, например компания «Антиплагиат», отмечают, что от 30 до 50% современных обучающихся используют искусственный интеллект в выполнении домашних самостоятельных работ.

Меняются профессии, меняется набор компетенций в профессиях. Специалист, который не прошёл всех этапов освоения профессии и не способен сам выполнять весь спектр профессиональных действий, полагаясь на искусственный интеллект, не может обеспечить достижение заранее прогнозируемого результата, так как часто не может оценить верность процес-

са. Это хорошо видно в тех ситуациях, когда искусственный интеллект используется, например, в программировании или при решении технических задач и в работе с текстом.

Часто выводы носят очень обобщённый характер, потому что всё-таки ИИ опирается на имеющийся доступный контент в первую очередь, и достоверность этого контента также может вызывать сомнения и нуждается в проверке. Соответственно, человек, использующий в своей профессиональной деятельности искусственный интеллект и не знающий, как решить профессиональную задачу самостоятельно, не может гарантировать достоверность полученных данных. Это на сегодняшний день достаточно большая проблема. А используя современные информационные технологии вообще, искусственный интеллект в частности в образовании, не контролируя, не ограничивая степени его применения, мы рискуем получить в будущем специалистов, которые будут неспособны самостоятельно решать профессиональные задачи в соответствии с их квалификацией. ИИ, безусловно, будет развиваться, он даёт экономические преимущества, преимущество в скорости производства того или иного продукта. Но, используя его, мы не должны забывать, что человек в первую очередь социален, и, помимо утраты компетенций, экспансивное внедрение в образование информационных технологий и искусственного интеллекта может привести к кардинальной трансформации пространства социального взаимодействия. Мы сейчас наблюдаем, как утрачиваются не только профессиональные, но и коммуникативные компетенции.

Уровень и критерии успешной социализации меняются, характер взаимодействия людей друг с другом трансформируется. Наиболее активное взаимодействие осуществляется в первую очередь через социальные сети и мессенджеры. Мы отмечаем, что у каждого современного человека по сравнению со сверстником 30–40-летней давности выросло количество контактов. Но глубина этих контактов стремительно сокращается, чаще эти контакты ограничиваются поверхностным взаимодействием. Среди этих контактов нет людей с общим мировоззрением, со значительным влиянием друг на друга, с формированием какой-то общей позиции, эмоциональной привязанности.

В современном российском образовании представители всех трёх поколений являются участниками образовательных

отношений. С одной стороны, это педагоги, с другой стороны, родители (законные представители) и обучающиеся. Соответственно, все они имеют разный уровень развития культуры медиапотребления, который характеризуется степенью эмоциональной вовлечённости в информационное пространство, разным уровнем развития навыков медиапотребления, уровнем критического отношения к потребляемой информации [8].

Часто эти различия обуславливают противоречия в потреблении и воспроизведстве той информации, которая является образовательно значимой.

Представители всех трёх поколений ориентируются на разные источники и, соответственно, имеют разную степень доверия к информации из этих источников. Обучающиеся часто чрезмерно доверяют информации из интернета и не обладают навыками, а иногда и желанием эту информацию перепроверять, устанавливать её достоверность.

К тому же в условиях экспансивно развивающегося информационного пространства зачастую сложно без соответствующего опыта установить достоверность той или иной информации.

То, каким станет образование через несколько лет, можно только прогнозировать, но вероятность этих прогнозов относительно невелика, так как стремительное развитие информационных технологий, в особенности в последнее время связанных с ИИ, плохо поддаётся прогнозированию.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ НА ОБРАЗОВАНИЕ

Однако большинство авторов, исследующих влияние информационных технологий на образование и в том числе влияние искусственного интеллекта, положительно оценивают этот процесс. Оптимизм в отношении массового использования ИИ в учебном процессе присущ не только отечественным авторам, но и зарубежным исследователям. Так, например, некоторые отмечают, что ИИ обладает огромным потенциалом для трансформации современного образования. Персонализация обучения, интеллектуальные обучающие системы, автоматизация рутинных задач и улучшение доступности образования – это лишь некоторые из перспективных направлений применения ИИ в образовательной сфере [1]. Внедрение ИИ, по мнению сторонников этой точки зрения, позволит открыть широкие воз-

можности для повышения эффективности образовательного процесса, изменить рынок труда, задавая новые стандарты высшей школе. В связи с этим первоочерёдной задачей являются разработка и применение образовательных технологий, которые позволят уйти от однообразия образовательной среды и обеспечить развитие личности обучающихся [5]. Однако для успешной интеграции ИИ в образование необходимо учитьвать вызовы и этические аспекты, связанные с данными, предвзятостью алгоритмов, ролью преподавателя и цифровым неравенством [1]. Есть и те исследователи, которые отмечают невозможность замены преподавателя и традиционного учебного процесса на ИИ и не разделяют мнения о необходимости тотальной информатизации [9]. Ряд авторов высказывает осторожное мнение о перспективах использования ИИ в учебном процессе и необходимости наблюдения за изменениями результатов обучения с применением технологий ИИ. В текущий момент технологии ИИ развиваются со значительной скоростью, но с ещё большей скоростью эти технологии применяются для решения прикладных и даже повседневных задач, в том числе и в обучении. Это создаёт для образовательного сообщества вызовы не только оптимального описания современных технологий, но и их непосредственного, причём эффективного, применения. А, как известно, использовать не проверенные временем технологии намного труднее, поскольку это влечёт за собой некоторые риски [3].

Педагоги, психологи, работающие с детьми дошкольного возраста и с детьми в начальной школе, отмечают стремительное изменение стратегий познания и характера социального взаимодействия. А дети дошкольного возраста и младшего школьного возраста – это студенты в перспективе 10–15 лет. Современные дошкольники – это часто дети, родители которых сами являются активными медиапотребителями. Снижается уровень эмоциональной связи с ребёнком у молодых родителей, для них важным становится мнение сообщества в социальных сетях, они стремятся к широкому освещению жизни ребёнка и к получению отклика в информационном пространстве. При этом интенсивность и качество общения молодых родителей со своими детьми кардинально отличается от некой нормы, считавшейся ранее принятой. Специалисты отмечают достаточно ощутимое увеличение числа детей с общим и тяжёлым недоразвитием речи при зачислении в первый класс общеобразовательной

школы. С каждым годом в мире возрастает количество детей с нарушениями речевого развития, в том числе с общим недоразвитием речи [2]. Возникают новые патологические состояния и психические расстройства: вся психическая деятельность человека основана на информации. Мысль, как и идея, – это информация. Как характер информации, так и её объём могут играть роль патогенного фактора, вызывающего не только психические расстройства, но и дисрегуляционную патологию эмоциональной, вегетативной и интегративных систем организма. Информационные неврозы – патологическое состояние организма, которое приводит к неблагоприятному влиянию на деятельность органов и систем. Основными причинами информационных неврозов являются информационные перегрузки. Ресурсы человеческого организма в целом и нервной системы небезграничны. Активное медиапотребление приводит к повышению эффективности поиска и обработки информации, однако информационный переизбыток оказывается негативно и на скорости обработки информации, и на качестве этого процесса. Информационная перегрузка в конечном итоге и приводит к информационному неврозу [6 10; 11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технологии генеративного ИИ и дальше будут развиваться, так как их применение имеет заметный экономический эффект, упрощает решение бытовых и профессиональных задач. Анализируя современный уровень развития технологий ИИ, можно предположить, что образование находится в начале долгого пути перехода от традиционных технологий и методов обучения к инновационным на основе ИИ. Но уже сейчас мы можем утверждать, что риски интеграции технологий генеративного ИИ в образование существуют и академическому сообществу необходимо выработать стратегию дальнейшей информатизации образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманова А., Чарыходжаев Д., Джуманазаров Г. Влияние искусственного интеллекта на современное образование // Вестник науки. 2025. Т. 3. №2. С. 239–244.

2. Коповой А. С., Смирнов В. М. Искусственный интеллект (ИИ) в профессиональном образовании // Мир науки, культуры, образования. 2025. №4. С.129–132.
3. Костин Д. В. Искусственный интеллект в высшем образовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. №2. С. 5–9.
4. Кривошекова А. М., Митрофанова К. М., Гуляева И. Л. Информационные неврозы: актуальная проблема постиндустриального общества XXI в. // European Journal of Natural History. 2024. №3. С. 20–25.
5. Медведев А. В., Головяченко Т. А., Подымова Л. С. Роль искусственного интеллекта в современной системе высшего образования // Высшее образование сегодня. 2022. №3-4. С. 149–153.
6. Никитина Ю. А., Артемова С. А. Актуальные аспекты развития технологии формирования навыков слогового анализа и синтеза у детей с общим недоразвитием речи // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2022. №1. URL: strizh-vspu.ru (дата обращения: 06.10.2025).
7. Персонализация в образовании: от программируемого к адаптивному обучению / Д. А. Кравченко, И. А. Блескина, Е. Н. Каляева, Е. А. Землякова, Д. Ф. Аббакумов // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. №3. С. 34–46.
8. Развитие культуры медиапотребления: социально-психологический подход / Ю. Н. Долгов, А. С. Коповой, Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов. Саратов: Саратовский университет, 2009. 208 с.
9. Садовничий В. А. Университет XXI века. Размышления об университетеобразовании. М.: Издательство Московского университета, 2018. 29 с.
10. Шанин С. В., Коровин Р. В., Шехматов С. А. Информационно-образовательное пространство в процессе профессиональной подготовки военного специалиста к управлению деятельности // Человеческий капитал. 2015. №6. С. 74–77.
11. Sun Q., Norman T. J., Abdourazakou Y. Perceived value of interactive digital textbook and adaptive learning: Implications on student learning effectiveness // Journal of Education for Business. 2018. Vol. 93. № 7. P. 323–331.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Natalya V. Sidyacheva

- e-mail: sidna@bk.ru,
Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Social and Educational Psychology, Faculty of Psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

Andrey S. Kopovoy

- e-mail: mkrass@yandex.ru,
Cand. Sci. (Pedagogical sciences), Assoc. Prof.,
Department of social and educational psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Sidyacheva, N. V. & Kopovoy, A. S (2025). Risks of Generative AI Technologies Integration Into the Educational Space. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze risks of the negative impact of generative AI on education.

Methodology. The primary focus of the study is to examine the types and strategies of media consumption among representatives of different age groups involved in educational processes.

Results. The study identified various types of media consumers and characterized their level of engagement with the information space.

Research implications. The various types of media consumers were identified, and their level of engagement in the information space was characterized. Research implications of this study are valuable due to the need to examine the extent and nature of the impact of generative AI technologies on modern education to effectively counteract the negative effects of this impact.

Keywords

media consumption, artificial intelligence, digitalization of education

Acknowledgments

This article was conducted as part of an internal grant research supported by Federal State University of Education on the topic of "Correction and Prevention of Deviant Behavior in Adolescents in the Information Space by Developing a Culture of Media Consumption." Order no. 1189, June 30, 2025.

References

1. Amanova, A., Charykhodzhaev, D. & Dzhumanazarov, G. (2025). The AI Impact on Modern Education. In: *Science Bulletin*, 3 (2), 239–244 (in Russ.).
2. Kopovoy, A. S. & Smirnov, V. M. (2025). Artificial Intelligence (AI) in Professional Education. In: *The World of Science, Culture and Education*, 4, 129–132 (in Russ.).
3. Kostin, D. V. (2025). Artificial Intelligence in Higher Education. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2, 5–9 (in Russ.).
4. Krivoshchekova, A. M., Mitrofanova, K. M. & Gulyaeva, I. L. (2024). Information Neuroses: A Current Problem of the Post-Industrial Society of the 21st Century. In: *European Journal of Natural History*, 3, 20–25 (in Russ.).
5. Medvedev, A. V., Golovyatenko, T. A. & Podymova, L. S. (2022). The Role of Artificial Intelligence in the Modern System of Higher Education. In: *Higher Education Today*, 2022, 3–4, 149–153 (in Russ.).
6. Nikitina, Yu. A. & Artemova, S. A. (2022). Current Aspects of Developing Technology for Developing Syllabic Analysis and Synthesis Skills in Children with General Speech Underdevelopment. In: *StRIZh*, 1. URL: <https://strizh-vspu.ru> (accessed: 06.10.2025) (in Russ.).
7. Kravchenko, D. A., Bleskina, I. A., Kalyaeva, E. N., et al. (2020). Personalization in Education: From Programmable to Adaptive Learning. In: *Journal of Modern Foreign Psychology*, 9 (3), 34–46 (in Russ.).
8. Dolgov, Yu. N., Kopovoy, A. S., Malyuchenko, G. N. & Smirnov, V. M. (2009). *Development of a Culture of Media Consumption: A Social-Psychological Approach*. Saratov: Saratov University publ. (in Russ.).
9. Sadovnichy, V. A. (2018). *University of the 21st Century. Reflections on University Education*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).

- ЛИНГВИСТИКА ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
- 10. Sharin, S. V., Korovin, R. V. & Shekhamatov, S. A. (2015). Information and Educational Space in the Process of Professional Training of a Military Specialist for Management Activities. In: *Human Capital*, 6, 74–77 (in Russ.).
 - 11. Sun, Q., Norman, T. J. & Abdourazakou, Y. (2018). Perceived Value of Interactive Digital Textbook and Adaptive Learning: Implications on Student Learning Effectiveness. In: *Journal of Education for Business*, 93 (7), 323–331.

ЭВОЛЮЦИЯ ДИССЕРТАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ В СФЕРЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Максименко Ольга Ивановна

- e-mail: maxbel7@yandex.ru;
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
теории языка, англистики и прикладной лингвистики;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Максименко О. И. Эволюция диссертационной активности в России в сфере языкоznания // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 28.07.2025
- Статья размещена на сайте 31.10.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Суть гуманитарных исследований в эпоху постиндустриального технократического общества

Систематизация диссертационного наследия

Исторические предпосылки возникновения учёных степеней в России

Современное состояние диссертационного процесса в филологии

Обсуждение результатов. Анализ тем диссертаций по языкоzнанию последних лет

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение и анализ диссертационной активности в сфере языкоznания в СССР и России конца ХХ – первой четверти ХХI вв. Выявление основных тенденций лингвистических исследований, приоритетов и перспектив.

Процедура и методы. Основной метод исследования – корпусный, библиометрический и квантитативный анализ, позволяющий на основе материалов сайта «dissercat.com» и корпуса тем диссертационных исследований ряда университетов страны получить обобщённые аналитические сведения о научно-исследовательском потенциале современных лингвистических исследований.

Результаты. На основе проведённого сравнительного анализа показаны тенденции в выборе тем исследований, обозначены проблема снижения теоретической значимости кандидатских диссертаций и перспективы развития теоретической и прикладной лингвистики.

Теоретическая и практическая значимость. Основные результаты анализа исследований в области языкоznания за последнее время значимы для осмыслиения и решения связанных с этим проблем в сфере гуманитаристики в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гуманитаристика, диссертация, языкоznание, филология, лингвистика, учёные степени

ВВЕДЕНИЕ

С момента своего создания Российская академия наук была ориентирована на решение масштабных задач, важных для общества и государства. Триста лет назад при организации Академии были определены три принципиально значимых научных направления, математическое, естественнонаучное и гуманитарное, что зафиксировало понимание невозможности развития технических знаний как самоцели науки – необходимо также изучать естественный язык как важнейший инструмент человеческого мышления и культуры. Именно гуманитарные исследования, с одной стороны, способствовали формированию системы ценностей и национального самосознания, а с другой – обеспечивали естественнонаучные исследования

возможностью системного описания достижений и результатов в рамках академического научного стиля.

Статья посвящена анализу диссертационного процесса в области языкознания в Российской Федерации как одной из важнейших сфер гуманитарных исследований. Рассмотрены этапы становления системы учёных степеней, начиная с основания Академии наук, а также эволюция номенклатуры научных специальностей, структура тем диссертаций и их теоретическая и прикладная значимость. Приведены данные о количестве защит в российских университетах, дана оценка качественным изменениям в системе подготовки кандидатов и докторов наук. Особое внимание уделено проблемам мелкотемья, снижения академической мотивации и перехода исследований в междисциплинарное пространство. Показаны перспективы развития филологической науки в условиях новых вызовов и реформ высшего образования.

СТЬ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭПОХУ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В эпоху постиндустриального общества, которую проходит человечество, внутренний валовый продукт (ВВП) развитых стран складывается в основном из доходов от сферы услуг (их доля в ВВП – от 60–70%, а в некоторых странах – 80–90%) [8]. При этом технократический уклон, доминирующий в современных научных, образовательных и управлеченческих стратегиях, столкнулся с рядом проблем, таких как:

- кризис смыслопорождения в условиях «цифровой гиперстимуляции» [6];
- этические дилеммы искусственного интеллекта;
- девальвация традиционных форм культурной памяти.

Как показало исследование MIT Human-Centered AI¹ (2022), 73% провалов в реализации технологических проектов связаны не с техническими ошибками, а с недооценкой антропологических и социальных факторов. Можно рассматривать гуманитарные науки как антитезу технократическому редукционизму, поскольку гуманистическая наука сохраняет уникальную способ-

¹ IBM [Электронный ресурс]. URL: <https://research.ibm.com/publications/hcaineurips-2022-human-centered-ai> (дата обращения: 05.06.2025).

ность работать с контекстуальностью (анализ исторических прецедентов для текущих решений), полифонией смыслов (интерпретация высказываний в противовес бинарной логике алгоритмов), ценностной рефлексией (понятия справедливости, свободы, достоинства). По данным OECD² (Organisation for Economic Co-operation and Development, 2023), страны с сильными гуманитарными образовательными программами демонстрируют на 32% более высокие показатели инновационности.

Гуманитарные исследования выступают необходимой составляющей технократического прогресса, выполняя три ключевые функции:

- 1) гносеологическую – преодоление узкого инструментализма;
- 2) аксиологическую – сохранение этических констант;
- 3) коммуникативную – перевод технологических изменений на язык социальных практик.

Современное состояние гуманитарных, в первую очередь лингвистических, исследований позволяет оценить развитие не только гуманитаристики, но, по сути, и науки в целом. Возможным вариантом такого исследования может быть анализ диссертационных работ по филологическим специальностям.

Одним из важнейших механизмов развития научного сообщества стало появление диссертационного процесса – формы представления результатов исследований, которые проходят строгую экспертную оценку.

Диссертация как понятие и научный труд появились достаточно давно – источники говорят о формировании системы диссертаций в Средние века. Целью диссертации (или трактата) было представление сначала в рукописной, а затем с XVI в. и в печатной форме текста, содержащего результаты научного исследования, для публичного обсуждения [5; 10; 11; 12]. Со временем этот формат стал более регламентированным, а его результатом стало присвоение учёной степени. Постепенно появились и учёные степени в современном понимании. Учёная степень доктора наук впервые была присуждена Болонским университетом в 1130 г., Парижский университет стал присуждать её с 1231 г [9].

² OECD Ministerial Council Meeting 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-events.org/meeting-of-the-council-at-ministerial-level-2023/en> (дата обращения: 05.06.2025).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УЧЁНЫХ СТЕПЕНЕЙ В РОССИИ

Первые попытки внедрения системы учёных степеней в русскую образовательную практику связаны с деятельностью М. В. Ломоносова. После обучения в Германии он предлагал ввести в России аналог европейской системы степеней – кандидата, магистра и доктора наук (именно в такой последовательности, более логичной, чем в настоящее время). Его проект указа 1764 г. предусматривал возможность присвоения этих званий выпускникам университетов, что должно было повлиять на развитие педагогического состава и соответствие «Табелю о рангах». Однако эта инициатива так и не была реализована при жизни учёного.

Официальное начало системы учёных степеней в России относится к указу императора Александра I от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ», который предоставил право присваивать степени четырём университетам: Московскому, Дерптскому (ныне Тартуский), Казанскому и Харьковскому. Начиная с ноября 1804 г. были приняты уставы университетов, регламентирующие процесс научной аттестации. Такие степени, как кандидат, магистр и доктор наук, давали не только профессиональное признание, но и социальные привилегии, например, право на потомственное дворянство [1].

По данным историков, за период с 1805 по 1863 гг. в стране было защищено 625 диссертаций, из них 160 – докторских. За следующее десятилетие (1863–1872) число защит увеличилось до 1342, включая 572 докторские работы. Одним из первых магистров филологии стал Николай Иванович Костомаров, известный своими трудами по этнографии и истории.

Становление языкоznания как академической дисциплины в России происходило в тесной связи с развитием университетской системы. Первые диссертации по филологии носили преимущественно описательный характер и были посвящены:

- истории языка;
- сравнительному языкоznанию;
- текстологии памятников письменности.

Систематизация диссертационного наследия

Особое место в изучении истории диссертационного процесса принадлежит работам историка Г. Г. Кричевского [2]. Он более 40 лет занимался сбором информации о диссертациях,

защищённых в российских университетах. В своих исследованиях он разработал подробные критерии классификации: автор, библиография, тема, дата защиты, научная специальность, участники защиты, места публикации и др. По его подсчётом, с 1805 по 1919 гг. в университетах России было защищено 2939 диссертаций (без учёта медицинских работ). Больше всего защит прошло в Санкт-Петербургском (916) и Московском (709) университетах.

В 1939 г. Г. Г. Кричевский разработал ещё и программу научных исследований по истории учёных степеней в Российской империи. Основными дидактическими единицами содержания программы являлись «упоминание терминов «доктор», «магистр», «бакалавр» и их смысл» [9], таким образом, Г. Г. Кричевский работал де-факто методом качественного контент-анализа. Ему удалось получить обобщённые количественные данные по филологическим наукам (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1.

Динамика защит по историко-филологическим факультетам (1805–1919 гг.) / Dynamics of defenses in the historical and philological faculties (1805–1919).

Университет	Докторские	Магистерские	Всего
Санкт-Петербургский	99	178	277
Московский	75	134	209
Дерптский	35	80	115

Как видно из таблицы, Петербургский университет занимал лидирующее положение по количеству защит, что объясняется его статусом императорского университета и близостью к академическим кругам.

В целом эти данные свидетельствуют о высоком уровне развития филологической науки в России в дореволюционный период.

В советский период (1917–1991 гг.) существовавшая в императорской России система учёных степеней была упразднена, что привело к разрыву научных традиций, исчезновению магистерской степени и упрощению процедуры аттестации. В 1934 г. были установлены учёные степени кандидата и доктора

наук. Степень магистра была выведена из системы и вернулась в ином качестве лишь в 1993 г. Тем не менее именно в этот период сформировались известные научные школы: Московская фонологическая школа; Ленинградская грамматическая школа; Тартуско-Московская семиотическая школа.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ФИЛОЛОГИИ

Как мы писали ранее, не все решения, связанные с академической деятельностью, приводили к столь значимым, как ранее, достижениям. Реформа высшего образования 2012 г. перевела аспирантуру в ранг третьей ступени образования (после бакалавриата и магистратуры) [3], что снизило её академическую направленность и мотивацию студентов на глубокие исследования.

По материалам РБК, ещё в 2021 г. возглавлявший РАН А. М. Сергеев говорил о сокращении количества учёных в России, называя следующие цифры: число учёных с научными степенями за десять лет сократилось на 10 тыс., а число защит снизилось с 21 тыс. в 2012 г. до 9 тыс. в 2019 г. В начале 2023 г. с критикой существующей системы аспирантуры и её эффективности выступил ректор МГУ имени М. В. Ломоносова В. А. Садовничий³. Он отметил, что общее число аспирантов с 2010 г. по 2022 г. сократилось в России на 30%, а количество защит – с 33,7 тыс. в 2010 г. до 11,4 тыс. в 2022 г.⁴.

При этом постоянно идёт речь об оттоке молодых учёных за пределы России, мотивацией для этого служит немало факторов – от научной неудовлетворённости и непонимания прикладной ценности исследований до финансового фактора [3].

Новая номенклатура научных специальностей, введённая с 18 июля 2022 г., объединила ряд филологических направлений в рамках специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Эта группа остается одной из самых активных по числу защит. На сайте

³ Число защит кандидатских диссертаций в РФ сократилось более чем на 60% за 12 лет – Садовничий // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/news/chislo-zashchit-kandidatskih-dissertaciy-v-rf-sokratilos-bolее-chem-na-60-za-12-let-sadovnichiy> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ Количество диссертаций в России за год сократилось на 22% // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/02/2024/65d49b5f9a79474bfaa9e935 (дата обращения: 05.06.2025).

«dissertcat.com»⁵ собраны данные о тысячах диссертаций в этой области [3].

Смена номенклатуры специальностей привела к следующим результатам:

- сократился перечень групп научных специальностей (примерно на треть) – было 52, стало 34;
- сократилось количество специальностей – в старой версии их насчитывалось 430, в обновлённой – 351;
- добавлено 4 новых группы;
- добавлена 21, ранее отсутствовавшая, научная специальность.

Ранжирование специальностей по номерам отражает взгляд государства на их значимость. В верхней части списка находятся естественные и технические науки. Гуманитарные, в том числе языкознание, оказались в конце списка:

- 1) естественные науки (1.1. Математика и механика; 1.2. Компьютерные науки и информатика; 1.2.1. ИИ и машинное обучение и пр.);
- 2) технические науки;
- 3) медицинские науки;
- 4) сельскохозяйственные науки;
- 5) социальные и гуманитарные науки (5.1. Право; 5.2 Экономика; 5.3. Психология; 5.4. Социология; 5.5. Политология; 5.6. Исторические науки; 5.7. Онтология и теория познания; 5.8. Науки об образовании; 5.9. Филология (5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, 5.9.9. Медиакоммуникация и журналистика); 5.10. Искусствоведение и культурология; 5.11. Теология 5.12. Когнитивные науки).

Стоит отметить, тем не менее, что в лингвистике и, шире, филологии, несмотря на сокращение и объединение специальностей, число защищённых диссертаций не уменьшается, в частности, в рамках объединённой специальности 5.9.8 (Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика) [3]. В России в настоящее время функционирует 32 ВАКовских совета по 5.9.8., в Москве таких советов 7. В целом в Российской Федерации около 50 вузов, имеющих право

⁵ Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissertcat.com/?ysclid=mh53kqlkai606460678> (дата обращения: 05.06.2025).

присваивать степени самостоятельно, где существуют так называемые автономные диссертационные советы.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. АНАЛИЗ ТЕМ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Чтобы понять, в каком направлении движется развитие современного языкоznания, обратимся к материалам сайта «dissercat.com».

Сайт «dissercat.com» (научная электронная библиотека диссертаций), работающий с 2009 г., содержит более 400 тыс. диссертаций (386 тыс. кандидатских и 54 тыс. докторских) по разным областям научных исследований, защищённых с конца 1970-х гг. до 2022 г., т. е. до введения новой номенклатуры специальностей. Согласно современной номенклатуре 2024 г., в сферу «Филология» входит 9 специальностей, где объединены литературоведение и языкоzнание, до 2022 г. в разделе «Языкоzнание» (10.02.00) без литературоведения их было 10.

По результатам проведённого квантитативного анализа было выяснено, что по интересующей нас сфере было защищено следующее количество работ:

10.02.19 – Теория языка: с 1979 по 2022 гг. порядка 4000 диссертаций;

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкоzнание: с 1980 по 2022 гг. около 2800 диссертаций;

10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика: с 1974 по 2022 гг. (нет данных за период 1985–1997 гг.) 180 диссертаций.

Надо отметить, что даты размещения диссертаций в этой системе разные. Так, первая зафиксированная работа по специальности 10.02.19 (Теория языка) датируется 1979 г., 10.02.20 (Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкоzнание) – 1980 г., 10.02.21 (Прикладная и математическая лингвистика) датируется 1974 г. Последние работы датируются 2022 г., т. е. временем слияния трёх специальностей в одну – 5.9.8.

На основе анализа тем диссертаций по авторскому корпусу, проведённого при помощи пакета seo-анализа текста «miratext.

ти»⁶, были выделены наиболее популярные на сегодняшний день направления диссертационных исследований:

- анализ дискурса;
- терминология;
- фразеология;
- метафора;
- концепты;
- поликодовые тексты;
- лексическая семантика;
- лингвоконфликтология;
- психолингвистика.

Проведённый анализ показал, что темы диссертаций, защищённых полвека назад, заметно отличаются от современных, в частности, они представляют базовые, фундаментальные исследования, например:

10.02.19

- «Проблема аффективной конструкции предложения» (1975);
- «Проблема рода в современном английском языке» (1975);
- «Синтаксическая интерференция и способы её изучения» (1981).

10.02.20

- «Связочные глаголы в английском и языке и их соответствие в азербайджанском языке» (1980);
- «Проблема эквивалентности в переводе» (1980);
- «Связь предложений в письменном монологическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским)» (1985).

10.02.21

- «Информационно-статистические и инженерно-лингвистические особенности языка и текста в условиях спецкоммуникации» (1975);
- «Структура содержания текста и возможности её формализации (на материале научно-технических текстов)» (1983);
- «Коммуникативно-смысловая оппозиция “данное – новое” (метаязык и некоторые приложения)» (1984).

В последующие десятилетия тематика смешалась в сторону более частных проблем, кроме того, стала проявляться сво-

⁶ Полный семантический анализ текста [Электронный ресурс]. URL: https://miratext.ru/seo_analiz_text (дата обращения: 05.06.2025).

еобразная «мода» на темы (моду в данном случае можно рассматривать как термин статистики – это значение признака, который встречается в наборе данных чаще всего). В 1980-е гг. появилось значительное число работ, исследующих психолингвистическую проблематику, что связано со становлением и развитием этого лингвистического направления, а также получили развитие проблемы лингвострановедения, которое являлось основой лингвокультурологии. Начиная с конца 1990-х гг. одной из наиболее частотных тем становится изучение дискурса, сначала как общего понятия, далее происходит смещение к отдельным типам дискурса (политический, экономический и др.), высокочастотными также стали работы по концептологии и лингвоэмпиологии. Что касается сферы прикладной лингвистики, в ней в этот период наметилось явное смещение от изучения структур и построения моделей в сторону конкретных прикладных, а впоследствии и компьютерных задач.

После смены номенклатуры специальностей произошёл очередной сдвиг в темах диссертаций, отражающий текущие интересы и запросы как теоретического, так и прикладного языкоznания. По результатам анализа корпуса выявлен сдвиг в сторону лингвопрагматики, социолингвистики, лингвокультурологии и лингвоэмпиологии, лингвосемиотики, медиалингвистики, т. е., по сути, наблюдается смещение научных интересов в сторону междисциплинарных исследований.

Пока не существует обобщённой статистики о количестве работ, защищённых по новой специальности 5.9.8. (в системе «dissercat.com» представлено всего 44 работы, что не соответствует действительности), но некоторые примеры из нашего авторского корпуса за 2023–2025 гг., отражающие современные тенденции, можно привести:

1. «Инференция импликатур как лингвопрагматический критерий организации семантики диалогического дискурса» (2023, Военный университет);
2. «Способы презентации моральных ценностей в русской и китайской рекламе как поликодовом тексте» (2023, МГЛУ);
3. «Экокогнитивная модель профессиональной мульти-модальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков)» (2023, Челябинский ГУ);

4. «Психолингвистические и социолингвистические аспекты интерференции (на материале русско-испанского двуязычия)» (2023, Государственный университет просвещения);
5. «Когнитивные и прагматические факторы совместного употребления вербальных и жестовых средств в описательном дискурсе» (2022, МГЛУ);
6. «Лексическая синонимия в разносистемных языках (табасаранском, русском, английском)» (2023, Государственный университет просвещения);
7. «Сравнительно-сопоставительный анализ форм сослагательного наклонения в арабском и русском языках» (2024, Государственный университет просвещения);
8. «Стратегии обвинения и защиты в судебном дискурсе в аспекте полимодальности» (2023, МГЛУ);
9. «Лингвокультурная специфика презентации агрессии в русско- и китайскоязычной интернет-коммуникации» (2023, МГЛУ);
10. «Маркеры верbalной агрессии в комментариях пользователей социальных сетей» (2025, Государственный университет просвещения).

Общие тенденции подтверждаются – рассмотрение традиционных грамматических вопросов отошло на второй план, междисциплинарность вышла на первый.

В целом в последние десятилетия наблюдается устойчивый рост междисциплинарных исследований, что особенно заметно в гуманитарной сфере. В филологии это проявляется в активном заимствовании методологий из когнитивистики, компьютерной лингвистики, социологии и даже нейронаук. В этом есть и положительные, и отрицательные аспекты. К первым можно отнести возможность изучать язык в новых ракурсах (например, через анализ больших данных (*big data*) средствами корпусного анализа или психолингвистические эксперименты). Ко вторым, отрицательным, относится исчезновение, как уже упоминалось, «чистой» теоретической филологии – грамматические, диалектологические и историко-языковые исследования становятся редкостью, воспринимаясь как «устаревшие». При этом возникает парадокс – работы формально остаются в рамках языкоznания, но их содержание всё ближе к науке о данных (*data science*), при этом без существенного вклада в саму лингвистическую теорию.

ДИЛЕММА МЕЖДУ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

Современная филология сталкивается с дилеммой: продолжать ли развитие чисто теоретических направлений или сосредоточиться на задачах, имеющих практическое применение? В последние годы, как уже упоминалось, наблюдается переход многих исследований в междисциплинарное пространство, особенно в сфере компьютерной лингвистики и искусственно-го интеллекта. При этом работы в области традиционного языкоznания, такие как исследования грамматики или фонетики, встречаются всё реже. Отдельно стоит отметить такое формирующееся явление, как цифровой позитивизм – концепция, которая предполагает переход от создания знаний, основанных на теории, к созданию знаний, основанных на данных, в контексте цифровых технологий. Это направление связано с идеей, пришедшей из экономики больших данных, – автоматического производства смысла из массива данных. Эта концепция может проявляться в разных областях, в частности в гуманитарных науках, когда происходят внедрение количественных и цифровых методов исследования, ориентация на эмпирически-ориентированные форматы представления научного знания [7]. В настоящее время практически ни одно исследование в сфере языкоznания не обходится без проявления цифрового позитивизма в той или иной мере. Однако важно признать, что подобный подход далеко не всегда оказывается обоснованным. Его оправданность должна подтверждаться в первую очередь реальной практической ценностью диссертационного исследования. Но, как демонстрирует семантический анализ массива диссертационных тем, в разделах, посвящённых практическому применению результатов, чаще всего встречаются стандартные формулировки о возможности использования материалов в учебном процессе, что свидетельствует о слабой прикладной направленности многих работ.

Теоретическая значимость кандидатских диссертаций также подчас остаётся невысокой, тогда как докторские исследования чаще затрагивают масштабные научные проблемы. Если же вернуться к изначальному вопросу о балансе академической и прикладной составляющих в гуманитарных исследованиях, заложенном ещё во времена основания Академии наук, то нельзя не отметить тенденции к «мелкотемью» в со-

временных диссертациях. Многие из них сосредоточены на узких, локальных вопросах, выводы по которым не могут быть распространены на более широкий круг научных задач или реализованы в практической сфере [4]. Тенденция к сужению исследовательских тем приобрела системный характер, и виден переход от частного к незначительному, когда, например, изучается какое-то явление на примере единственного произведения какого-либо автора без попыток обобщения или особенности перевода узкоспециализированных терминов в каком-то поджанре (с минимальной прикладной ценностью). Причин такого явления несколько: требования «новизны темы исследования», которые вынуждают брать максимально узкие вопросы, или же опасение перед масштабными темами из-за их сложности и потенциальной критики. В результате выводы таких работ не поддаются экстраполяции – они остаются изолированными случаями, не влияя ни на науку, ни на практику.

Кроме мелкотемья, остро стоит и проблема прикладной значимости работ. Анализ необходимого раздела диссертации – «Введение» – показывает три повторяющихся шаблона в разделах о практическом применении:

1. «Можно использовать в преподавании» (универсальная формулировка для 80% гуманитарных работ);
2. «Полезно для дальнейших исследований» (циклическая отсылка без конкретики);
3. «Материалы применимы в IT-разработках» (часто без реального внедрения).

В докторских диссертациях чаще встречаются попытки решения крупных проблем (например, моделирование языковой эволюции или создание лингвистических алгоритмов), но даже здесь прикладная часть нередко сводится к абстрактным рекомендациям.

Таким образом, за последние три десятилетия в языкоизучении сформировалась дилемма между фундаментальными (академическими) и прикладными исследованиями. В связи с этим возникает закономерный вопрос: следует ли продолжать проводить исследования, которые уже не обладают той же степенью научной значимости, как в эпоху становления Российской академии наук, или же необходимо сосредоточиться на решении задач (для кандидатских работ) и проблем (для докторских), способных внести сопоставимый вклад в науку?

При этом данные ВАК РФ показывают, что случаи лишения учёной степени или отмены решений диссертационных советов в основном касаются работ по медицине, ветеринарии, экономике, педагогике и психологии. Диссертации в области филологии фигурируют в таких случаях крайне редко, что может косвенно указывать на то, что экспертное сообщество в целом удовлетворено качеством лингвистических исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение естественного языка в технократическую эпоху перестаёт быть узкоакадемической задачей, становясь стратегическим направлением, от которого зависит:

- 1) развитие гуманистически ориентированных технологий;
- 2) сохранение когнитивного и культурного разнообразия;
- 3) преодоление цифрового разрыва;
- 4) понимание фундаментальных основ человеческого сознания.

Изучение диссертационного процесса позволяет проследить эволюцию научной мысли в России, начиная с эпохи основания Академии наук и заканчивая современными реалиями. Формирование системы учёных степеней, развитие университетского образования, изменения в номенклатуре специальностей – всё это отражает стремление государства и научного сообщества адаптироваться к новым вызовам времени.

Инвестиции в лингвистические исследования должны рассматриваться как важнейший компонент научно-технической политики, обеспечивающий гармоничное развитие общества в условиях технологической трансформации.

Однако сегодня перед филологией стоит важный вопрос: как сохранить баланс между теоретической глубиной исследований и их практической применимостью? Ответ на него может определить будущее гуманитарных наук в России и их роль в решении актуальных задач общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванчугов В. В. Российский «магистр философии» в образовательном процессе XIX–начала XX в. // Вестник Российской Федерации дружбы народов. Серия: Философия. 2011. №1. С. 1–14.

2. Кричевский Г. Г. Диссертации университетов России. 1805–1919 гг. / под ред. А. В. Карташева. М.: Издательство Московского университета, 1958. 202 с.
3. Максименко О. И. Академическая и прикладная филология: современное состояние и вызовы времени // 300-летие отечественной науки: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 24–25 апреля 2024 г. М.: Издательство Московского энергетического института, 2024. С. 268–272.
4. Максименко О. И. Академическая и прикладная филология: анализ диссертационной активности // Первый Евразийский конгресс лингвистов Москва 9–13 декабря 2024: сборник тезисов. М.: Институт языкоznания РАН, 2024. С. 1119–1120.
5. Малахов В. А. Библиометрический анализ как метод науковедческих исследований: возможности и ограничения // Науковедческие исследования. Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2022. №1. С. 212–227.
6. Сарсенбаева Б., Жигитбекова Б., Бисембаева Н. Психологические аспекты гиперстимуляции и снижение когнитивной гибкости у детей в условиях цифровой зависимости // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия: Психология. 2025. Т. 8. С. 132–153.
7. Степанчук Ю. А. Гуманитарное знание между цифрой и смыслом: к вопросу о роли гуманитарных наук в цифровом обществе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. №1. С. 112–119.
8. Цветков В. А., Дудин М. Н. Сценарии развития глобальной экономики и основных центров экономического притяжения после окончания пандемии COVID-19 (OECD, BRICS, ASEAN, Лига арабских государств) // Проблемы рыночной экономики. 2020. №2. С. 6–22.
9. Якушев А. Н., Кузнецов А. В. История русской диссертации в исследованиях Г. Г. Кричевского // Библиотековедение. 2007. №5. С. 80–84.
10. Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 576 p.
11. Denifle H. Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400 (German Edition). М.: Нобель Пресс, 2024. 870 с.
12. Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford: The Clarendon Press, 1984. 605 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Olga I. Maksimenko

- e-mail: maxbel7@yandex.ru,
Dr. Sci. (Philology), Prof.,
Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Maksimenko, O. I. (2025). Evolution of Dissertation Activity in Linguistics in Russia. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study and analyze dissertation activity in linguistics in the USSR and Russia from the late of 20th century to the first quarter of 21st century. To identify main trends in linguistic research, priorities, and prospects.

Methodology. The main research methods include corpus-based, bibliometric, and quantitative analysis. These methods were applied to data from *dissercat.com* and a corpus of dissertation topics from several universities across the country, providing generalized analytical insights into the research potential of contemporary linguistic studies.

Results. The comparative analysis revealed trends in topic selection, highlighted the issue of declining theoretical significance of Cand. Sci. theses and outlined prospects for the development of theoretical and applied linguistics.

Research implications. The key findings of the analysis of recent research in linguistics are significant for understanding and addressing related challenges in the broader outline of the humanities.

Keywords

humanities, thesis, linguistics, philology, linguistics, academic degrees

References

1. Vanchugov, V. V. (2011). The Russian "Master of Philosophy" in the Educational Process of the 19th – Early 20th Centuries. In: *RUDN Journal of Philosophy*, 1, 1–14 (in Russ.).
2. Krichevsky, G. G. (1958). *Dissertations of Russian Universities. 1805–1919*. Moscow: Moscow university publ. (in Russ.).
3. Maksimenko, O. I. (2024). Academic and Applied Philology: Current State and Challenges. In: *300th Anniversary of Russian Science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24–25, 2024*. Moscow: Moscow Power Engineering Institute, pp. 268–272 (in Russ.).
4. Maksimenko, O. I. (2024). Academic and Applied Philology: Analysis of Dissertation Activity. In: *First Eurasian Congress of Linguists, Moscow, December 9–13, 2024*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 1119–1120 (in Russ.).
5. Malakhov, V. A. (2022). Bibliometric Analysis as a Method of Science Studies: Possibilities and Limitations. In: *Science Studies*, 1, 212–227 (in Russ.).
6. Sarsenbaeva, B., Zhigitbekova, N. & Bisembayeva, N. (2025). Psychological Aspects of Hyperstimulation and a Decreased Cognitive Flexibility in Children with Digital Addiction. In: *Bulletin of KazNPU named after Abai. The Psychology Series*, 8, 132–153 (in Russ.).
7. Stepanchuk, Yu. A. (2020). Humanitarian Knowledge between Digital and Meaning: On the Role of the Humanities in a Digital Society. In: *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 26 (1), 112–119 (in Russ.).
8. Tsvetkov, V. A. & Dudin, M. N. (2020). Development Scenarios of the Global Economy and the Main Centers of Economic Gravity after the End of the COVID-19 Pandemic (OECD, BRICS, ASEAN, the League of Arab States). In: *Market Economy Problems*, 2, 6–22 (in Russ.).
9. Yakushev, A. N. & Kuznetsov, A. V. (2007). Russian Dissertation History in G. G. Krichevsky's Research. In: *Russian Journal of Library Science*, 5, 80–84 (in Russ.).
10. Clark, W. (2008). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Denifle, H. (2024). *Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400 (German Edition)*. Moscow: Nobel Press publ.
12. Rashdall, H. (1984). *The Universities of Europe in the Middle Ages*. Oxford: The Clarendon Press.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ В ИНТРОДУКТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ БЛОК

Маньковская Зоя Викторовна

- e-mail: mankovskaya57@mail.ru;
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры К5 «Лингвистика», космический факультет;
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана, Мытищинский филиал
141005, г. Мытищи, Московская обл., ул. 1-я Институтская, д. 1,
Российская Федерация

Для цитирования

Маньковская З. В. Особенности интегрирования прецедентных научных текстов в интродуктивный текстовый блок // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 28.07.2025
- Статья размещена на сайте 24.12.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Интродуктивный текстовый блок как объект исследования

Формы существования прецедентных текстов в интродуктивном текстовом блоке

Стратегии переосмыслиения прецедентных текстов и их интегрирование в интродуктивный текстовый блок

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть стратегии интегрирования прецедентных текстов в интродуктивный текстовый блок научной статьи как способ борьбы с плагиатом и повышения её уникальности.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ текстов из научных журналов по проблемам астрофизики, экологии, гендерным проблемам в бизнесе и вопросам искусственного интеллекта. При проведении анализа использовались описательный и сопоставительный методы, а также прагматический анализ прецедентных текстов с точки зрения иллоктивной силы высказывания.

Результаты. На основе изучения текстов разной тематической направленности было установлено, что стратегии интегрирования имеющейся в ментально-концептуальном пространстве науки информации в новый текст универсальны и не зависят от его тематики. Были сформулированы предложения по снижению плагиата в научных работах за счёт привлечения таких стратегий, как оценивание, комментирование и выявление иллоктивной силы высказывания.

Теоретическая и / или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в расширении границ теории интертекстуальности за счёт введения научного текста в поле исследовательских интересов, изучения механизма приращения смысла научного текста, а также уточнения представлений о понимании и интерпретации текста. Результаты исследования могут быть эффективно использованы в процессе реферирования научных текстов и написания выпускных квалификационных работ по лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ментально-концептуальное пространство науки, интертекстуальность, прецедентный текст, плагиат, уникальность, стратегии переосмысления прецедентных текстов

ВВЕДЕНИЕ

Проблемой интертекстуальности и взаимообусловленности текстов занимались исследователи, начиная с середины прошлого века. В частности, была разработана пространственная концепция текста, в которой текст был представлен как «пересечение текстов» или диалог [5], определено понятие «преце-

дентного текста» [6], описаны формальные единицы интертекстуального анализа, опирающиеся на понятия «память слова» и «память текста» [11], проанализированы «маркированные следы других текстов в виде цитат, аллюзий, вводных рассказов, цитатных включений» [1], отмечены некоторые формы интеграции чужих элементов в новое текстовое пространство и возникновение дополнительного уровня смыслообразования в процессе создания нового текста [3; 12], а также поставлен вопрос о соотнесении пародии, плагиата и аллюзии с интертекстом [10].

В XXI в. в связи с «массовизацией высшего образования и стремлением к приобщению к интеллектуальной элите» [2], когда при помощи интернета значительно увеличился доступ, в частности, к научной информации и возможности использования готовых текстов для создания новых, возникла проблема плагиата как прямого копирования и выдачи чужого материала за свой собственный, т. е. проблема нарушения научной этики.

Именно неоправданная интерпретация интертекстуальности и плагиата как синонимов послужила причиной постановки проблемы избегания плагиата за счёт использования различных лингвистических стратегий, что является актуальным в свете необходимости «постановки заслона недобросовестным публикациям» [2].

Целью данного исследования является изучение стратегий переосмыслиния, трансформирования имеющихся в ментально-концептуальном пространстве любой науки текстов и введения их в новые связи для продуцирования нового текста.

Для достижения поставленной цели необходимо:

- изучить характер и формы существования прецедентных текстов в научном стиле;
- рассмотреть наиболее распространённые стратегии адаптации прецедентных текстов к новому контексту в соответствии с новыми задачами текста;
- сравнить особенности интегрирования прецедентных текстов в тексты различной тематической направленности и сделать вывод о влиянии тематики текста на выбор стратегий интегрирования;
- описать способы повышения уникальности научного текста.

В качестве материала исследования были выбраны журнальные статьи по проблемам экологии, космологии, искусственного интеллекта и делового общения из англоязычных журналов «The Journal of Climate Change and Health», «The Journal of Atmospheric and Solar-Terrestrial Physics», «Computers in Human Behaviour Reports», «Patterns 5», «The Journal of Pragmatics».

В исследовании применялись описательный метод для выявления отличительных черт прецедентных текстов и их функций, сравнительный анализ текстов разной тематической направленности и особенностей реализации стратегий интегрирования прецедентных текстов, а также интерпретационный метод для истолкования коммуникативных намерений авторов текстов на основе анализа смысловых структур, определения иллокутивной силы высказываний и изучения речевых средств их воплощения.

Актуальность исследования определяется необходимостью в эпоху цифровизации и существования нейросетей, размывающих границы между интертекстуальностью и плаgiатом (в виде перайтинга), изучения способов и форм заимствований, которые, если не преобразуются и не обогащаются новыми смыслами, представляют угрозу интеллектуальной собственности и авторскому праву.

Новизна подхода, предпринимаемого в данной статье, состоит в разграничении понятий «интертекстуальность» как неотъемлемой части культуры и «плаgiат» как социального зла, а также в попытке найти баланс между уже существующим в предшествующих текстах научным знанием и стремлением к созданию нового уникального текста.

ИНТРОДУКТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ БЛОК КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на требования оригинальности научных исследований и осуждение плаgiата, некоторые исследования всё ещё сводятся к компиляции заимствованных у других авторов материалов без какой-либо обработки. Особенно остро эта проблема встаёт в интродуктивном текстовом блоке (*Introduction*, вводная часть, вступление) научной статьи / монографии, где автор делает обзор имеющихся по изучаемой проблеме научных исследований для обоснования целесообразности нового ракурса её рассмотрения. Именно в интродуктивном тексто-

вом блоке происходят включение нового знания в общепринятою научную картину мира, т. е. в ментально-концептуальное пространство определённой науки (термин Ю. Кристевой) [7], и установление преемственности старого и нового знания.

Анализ интродуктивных текстовых блоков, извлечённых из научных статей разной тематической направленности (искусственный интеллект, экология, космология, гуманитарные науки), позволил выделить следующие возможности для повышения оригинальности научного исследования в процессе постановки проблемы, отнесения её к определённой направленности или проблематике, убеждения в целесообразности её исследования, определения-дефиниции нового понятия для избегания неверного его толкования, характеристики имеющихся в научном сообществе теорий и подходов к её решению, выявления в них пробелов.

Нельзя отрицать мысль, высказанную в 1995 г. Ю. Кристевой, которая вначале относилась к художественному произведению, а позже была экстраполирована (перенесена) и на научный текст, о том, что текст представляет собой «взаимодействие различного рода старых цитат, фрагментов старых текстов, выражений, терминов, устойчивых названий», которые, по мнению автора, превратились в «крылатые слова», «смысловые коды» или «прецедентные имена», т. е. стали научными идиомами [7].

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ИНТРОДУКТИВНОМ ТЕКСТОВОМ БЛОКЕ

Несомненно, цитаты являются неотъемлемой частью любого научного произведения [8; 9]. По мнению С. В. Власенко [4], они могут выполнять номинативную, информативную, экспланативную, трансляционную (демонстрация кругозора), обобщающую (углубление и усиление уже существующего знания), директивную (призыв к действию), оценочную (выражение мнения автора по отношению к заимствованному фрагменту: согласие / несогласие или оценка правильности, точности, актуальности проблемы, описываемой в заимствованном отрывке) и экспрессивную или декоративную функции, т. е., в терминологии В. Е. Чернявской, делятся на цитаты-аргументы, цитаты-илюстрации и цитаты-заместители, связанные с тол-

кованием нового термина, так называемые «подменяющие цитаты»¹.

Однако, как отмечается в основных правилах научного цитирования, процент прямого цитирования не должен превышать в общем объёме научного исследования 20% (для научных журналов с высоким импакт-фактором) или 25% (в дипломных работах, кандидатских и докторских диссертациях)².

Прямое цитирование оправдано только в том случае, если цитата обладает хрестоматийностью и высокой степенью научной значимости. Все другие заимствования в виде precedентных (ранее созданных) текстов должны подвергаться переосмысливанию и изменению (адаптации к новому контексту) в соответствии с задачами нового текста. Они должны подвергаться грамматической трансформации, усечению, обобщению содержания и изменению порядка слов, другими словами, лексико-грамматическим, морфологическим и синтаксическим трансформациям. При этом обязательным условием, бесспорно, является сохранение смыслового тождества с исходным текстом.

Изменение формы представления известной информации в интродуктивном текстовом блоке, как показывает практика, может: 1) иметь формальный характер, к чему часто призывают блогеры, когда дают советы студентам или начинающим авторам, как писать выпускную квалификационную работу, магистерскую диссертацию и пройти проверку на антиплагиат³, или 2) базироваться на глубоком и всестороннем анализе содержания имеющихся в определённом научном сообществе материалов и их смысловом преобразовании.

К формальным средствам представления информации, уже известной специалистам в определённой области знаний, относятся устоявшиеся термины, усечённые цитаты, научные идиомы, ссылки на имеющуюся по данному вопросу литературу, которые составляют значительную часть научного исследования. Компиляция старой информации не повышает процен-

¹ Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность: учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

² Основные правила научного цитирования // Научные высказывания: [сайт]. URL: <https://nvjournal.ru/blog/article/osnovnye-pravila-nauchnogo-citirovaniya> (дата обращения: 20.06.2025).

³ 16 способов как обойти антиплагиат и поднять оригинальность текста в 2025 году // Retext.ai: [сайт]. URL: <https://retext.ai/ru/blog/16-ways-to-get-around-anti-plagiarism-and-raise-the-originality-of-the-text-in-2023?ysclid=mdcqwd3kz1901873590> (дата обращения: 20.06.2025).

та новизны, но является облигаторным явлением, поскольку любое новое знание базируется на старом. Чтобы избежать дублирования информации, автору исследования приходится прибегать к таким стратегиям, как 1) собственная группировка фактов, 2) их логическая организация и периодизация, 3) сгущение и компрессия информации, повышение её концентрации и усиление динамизма текста.

Примерами вкраплений в новый текст научных идиом являются следующие предложения:

This falling deathrate, accompanied by a lagged decline in fertility, aggravated fears, also expressed earlier in the 20th century [9], of a population "bomb" [10; 11]⁴.

Tannen (1994:76) describes gender differences in the style and frequency of humour in business context, claiming that women will sometimes adopt a more '*masculine, ballsy*' kind of style of humour⁵...

Для обозначения заимствований в виде научных идиом используются двойные или одиночные кавычки со ссылками на источники заимствования "bomb" [10; 11] или без них '*masculine, ballsy*'. Кавычки приобретают особую важность, когда заимствованное из другого источника слово выбивается из общего стиля сообщения, как в случае с прилагательным *ballsy* (энергичный, пробивной), которое придаёт разговорный оттенок высказыванию.

Не повторяя «старые» тексты, автор вписывает их в новый контекст при помощи таких грамматических и синтаксических средств, как перечисление, введение определительных придаточных предложений, которые являются экономным способом резюмирования большого количества информации.

Например:

Chian et al. (2023) reported the observational evidence of chaotic stretching-twisting-folding of Lagrangian coherent structures in turbulent vortical flows at a quiet-Sun supergranular junction that cause the intensification of core magnetic field, electromagnetic energy flux, and interface electric current density in two merging

⁴ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 2.

⁵ Rogerson-revel Pamela. Humour in business. A double-edged sword. A study of humour and style shifting in intercultural business meetings // Science Direct, Journal of pragmatics. 2007. №39. P. 5.

magnetic flux tubes trapped by a persistent objective kinematic vortex⁶.

СТРАТЕГИИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ И ИХ ИНТЕГРИРОВАНИЕ В ИНТРОДУКТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ БЛОК

Наиболее сложной формой адаптации (поскольку требует большой предварительной аналитической работы) прецедентных текстов к новому контексту является переосмысливание и обогащение уже имеющейся информации путём комментирования (оценивания, сравнения, противопоставления, толкования / интерпретирования, популяризации заимствованной мысли или её критики и опровержения). В результате такой адаптации в порождаемом тексте уже не ощущается присутствие других текстов. Напротив, новый текст обладает высокой степенью самостоятельности и значимости. Чужие или прецедентные тексты полностью растворяются в новом тексте. Напоминанием о заимствованиях являются отдельные выражения, крылатые слова, научные идиомы и цитаты, взятые в кавычки.

Полученный в результате интегрирования (генерализации) новый текст имеет смысловую связь с предшествующими текстами, но не повторяет / дублирует их, а, наоборот, подчёркивает самостоятельность исследователя.

Повышение уникальности вновь создаваемого текста за счёт большей вовлечённости автора, требующей самостоятельности и инновационного видения, и выявления новизны предпринимаемого подхода к описываемому явлению может быть достигнуто в результате:

- 1) отнесения рассматриваемого вопроса к соответствующей научной парадигме;
- 2) подчёркивания новизны и значимости своего исследования;
- 3) сравнения, противопоставления и критики прецедентных научных текстов;
- 4) эксплицитной оценки эффективности предшествующих исследований;

⁶ Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach //Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 3.

- 5) комментирования полученных ранее результатов;
- 6) формулирования промежуточных выводов;
- 7) выявления иллокуций, заложенных авторами первоисточников.

Рассмотрим пример отнесения нового явления к уже имеющейся в научных кругах категории или парадигме.

Most contemporary linguistic-based research into humour has centered on the *semantic / pragmatic foundation* of humour (Attardo, 1993, Jus, 2003...), although research is also appearing in the critical discourse / conversation analysis and *ethnographic traditions* (Norrick, 2003, Everts, 2003) ...⁷.

Приведённое высказывание уточняет некоторые аспекты рассмотрения проблемы путём перечисления ракурсов её рассмотрения semantic / pragmatic, discourse / conversation-analysis, ethnographic traditions, за счёт чего автор расширяет научную картину мира адресата, избегая повтора, и даёт возможность читателю противопоставить новый предлагаемый подход уже имеющимся.

Привлечение внимания к своему исследованию возможно благодаря выявлению его отличительных черт.

В приведённом ниже примере автор акцентирует внимание читателя на специфике своего подхода к решению проблемы при помощи выделительной конструкции *but also*, которая позволяет переключить внимание на вторую задачу, составляющую своеобразие научной статьи.

This work has revealed significant insights about the physiological and psychological correlates of problematic internet use *but also* has raised questions about the generalibility of these results to adults...⁸.

Эксплицитное сравнение и противопоставление описываемых теорий также несут новую информацию, поскольку помогают адресату сделать вместе с автором вывод, который даст основание для новых исследований.

Например:

Similarly, Holmes' (2000) studies in New Zealand workplace communication show that although women may use at least as

⁷ Rogerson-revel Pamela. Humour in business. A double-edged sword. A study of humour and stile shifting in intercultural business meetings // Science Direct, Journal of pragmatics. 2007. №39. P. 5.

⁸ Devine D. Internet addiction, cognitive, and dispositional factors among US adults // Computers in human behaviour reports. 2022. №6. P. 1.

much humour as men, the style of humour in meetings with female participants tends to be more supportive and collaborative⁹.

In a similar vein, Marsh (1988) claims that showing too much feeling can offend Asian codes of business behaviour...¹⁰.

Данные сравнения, маркируемые наречными выражениями *similarly*, *in a similar vein*, показывают одновременность разработок одной и той же темы разными авторами, но получение уникальных результатов.

Сопоставление результатов предыдущих исследований часто требует оценки их целесообразности и конструктивности, что выводит новый текст на более высокий уровень осмыслиния и придаёт ему уникальный характер. Например:

Van Rensselaer Potter, *widely recognized as the founder of this school*, subtitled it "the science of survival" (положительная оценка)¹¹.

Either consequence, were one to occur, entails profound risks to global population health, yet appreciation of this is still largely outside the health literature (отрицательная оценка)¹².

В приведённых примерах наблюдается, в первом случае – высокая оценка (признание) заслуг учёных-коллег, оформленная в виде обосновления (*widely recognized as the founder of this school*), а во втором – критика недостатков предыдущих исследований (*is still largely outside the health literature*).

Одной из наиболее продуктивных стратегий увеличения вовлечённости автора в создание нового текста является стратегия комментирования, которая может быть направлена на:

1) передачу отношения автора и степени уверенности в правоте своих убеждений;

*Arguably, processes leading to civilization failure are now well underway*¹³.

⁹ Rogerson-revel Pamela. Humour in business. A double-edged sword. A study of humour and stile shifting in intercultural business meetings // Science Direct, Journal of pragmatics. 2007. №39. P. 6.

¹⁰ Rogerson-revel Pamela. Humour in business. A double-edged sword. A study of humour and stile shifting in intercultural business meetings // Science Direct, Journal of pragmatics. 2007. №39. P. 7.

¹¹ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 1.

¹² Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 1.

¹³ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 1.

2) акцентирование (привлечение внимания к) важной информации;

Of relevance, in the mid-1960s, global population growth peaked as a percentage (slightly over 2% per annum)¹⁴.

3) комментирование с предположением;

The resultant book sold 12 million copies [12] – a record for an environmental book that probably still stands¹⁵.

4) комментирование с объяснением;

While the accumulation of carbon dioxide (CO₂), the main anthropogenic greenhouse gas, had been described in 1957 as a "large-scale geophysical experiment" [16] the speed of impending greenhouse gas accumulation was, in 1972, under-estimated¹⁶.

5) комментирование с уточнением для углубления понимания и указания на новый ракурс рассмотрения за счёт использования парантезы или вставных конструкций, выделяемых в тексте запятыми, скобками, сокращениями и. е.;

*Articles recognizing that climate change risks the functioning of modern civilization (*and therefore population health on a massive scale*) emerged slowly...¹⁷*

The coronal plasma outflowing from the Sun, i.e., the solar wind, is a natural consequence of the high temperature (and consequent high pressure) solar corona¹⁸.

*The physical state of the solar wind system involves populations of particles (*mainly protons and electrons*) in interaction with plasma waves and turbulence¹⁹.*

Нельзя обойти вниманием промежуточные и окончательные выводы, которые являются отражением позиции автора, логики его рассуждений, интерпретации исследуемых фактов, достоверности полученных результатов, так как они играют ключевую роль в обеспечении уникальности проведённого

¹⁴ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 1.

¹⁵ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 2.

¹⁶ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 3.

¹⁷ Colin D. Butler, Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 3.

¹⁸ Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach // Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 4.

¹⁹ Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach // Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 1–35.

исследования. Маркерами выводных суждений в интродуктивном текстовом блоке являются иллокутивные глаголы (*conclude*), показывающие коммуникативное намерение автора текста или цель, которую преследует пишущий, средства когезии со значением вывода (*thus, as consequence, hence*). Например:

I conclude that while there is a growing literature on climate change within bioethics, there is very limited formal exploration of the links between these fields and potential civilization collapse²⁰.

Thus, the pressure gradient wins over gravity and originates a solar wind, transporting solar material to the local interstellar medium²¹.

As consequence, a deeper understanding of the solar wind properties is crucial to explain the main space weather processes and to make better predictions of the effects of Sun on spatial environments and atmospheres of planets²².

Hence, the study of the origin and evolution of long-lived vortices in solar turbulence is fundamental for understanding physical processes that lead to coronal eruptions²³.

Выявление иллокуций (функций высказывания, авторской интенции или намерения, мотива и цели воздействия на адресата с помощью текста) создаёт неповторимость и своеобразие текста, его непохожесть на другие тексты. Пониманию адресатом текста способствуют ментальные перформативы, отражающие текущие речемыслительные действия автора, его логические шаги при структурировании текста (рассмотрим, заметим (*notethat*), отметим, продемонстрируем, покажем), или ментальные операции (допустим (*assume*), предположим, вообразим, будем считать, представим), имплицитные перформативы (*itissuggested*) или косвенные перформативы для передачи содержания своими словами (*used, demonstrated*).

²⁰ Colin D. Butler. Bioethics, climate change, and civilization // The Journal of Climate Change and Health. 2024. №18. P. 3.

²¹ Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach // Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 10.

²² Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach // Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 13.

²³ Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach // Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 14.

Chian et al. (2014) used Hinode solar data to establish the correspondence of the network of high magnetic flux concentrations to the attracting Lagrangian coherent structures, and demonstrated that the boundaries of super granular cells are given by the maxima of the backward finite-time Lyapunov exponent of the horizontal plasma velocity, which expose the location of the sinks of photospheric flows at super granular junctions in a plage active region (косвенный перформатив)²⁴.

In business interactions, sociocultural differences in the use of humour have been suggested (Mole, 1995, Trompenaars and Hampden-Turner, 1988, Tannen, 1984) (имплицитный перформатив)²⁵.

При определении логики развёртывания научного сообщения (signposting) автор прибегает к эксплицитным перформативам. Например:

We define deception as... We first survey empirical example... Finally, we outline several potential solutions...²⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что старая информация не формально переносится из одного текста в другой, она препарируется и вводится в новые связи. Другими словами, старая информация обогащается и углубляется автором разными способами.

Грамматическая перестройка предложений, лексические, синтаксические трансформации, переосмысление и переформулирование основных мыслей, а не механическая перестановка слов из заимствованных текстов, лежат в основе формирования нового текста.

В теоретическом плане данное исследование может углубить наши представления о возможностях установления смысловой ценности и процента уникальности научных текстов для дальнейшего использования в оценке соотношения авторско-

²⁴ Chian Abraham. Terrestrial and Martian space weather: A complex systems approach // Journal of Atmospheric and Solar–Terrestrial Physics. 2024. №259. P. 9.

²⁵ Rogerson-revel Pamela. Humour in business. A double-edged sword. A study of humour and stile shifting in intercultural business meetings // Science Direct, Journal of pragmatics. 2007. №39. P. 4–28.

²⁶ Park, Peter S., et al. AI deception: A survey of examples, risks, and potential solutions // Patterns 5. 2024. №10. P. 1.

го и заимствованного в тексте, что особенно важно для цифровых систем.

В практическом ключе результаты проведённого исследования могут способствовать выработке учащимися стратегий обработки заимствованной из разных источников информации, её интерпретации и трансформирования в рамках текста при составлении рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров. Практическая значимость также проявляется в наличии конкретных рекомендаций по использованию указанных стратегий и в приведении примеров.

Исследование показало, что основными формами существования прецедентных текстов в жанре научной статьи являются устоявшиеся термины, цитаты различных видов и функций, крылатые выражения, превратившиеся в научные идиомы.

Были проиллюстрированы такие стратегии адаптации прецедентных текстов к новому контексту, как оценивание, комментирование, выявление авторских интенций и стратегия вовлечённости в процесс создания нового текста на основе предшествующих.

Проанализированные в статье тексты позволили предложить способы повышения уникальности научного текста, которые связаны с подчёркиванием новизны и инновационного видения проблемы, сравнением и оцениванием эффективности рассматриваемых научных теорий, комментированием полученных ранее результатов и экспликацией промежуточных выводов.

На основе изучения текстов разной тематической направленности было установлено, что стратегии интегрирования имеющейся в ментально-концептуальном пространстве науки информации в новый текст универсальны и не зависят от его тематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность // Интертекстуальность – поэтика чужого слова: сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 350–362.

2. Баландина Э. Г. Проблема запрета на повтор-плагиат в современной науке // *Sociology of Science and technology*. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 65–72.
3. Болтнева Н. А., Иванова И. П. К проблеме «узкого» понимания интертекстуальности в лингвистике // Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе: материалы VI Международной научной конференции (Тамбов, 20–25 мая 2017 г.). Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2017. С. 66–71.
4. Власенко С. В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. №4. С. 16–40.
5. Гришкова Л. В. Диалогизм М. М. Бахтина и современная теория интертекстуальности // Вестник Курганского государственного университета. 2012. №4. С. 26–28.
6. Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
7. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2025. 285 с.
8. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.
9. Понкин И. В., Редькина А. И. Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования. М.: ИНФРА-М, 2023. 86 с.
10. Пьеge-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
11. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: Ленанд, 2022. 280 с.
12. Bazerman C. Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts. Abingdon: Routledge, 2003. 14 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Zoya V. Mankovskaya

- e-mail: mankovskaya57@mail.ru,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department K5 'Linguistics',
Space Faculty,
Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi Branch
ul. 1-ya Institutskaya 1, Moscow Region, Mytishchi 141005,
Russian Federation

For citation

Mankovskaya, Z. V. (2025). Integration Features of Precedent Scientific Texts into an Introductory Text Block. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To consider integration strategies for precedent texts into a scientific article to combat plagiarism and increase an article uniqueness.

Methodology. Texts from scientific journals on the problems of astrophysics, cosmology, ecology, gender in business, and artificial intelligence are analyzed. When conducting the analysis, general scientific methods of description, analysis, synthesis, and comparison were used, as well as the pragmatic analysis of precedent texts in terms of the illocutionary force of utterances.

Results. Based on the study of texts of various thematic focuses, it was revealed that the strategies for integrating old information into a scientific text are universal and do not depend on the subject matter. Proposals to reduce the percentage of plagiarism in scientific papers by using strategies such as evaluation, commenting, and specifying the illocutionary force of an utterance were made.

Research implications. The results of the study can be effectively used in the process of reviewing scientific texts and writing a linguistics graduation thesis.

Keywords

mental and conceptual space of science, intertextuality, precedent text, plagiarism, uniqueness, strategies for interpreting precedent texts

References

1. Arnold, I. V. (1999). Semantics. Stylistics. Intertextuality. In: *Intertextuality as a Poetics of Someone Else's Word*. St. Petersburg: St. Petersburg University publ., pp. 350–362 (in Russ.).
2. Balandina, E. G. (2015). The Problem of the Ban on Repetition and Plagiarism in Modern Science. In: *Sociology of Science and Technology*, 6 (1), 65–72 (in Russ.).
3. Boltneva, N. A. & Ivanova, I. P. (2017). On the Problem of a Narrow Conception of Intertextuality in Linguistics. In: *Language, Culture and Professional Communication in Modern Society: Proceedings of the VI International Scientific Conference (Tambov, May 20–25, 2017)*. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin publ., pp. 66–71 (in Russ.).
4. Vlasenko, S. V. (2009). Translation Across Professional Communication Domains: Psycholinguistic Aspects of Decoding Lexical Lacunae (English-Russian Translations Compared). In: *Lomonosov Translation Studies Journal*, 4, 16–40 (in Russ.).
5. Grishkova, L. V. (2012). Bakhtin's Dialogism and the Modern Theory of Intertextuality. In: *Bulletin of Kurgan State University*, 4, 26–28 (in Russ.).
6. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian Language and Language Personality*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
7. Kristeva, Yu. (2025). *Semiotics. Studies in Semantics*. Moscow: Academiceskiy proekt publ. (in Russ.).
8. Mikhailova, E. V. (1999). *Intertextuality in Scientific Discourse (Based on Articles)* [dissertation]. Volgograd (in Russ.).
9. Ponkin, I. V. & Red'kina, A. I. (2023). *Citation as a Method of Supporting and Ensuring Scientific Research*. Moscow: INFRA-M publ. (in Russ.).
10. Piéga-Gros, N. (2008). *Introduction à L'intertextualité*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
11. Fateeva, N. A. (2022). *Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality*. Moscow: Lenand publ. (in Russ.).
12. Bazerman, C. (2003). *Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts*. Abingdon: Routledge.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОРФОЭПИЧЕСКАЯ МАНЕРА В КИНОПЕРЕВОДЕ

Филиппова Ирина Николаевна

- e-mail: little_lion06@mail.ru;
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
переводоведения и когнитивной лингвистики;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Филиппова И. Н. Индивидуальная орфоэпическая манера в кинопереводе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 05.08.2025
- Статья размещена на сайте 16.10.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Методология исследования](#)

[Регрессивная аккомодация по мягкости](#)

[Индивидуальная орфоэпическая манера И. Губановой](#)

[ИОЭМ в общеязыковых единицах](#)

[ИОЭМ в единицах ономастикона](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка влияния индивидуальной орфоэпической манеры на рецепцию киноперевода.

Процедура и методы. Ключевую роль сыграли лингвистические методы сопоставительного анализа и анализа звучащей речи. Как вспомогательные использованы лингвистический метод контекстуального анализа и общенаучные методы направленной выборки, количественного анализа, визуализации и классификации. Выявлены факты индивидуальной орфоэпической модели И. Губановой, озвучившей мисс Марпл в русскоязычном войсовере сериала «Miss Marple».

Результаты. Доказаны негативные последствия индивидуальной орфоэпической манеры, диссонирующей с массовой произносительной манерой, в отношении единиц иноязычного ономастикона, разрушающей единство кинотекста и препятствующей погружению зрителей в изображаемый мир. Исследованы причины дискоммуникации, проявляющиеся как синкетизм динамики орфоэпической нормы русского языка, различия языков оригинала и перевода в фонемном составе и графике.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в пополнении системы знаний о кинопереводе и развитии терминологического аппарата. Практическая значимость состоит в том, что обоснована необходимость оптимизации скрипта для озвучивания фильма, предложены средства её достижения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

диссонанс, индивидуальная манера, киноперевод, войсовер, орфоэпия, синкетизм

ВВЕДЕНИЕ

Индивидуальная манера в области языкоznания исследована во многих аспектах. В рамках традиционного языкоznания широкое освещение получили вопросы индивидуального авторского стиля (или идиостиля) в русле стилистики (на общем с литературоведением поле), проявляющегося на всех уровнях языковой системы и в разных дискурсивных сферах. Различными научными школами в лингвистической парадигме переводоведения многократно описаны индивидуальные

особенности переводческой манеры, создающие феномен переводной множественности при передаче одного оригинала. В связи с развитием интерсемиотического переводоведения интерес лингвистов привлекли аспекты индивидуальной стратегии экранизации литературы и иных первоисточников (комиксов, анимации). Центром представляемого анализа служат ранее не выявленные факты индивидуальной манеры актёра дубляжа в кинопереводе, которые распространяются на фонологический уровень. Объектом выступают индивидуальные отклонения от общей фонологической картины закадрового озвучивания, влекущие разнообразные негативные последствия. Предмет составляют дискоммуникация, спровоцированная индивидуальной манерой озвучивания, и её причины. Материал черпается из дублированной на русский язык версии сериала «Miss Marple» 1984–1992 гг. 12 фильмов переданы на русский язык в технологии озвучивания overvoice (которая, впрочем, в то время не имела такого наименования, а скрывалась за родовыми терминами киноперевод и дубляж, а в эмпирическом материале – в титровой номинации озвучивание: «фильм озвучен по заказу ОРТ»¹, «фильм озвучен по заказу линии “Другое кино”»²).

¹ Тело в библиотеке (англ. The Body in the Library) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/1-pervaya-seriya-telo-v-bibliotekе.html> (дата обращения: 31.07.2025); Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025); Объявлено убийство (англ. A Murder is Announced) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/3-obyavleno-ubiystvo.html> (дата обращения: 31.07.2025); Карман, полный ржи (англ. A Pocket Full of Rue) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/4-karman-polniy-rji.html> (дата обращения: 31.07.2025); Убийство в доме викария (англ. The Murder at the Vicarage) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/5-ubiystvo-v-dome-vikariya.html> (дата обращения: 31.07.2025); В 4:50 из Паддингтона (англ. 4.50 from Paddington) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/9-v-4-50-iz-paddingtona.html> (дата обращения: 31.07.2025); С помощью зеркал (англ. They Do it with Mirrors) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/11-s-pomoschyu-zerkal.html> (дата обращения: 31.07.2025); Зеркало треснуло (англ. The Mirror Cracked from Side to Side) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/12-zerkalo-tresnulo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

² Забытое убийство (англ. The Sleeping Murder) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/6-zabitoe-ubiystvo.html> (дата обращения: 31.07.2025); Отель «Бертрам» (англ. At Bertram's Hotel) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/7-otel-bertram.html> (дата обращения: 31.07.2025); Немезида (англ. Nemesis) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/8-nemizida.html> (дата обращения: 31.07.2025); Карибская тайна (англ. A Caribbean Mystery) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/10-karibskaya-tayna.html> (дата обращения: 31.07.2025).

Главную роль во всех фильмах исполнила Джоан Хиксон, а озвучила её в русскоязычной версии Ирина Губanova – она стала русским голосом мисс Марпл (так же, как Рудольф Панков стал русским голосом Эркюля Пуаро), и этого не изменили вышедшие на экран последующие фильмы с любимой героиней Агаты Кристи (*Agatha Christie's Marple*) с другими актрисами в главной роли, озвученные на русский язык другими голосами.

Как часто бывает в кинопереводе, И. Губanova была задействована в озвучивании не только титульной роли, её голосом говорят и иные персонажи: мисс Блеклок (в фильме «*A Murder is Announced*»), мисс Лестрейндже («*The Murder at the Vicarage*»), миссис Патриция Фортескью и мисс Хендерсон («*A Pocket Full of Rue*»), миссис Брган, миссис Бэдлок и Элла Зелински («*The Mirror Cracked from Side to Side*»), мадам Жюльет и даже подросток Александр Истли («*4.50 from Paddington*»). Многоголосый дубляж в эпоху советского киноперевода нередко ограничивался двумя мужскими и двумя женскими голосами, которым приходилось справляться с весьма непростыми задачами озвучивания персонажей, число которых в фильмах иногда превышало два десятка.

Весьма примечательно, что в некоторых сценах И. Губановой приходилось озвучивать участающих в беседе двух героинь, т. е. как бы вести диалог с самой собой (в фильмах «*A Murder is Announced*», «*The Murder at the Vicarage*», «*A Pocket Full of Rue*», «*The Mirror Cracked from Side to Side*»). В таких случаях она старалась несколько изменить голос для одной из дам: приглушить, придать хрипотцы, чтобы дифференцировать персонажей и не провоцировать диссонанса звукового оформления с визуализацией в кадре, который мог возникнуть в таком случае. Однако такие голосовые манипуляции не распространились на её фонологическую манеру регressiveвой палатализации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой исследования послужили работы в области аудиовизуального перевода, в частности киноперевода [9; 10; 13], общего перевода, особенно фокусирующиеся на индивидуальной переводческой манере [4; 8; 11; 12], коммуникативной лингвистики [3] и фонологии русского языка [6; 7]. В работе использован интегративный подход, объединяющий

общенаучные методы с частнонаучными, субъективный анализ – с объективным инструментальным.

Общенаучные методы нашли широкое применение в подготовке эмпирической базы (наблюдение, направленная выборка) и её анализе (логические операции анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения, количественный анализ, визуализация данных, классификация). Среди лингвистических методов в работе задействованы контекстуальный и сопоставительный анализ, аудитивный анализ звучащей речи, программа фонетического анализа звучащей речи «Praat». Объективный инструментальный анализ, выполненный «Praat», позволяет верифицировать (в сопоставлении осцилограммы со спектрограммой) выявленные аудитивным анализом факты аккомодирующего смягчения твёрдого согласного в предшествовании мягкому согласному. Различие динамического спектра, маркирующего мягкость согласного, представлено на рисунке 1, где факты различной артикуляции отчётливо демонстрируют фонологическую разницу (в первом случае – мягкого е['c]ли, во втором – твёрдого если).

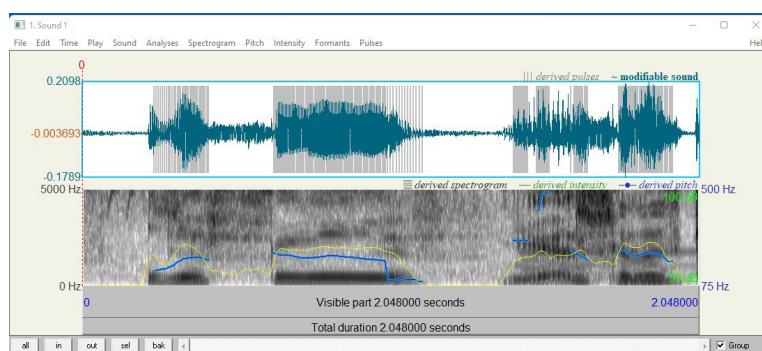

Рис. 1 / Fig. 1. Артикуляционное различие средствами «Praat» (е['ç]ли и если) / Articulatory difference of compared units by means of Praat (е['ç]ли и если)

Источник: создано автором с помощью программы «Praat» на основе фактов войсовера фильма «Карибская тайна» (англ. A Caribbean Mystery) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/10-karibskaya-tayna.html> (дата обращения: 31.07.2025).

К работе привлечены надёжные лексикографические источники: «Большой орфоэпический словарь русского языка», портал «Карта слов и выражений русского языка». Для преобразования аудиодорожки кинотекста в скрипт использован онлайн-инструментарий автоматизированного субтитрования «Speech2text.ru».

РЕГРЕССИВНАЯ АККОМОДАЦИЯ ПО МЯГКОСТИ

Этот фонетический процесс обеспечивает смягчение согласных, позиционно соседствующих в слове с мягким консонантом, т. е. тогда, когда «рекурсия предыдущего звука приспособляется к экскурсии последующего»³, захватывая и исконные, и заимствованные единицы: *ба[с]ня, [в']ме[с]те, [д']ве, [д']верь, ле[з]вие, ле[с]тница, пе[р'с]ень, пе[с]ня, по[с]ледний, пу[с]як, [с']видетель, [с']мерть, [с']нег, [с']тена, че[т']верть, экспа[н']сия, ко[с]тюм* и др. Этот процесс описывается терминами «аккомодация», «ассимиляция», «коартикуляция», «палатализация»⁴ [6, с. 8–9]. Нередко он преодолевает морфемный шов, чаще между приставкой и корнем: *втереть, известный, не смей, отделяться, оттенок, разведка, развернуть, сведение, сделка, смена* и др. В некоторых случаях регressive палатализация подчиняет даже отдельные лексемы, которые клитиками входят в состав фонетического слова: *без тебя, из них, от неё, с мячом, с некоторыми и др.*

Орфоэпическая норма русского языка допускает возможность регressive аккомодации по оппозиции твёрдости – мягкости консонантов, создавая вариантность фонологического оформления единиц с таким позиционным сочетанием фонем. Большой орфоэпический словарь русского языка⁵ фиксирует различную норму таких вариантов. Для единиц *бомбить, вверх, вмешиваться, естественно, пьеса, посвящать, сейф, сметана* оба варианта (для *естественно* – три варианта: *естественно – е[с']тественно – есте[с'т'в]ленно*) равновозможны и

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 35.

⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 308–309; Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 25, 250.

⁵ Большой орфоэпический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-orfoepicheskij-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 31.07.2025).

в равной степени соответствуют современной норме. В других случаях вариант с двумя мягкими согласными отмечен как допустимый в старшей норме (т. е. выходит из активного употребления, устаревает): *всякий, вчетверо, дверь, двести, изменить, извинить, съездить, съесть, смелый, смена, смерть* (где [д]вести и две[с]ти, [с']есть, [с']ездить [с']мерть сопровождаются пометой). В иных случаях словарь указывает на отклонение от современной нормы, маркируя соответствующие варианты пометой «устарелое»: [д]вижение, пе[р']стень, [с']ветило, [с']видание, [с']вятой, сме[р']ть, [г']вёрдый. Склонность к произносительной манере с контактным смягчением (в тех случаях, где оно вариантно) демонстрировали такие актёры, как Олег Даль, Нина Дорошина, Михаил Жаров, Николай Крючков, Василий Ливанов, Павел Меркульев, Софья Пильская, Ростислав Плятт и др.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОРФОЭПИЧЕСКАЯ МАНЕРА И. ГУБАНОВЫЙ

Гипотеза о том, что такая фонологическая манера намерена, как осознанная стратегия в работе актрисы дубляжа, и призвана отразить обманчивую миловидность старушки-сыщицы, не нашла подтверждения. В иных кинопроектах регressive палатализация в речи И. Губановой представлена не в меньшей степени. В фильме «Первый троллейбус» представлено такое произнесение мягких согласных во многих сегментах её речи: *Ес'ли не просплю. ... А что я хочу, Вас никого не ин'тересует? ... Что они с'делали с этой стервой?*⁶.

Особенно заметна описываемая артикуляционная манера в контрасте с речью других актёров, которые не пользуются регressive аккомодацией и представляют иной орфоэпический вариант. В диалоге с героем Александра Демьяненко две версии одной лексемы отчётливо различаются, выявляя индивидуальную манеру актрисы: *Это можно после. – По[с']ле обеда?*⁷. В полилоге реплики мужских персонажей служат фоном, на котором ярко выделяется артикуляционная манера И. Губановой:

- Вот у вас интересно в институте?
- Очень интересно.
- Ну и что. Вот ему и[н']тересно, а мне нет⁸.

⁶ Первый троллейбус [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/4483715566132>. (дата обращения: 31.07.2025).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

В связи с этим контрастом предлагаем для обозначения исключительной (на фоне фонетических реализаций иных участников кинопроекта) произносительной манеры термин *индивидуальная орфоэпическая манера* (далее ИОЭМ).

В озвученных И. Губановой фильмах киносериала «Miss Marple» аналогичные случаи частотны. В массиве дубляжной аудиодорожки направленной выборкой и аудитивным анализом выявлено 266 фактов ИОЭМ И. Губановой, среди которых представлены различные тенденции.

ИОЭМ В ОБЩЕЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦАХ

В эмпирической базе обнаружено 266 примеров ИОЭМ: 236 фактов относятся к 24 общеязыковым единицам, реализованным в пределах одной лексемы, 11 фактов – к синтагматически комбинаторным (реализованным фонетическим словом, объединяющим проклитику со значимой единицей), 19 – затрагивают 9 единиц ономастикона. Ниже в порядке убывания частотности в эмпирической базе представлены факты ИОЭМ в таких микроконтекстах, которые отражают жанровую специфику детектива и идиостиль А. Кристи [5, с. 11].

Наибольшую частотность (52 факта) демонстрирует союз *если*, что неудивительно в связи с жанровой спецификой детектива, где причинно-следственные отношения взаимодействуют с функционально-семантическим полем кондициональности [2]: *Е[с]ли вы думаете, что мои скромные способности могут быть как-то полезны...*⁹; *Мы приходим в этот мир не для того, чтобы прятаться от опасности, тем более е[с]ли на карту поставлена жизнь человека*¹⁰; *Я хочу сказать, что для всех было бы лучше, е[с']ли бы вы оставили прошлое в покое*¹¹. Именно эта единица представлена в контрасте с иным произнесением, максимально эксплицируя различие ИОЭМ актрисы дубляжа и иную артикуляцию:

- *Мог быть очень серьёзный мотив, е[с']ли...*
- *Если?..*

⁹ Тело в библиотеке (англ. The Body in the Library) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/1-pervaya-seriya-telo-v-bibliotekе.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁰ Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹¹ Забытое убийство (англ. The Sleeping Murder) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/6-zabitoe-ubiystvo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

– Е[с']ли он собирался совершить убийство¹².

Второе место по частотности (44 факта) занимает единица здесь. Очевидно, высокая активность этой лексемы определена её значимостью в локально- temporальной системе координат, составляющей характерную особенность детективных рассказов и романов: Я [з']десь, чтобы сообщить про убийство¹³; [З']десь что-то происходит, но я не знаю, что. Понимаю, что это [з']десь, но не могу понять, что именно¹⁴; Я [з']десь, я [з']десь, дорогая!¹⁵.

Сходные количественные показатели (43 факта) демонстрирует лексема *сделать*, которая как глагол действия закономерно активна в канве сюжета о преступлении и его раскрытии: Больше мы ничего не можем [с']делать¹⁶; Но она выйдет замуж и [с']делает из него то, что она хочет¹⁷; Лучшее, что она могла [с']делать, это покончить с собой¹⁸.

Меньше представлены лексемы с фонетическим комплексом посл-(23 факта), в которых проявляется не только единство фонетического облика, но и синкретизм таксида и каузативности [1]: Простите, любопытную старуху, но какой из полиции по[с']ледовал ответ?¹⁹; Человеку становится одиноко, когда умирает по[с']ледний, последний, кто всё помнил²⁰; Пока это не привело к ужасным по[с']ледствиям²¹; Как распределится ваше состояние по[с']ле вашей смерти²²; А что с по[с']ледней одной десятой?²³.

¹²Карибская тайна (англ. A Caribbean Mystery) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/10-karibskaya-tayna.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹³ В 4:50 из Паддингтона (англ. 4.50 from Paddington) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/9-v-4-50-iz-paddingtona.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁴ Немезида (англ. Nemesis) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/8-nemizida.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁵ Забытое убийство (англ. The Sleeping Murder) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/6-zabitoe-ubijstvo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁶ Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁷ В 4:50 из Паддингтона (англ. 4.50 from Paddington) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/9-v-4-50-iz-paddingtona.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁸ Зеркало треснуло (англ. The Mirror Cracked from Side to Side) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/12-zerkalo-tresnulo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

¹⁹ Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁰ Объялено убийство (англ. A Murder is Announced) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/3-obyavleno-ubijstvo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²¹ Убийство в доме викария (англ. The Murder at the Vicarage) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/5-ubijstvo-v-dome-vikariya.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²² Карибская тайна (англ. A Caribbean Mystery) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/10-karibskaya-tayna.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²³ Зеркало треснуло (англ. The Mirror Cracked from Side to Side) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/12-zerkalo-tresnulo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

Приближается к этой частотности (20 примеров) и единица интересно в купе с дериватами: *Да, да, это весьма и[н']тересно²⁴*, *И[н']тересно, это не приходило мне в голову²⁵*; *Пожалуйста, держите меня в курсе: в моей жизни так мало и[н']тересного!²⁶*; *Она боялась, ... что полиция заи[н']тересовалась бы этим²⁷*. Количественные показатели этой группы могли бы быть меньше, если бы переводчики (и / или укладчики) в отдельных случаях заместили их контекстуально уместными любопытно, странно, однако или вот как. Очевидно, отказ от этих альтернатив продиктован склонностью к наиболее частотным межъязыковым соответствиям и к передаче англоязычной прагматике простоты [14, р. 24–27].

Единица связь и производные от неё представлены в 12 примерах, контексты которых отражают каузативность, играющую важную роль в детективе: *Вы ссоритесь, как люди, которых [с'] вязывает нечто большее, чем просто любовный роман. Это было что-то, [с']взанное с кино, правда?²⁸*; *Мне кажется, всё это как-то [с']взано с «Бертрамом»²⁹; Я не вижу никакой [с']вязи³⁰.*

Некоторые единицы ИОЭМ фигурируют в наложенной аудиодорожке фильма спорадически, не более 4 раз каждая. В общем зачёте таких единиц – 42. До [с']виданья:³¹; *Это фактически лже[с']видетельство³²; Можно мне вы[д']винуть предположение³³; Убийца выходит на [с']вет. Будто весь дом и всё в нём – это ги-*

²⁴ Тело в библиотеке (англ. The Body in the Library) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/1-pervaya-seriya-telo-v-bibliotekе.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁵ Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁶ Забытое убийство (англ. The Sleeping Murder) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/6-zabitoe-ubiystvo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁷ Убийство в доме викария (англ. The Murder at the Vicarage) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/5-ubiystvo-v-dome-vikariya.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁸ Тело в библиотеке (англ. The Body in the Library) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/1-pervaya-seriya-telo-v-bibliotekе.html> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁹ Отель «Бертрам» (англ. At Bertram's Hotel) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/7-otel-bertram.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁰ Карман, полный ржи (англ. A Pocket Full of Rue) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/4-karman-polniy-rji.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³¹ Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025); Немезида (англ. Nemesis) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/8-nemizida.html> (дата обращения 31.07.2025).

³² Тело в библиотеке (англ. The Body in the Library) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/1-pervaya-seriya-telo-v-bibliotekе.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³³ Отель «Бертрам» (англ. At Bertram's Hotel) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/7-otel-bertram.html> (дата обращения: 31.07.2025).

гантская подделка. Там, где есть завещание, есть необходимость [с]мерти завещателя. Это нам и[з]вестно³⁴; У вас красавая церковь³⁵; Я [с]бита с толку. Профессор, познакомьтесь с моими а[н] гелами-хранителями³⁶.

Итоги представленного анализа подведены в таблице (см. табл. 1), отображающей все значимые аспекты (количественные и качественные) выявленных фактов ИОЭМ.

За пределы одной лексической единицы регрессивная палатализация в наблюдаемом фактическом материале выходит лишь в 11 случаях, где служебное слово (предлог в роли проклитики) коартикулирует со знаменательным (местоимением, существительным или прилагательным с экспкурсивным мягким согласным): Я лишь хочу сказать, что Ваш друг Конуэй Джейферсон – богатый, влиятельный и умный человек, который не потерпит, чтобы и[з] него делали дурака³⁷; Вернувшись домой, он заходит в детскую, где наливает чашку чая и [с] ней идёт в комнату жены³⁸; Я привлеку Вас к ответу, с помощью закона или бе[з] него. Я провела с' ней немало времени. Глэдис попала ко мне и[з] детского дома. Она все время мечтала о том, что никогда не могло [с] ней случиться. Особенно эта выходка [с'] прищепкой. Связано ли жестокое убийство известного финансиста мистера Рекса Фортескью [с'] чёрной магией³⁹; Мы ничего не можем бе[з] них сделать. В тот вечер, когда Руди умер, мы собирались пойти [ф] кино. Инспектор Крэдлок, удачно поговорили [с'] Мирной? И она предложила Вам переехать [к'] ней⁴⁰.

³⁴ Карман, полный ржи (англ. A Pocket Full of Rue) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/4-karman-polniy-rji.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁵ Убийство в доме викария (англ. The Murder at the Vicarage) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/5-ubiystvo-v-dome-vikariya.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁶ Немезида (англ. Nemesis) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/8-nemizida.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁷ Тело в библиотеке (англ. The Body in the Library) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/1-pervaya-seriya-telo-v-bibliotekе.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁸ Одним пальцем (англ. The Moving Finger) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/2-odnim-palcem.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³⁹ Карман, полный ржи (англ. A Pocket Full of Rue) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/4-karman-polniy-rji.html> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴⁰ Объявлено убийство (англ. A Murder is Announced) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/3-obyavleno-ubiystvo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

Таблица 1 / Table 1.

Результаты анализа общеязыковых единиц / Analysis results of the general language units

единица ИОЭМ	орфоэпическая маркированность		кратность
	наличие	детализация	
если	–		52
здесь	+	младшая норма	44
сделать	–		43
после	–		23
ин'тересно	–		20
связь	+	устарелое	12
ангел	+	старшая норма	1
вверх	–		4
вместе	–		3
дверь	+	старшая норма	3
выдвинуть	+	устарелое	1
свидание	+	устарелое	4
свидетельство	+	старшая норма	1
известно	+	старшая норма	3
извинить	+	старшая норма	2
подделка	–		3
сбегать	+	устарелое	1
сбить	+	устарелое	1
сведение	+	старшая норма	2
свет	+	устарелое	3
свеча	+	старшая норма	3
смерть	+	старшая норма	4
смеяться	+	старшая норма	2
церковь	+	устарелое	1

ИОЭМ В ЕДИНИЦАХ ОНОМАСТИКОНА

В эмпирическом массиве эксплицитны случаи ИОЭМ в ономастических единицах, причём без регрессивной экспансии, а в пределах взаимодействия одного согласного и одного гласного. 8 антропонимов и 1 топоним озвучены И. Губановой в

её отличительной ИОЭМ и представлены кратко на фоне иной артикуляции другими актёрами озвучивания. В этом отношении примечательна очерёдность появления разных версий одного онима в континууме войсовера. Попеременное следование версий одной единицы, реализованной по-разному фонетическими ресурсами русского языка, обеспечивает вариативность имён и фамилий героев и названий мест действия, которая не остаётся не замеченной зрителями. Собственные имена в кинотексте ярко отражают принадлежность к иноязычному культурному коду, поэтому различные их варианты озвучивания разрушают единство кинотекста.

В фильме «The Body in the Library» разные версии проявлены в отношении фамилий персонажей *Тёрнер* и *Гаскел*, в исполнении И. Губановой в ИОЭМ они звучат с палатализацией как *Tér[n]er* и *Gac[k]el*. В целом эти единицы актуализируются в русскоязычном кинотексте по 16 раз, и каждый из них дважды представлен в ИОЭМ после 13-кратного озвучивания без регрессивного смягчения, в схематичном отображении (где полужирным шрифтом выделены факты ИОЭМ): 13 2 1. У зрителей к этому моменту сформирована языковая картина, в которой действуют антропонимы с непалатализованной артикуляцией, поэтому сбой от вторжения в эту картину новой версии онима реципиенты воспринимают отчётливо – с удивлением и / или негативно.

Несколько иная ситуация в фильме «The Moving Finger». Здесь ИОЭМ коснулась единственного антропонима – *Меган*. Это имя фигурирует в кинотексте 23 раза, и только дважды проявляется аккомодация по мягкости. Интересно, что сначала имя выступает без смягчения, затем с небольшим временным отрывом представляется в ИОЭМ, за которой следует 17 фактов, сменяющихся снова палатализованной версией, а завершается озвучивание онима троекратным воспроизведением без аккомодации: 1 1 17 1 3. Особенно удивительно, что последнюю версию произносит именно И. Губанова, причём произносит в массовой непалатализованной манере, очевидно, после комментария членов дубляжной команды или по результатам наблюдения за оформлением онима другими актёрами. Примечательно также, что программа преобразования звукозаписи в письменный текст предлагает четыре разных варианта орфографической передачи имени: *Меган*, *Мэган*, *Мегган* и *Мэгган*.

Весьма любопытные наблюдения предоставлены материалом озвучивания фильма «A Murder is Announced», в котором вариативность захватывает три антропонима и один топоним: Блеклок, Хеймс, Флетчер и Чипен-Клегхорн. Количественные показатели представленности этих единиц и их очерёдность в кинотексте разнятся, проявляя разные тенденции эффекта, оказываемого на зрителей.

Наибольший интерес вызывает артикуляционное оформление фамилии центральной героини мисс Блеклок, которая фигурирует в репликах разных персонажей 64 раза и только дважды – в реализации ИОЭМ: до актуализации палатализованной версии онима он уже 26 раз представлен в кинотексте russkoyazychnymi актёрами, затем, перемежаясь с однократными «вторжениями» ИОЭМ, снова озвучивается без смягчения согласного: 26→1→1→1→37. Конечно, такие резкие контрасты удивляют (и / или шокируют) зрителей, особенно с учётом попременности ИОЭМ в центре вербального континуума. Заметим, что в финальных репликах, озвученных И. Губановой, антропоним всё же подчиняется массовой манере. Причинами могут выступать озвученные выше обстоятельства или использование транскрибирования в межъязыковой передаче (например, при включении в работу нового переводчика или редактора). Заметим также, что программа субтитрования Speech2text показала широкий диапазон версий онима: Блеклок, Блэклок, Бэлклок, Блэклэк, Блеклог, Блек-Клокк, Блэкблэк, Блаклок, Блаклак, Блэкфорд, Блэкблок, Блэклоп, Блэклэд.

Фамилия Хеймс упоминается в сюжете фильма 24 раза, чередуя ИОЭМ и массовую артикуляцию по использованной выше схеме следующим образом: 1→9→2→12. Примечательно, что этот антропоним задействует две разные формы фонетической реализации в максимально тесном контексте (в 6 репликах – 4 факта):

- Филиппа?
- Хеймс.
- [Х]еймс, вот как. Я знала одного [Х]еймса. Он служил в кавалерии. Может, это её отец?
- Она миссис Хеймс, вдова⁴¹.

⁴¹ Объявлено убийство (англ. A Murder is Announced) [Электронный ресурс]. URL: <https://miss-marpl.ru/3-obyavleno-ubiystvo.html> (дата обращения: 31.07.2025).

Антропоним *Флетчер*, однократно произнесённый И. Губановой с ИОЭМ, разрывает прочие 6 упоминаний посередине (3→1→3). Деревня *Чипен-Клегхорн* упоминается в русскоязычном кинотексте 11 раз, при этом 5-кратно название озвучено в ИОЭМ с постоянным чередованием вариантов (3→2→1→2→2→1), образуя хаос фонетического облика топонима в восприятии зрителей.

В фильме «*They Do it with Mirrors*» из 11 фактов актуализации антропонима *Серроколд* только один реализует ИОЭМ и позиционно следует за двумя первыми упоминаниями онима в кинотексте, и далее задействован бессменно только массовый вариант (без регressiveного смягчения): 2→1→8. Тем не менее такое однократное вторжение в общую картину озвучивания фамилии диссонирует явно и ярко с общим фоном иноязычности антропонимикона. По-видимому, в скрипте для русскоязычного войсовера анализируемая единица представлена так же, как и в информации на сайте Кино-театр.ру⁴²: она передана в кириллической графике с помощью буквы «е», тогда как надо было бы – ввиду разницы фонетических систем русского и английского языков – использовать в данном сочетании «э»: *Сэрроколд*. Такая орфография позволила бы избежать разнотений в артикуляции иноязычного онима отечественными актёрами.

Несколько особняком в наблюдаемых примерах стоит антропоним *Лейк*. Это фамилия сержанта полиции, который является «сквозным» персонажем в текстах А. Кристи о расследованиях мисс Марпл и в сериале (в фильмах «*The Body in the Library*», «*4.50 from Paddington*», «*They Do it with Mirrors*» и «*The Mirror Crack'd from Side to Side*»). До последнего фильма сериала «*The Mirror Crack'd from Side to Side*» этот антропоним актуализирован в единой версии – с твёрдым согласным в экскурсии, и только в последнем фильме фамилия сержанта звучит иначе из уст мисс Марпл – в исполнении И. Губановой, в её ИОЭМ. Неожиданная новая для зрителей интерпретация (с мягким согласным) разрывает сформировавшийся стереотип восприятия: зрители привыкли к иной версии онима, т. к. он ранее уже 16 раз звучал в массовой манере. Столкнувшись в последней истории с его новой фонетической формой, реципиенты испытывают замешательство и могут заподозрить недо-

⁴² Мисс Марпл: С помощью зеркал (1991) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/33541/titr> (дата обращения: 31.07.2025).

брожевестность актёров озвучивания. Дополнительный комический эффект, спровоцированный сходством с фонетическим обликом единицы лейка (имеющей в своей семантике значение примитивности: ‘простейший инструмент для полива’⁴³), также отвлекает реципиентов от погружения в кинотекст. Косвенный повод к такой артикуляции, конечно, даёт и графика русского языка. Учёт особенностей ИОЭМ актрисы дубляжа, различия фонетических систем контактирующих языков и оформление скрипта для озвучивания русскоязычными актёрами позволили бы избежать этой курьёзной ситуации.

На диаграмме ниже (см. рис. 2) представлены данные количественного соотношения массовой реализации и ИОЭМ в отношении единиц ономастикона в эмпирической базе.

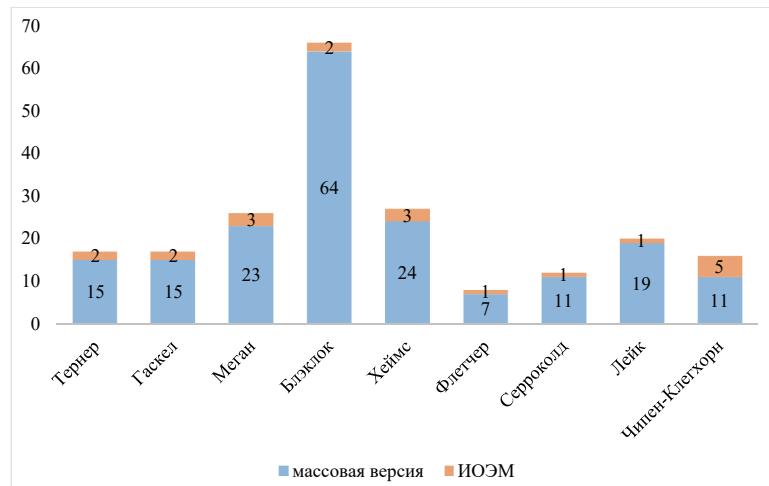

Рис. 2 / Fig 2. Соотношение массовой реализации и ИОЭМ / The relationship between mass implementation and individual orthoepic manner

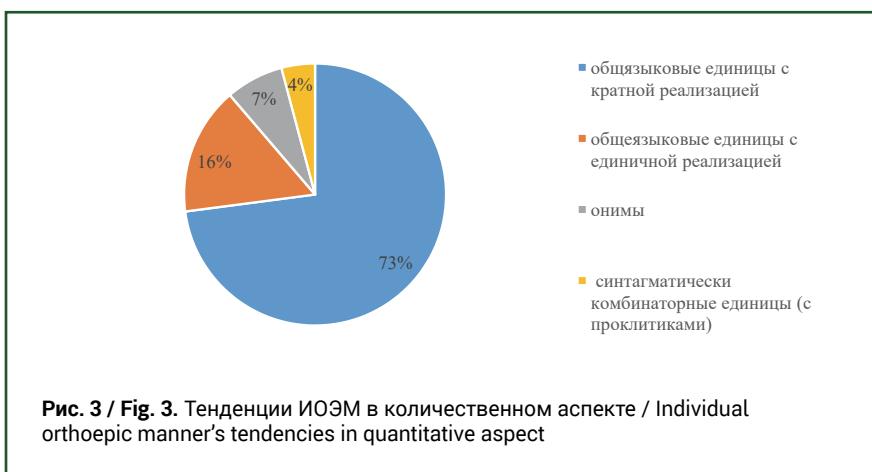
Важный аспект в выявленных фактах контраста ИОЭМ и массовой артикуляции онимов – влияние на восприятие реципиентами. Разные версии иноязычных имён собственных в реализации фонологической системы русского языка приводят к тому, что прецизионная информация утрачивает свою глав-

⁴³ Значение слова ЛЕЙКА // Карта слов и выражений русского языка: [сайт]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/лейка> (дата обращения: 31.07.2025).

ную характеристику – самоидентичность (соотнесённость с персонажем) и инвариантность. Появляются векторы разного фонологического облика имени. Это подрывает доверие зрителей к кинотексту. Это фактор проявления множественности, обусловленной в большей степени субъективно (человеческим фактором), чем различием систем консонантизма английского языка (не имеющего палатализации) и русского языка (с функционально значимой оппозицией по твёрдости / мягкости).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, разумно представить визуализацию количественных данных в наблюдаемом материале (см. рис. 3), где показаны основные тенденции выявленной ИОЭМ. При расчёте за 100% приняты все факты реализации ИОЭМ И. Губановой – 266 в исследованном массиве, среди которых выделены вышеописанные тенденции.

Представленная работа позволяет сделать следующие основные выводы:

1. ИОЭМ в русском языке обеспечена вариантностью и подвижностью орфоэпической нормы в отношении регressiveвой контактной аккомодации. Это даёт возможность разных вариантов произнесения одних и тех же общеязыковых единиц. Различное звучание, особенно в узких контекстах, вызы-

вает некоторое удивление русскоязычных зрителей, но не оказывает негативного воздействия на рецепцию фильма.

2. Представленность общеязыковых единиц с вариативной фонетической реализацией во всех текстах обусловлена в значительной степени синкретизмом таксида с условием и причинностью как центральными модально-семантическими характеристиками детектива. Различная частотность таких единиц – от многократных до единично актуализированных – определена стратегией переводчиков и укладчиков, в частности их выбором наиболее частотных единиц из возможных альтернативных переводческих решений.

3. Отсутствие палатализации в системе консонантизма языка оригинала (английского) и различие графики контактирующих языков (кириллицы в языке перевода и латиницы в языке оригинала) создают условия для разных способов передачи единиц ономастикона, которые в связи с ИОЭМ получают разные и весьма различающиеся формы артикуляции. Это наносит урон прецизионной информации, разрушает единство вербальной и визуальной составляющей кинотекста и вызывает негативное впечатление у зрителей.

В заключение подчеркнём, что киноперевод является одним из самых востребованных направлений переводческой деятельности и представляет собой систему взаимодействующих компонентов (верbalного, визуального, аудитивного контента), межъязыковая и межкультурная передача которых требует интегративного подхода. Полисубъектность и мультифакторность киноперевода обуславливают выявленные причины дискоммуникации: синкретизм динамики орфоэпической нормы русского языка, различия русского (языка перевода) и английского (языка оригинала) в фонемном инвентаре и графическом инструментарии алфавита.

Прикладное значение представленного исследования видим в необходимости дальнейшего роста качества киноперевода, особенно в связи с выявленными негативными последствиями разнооформленности собственных имён в реализации ИОЭМ. Во избежание дискоммуникации необходима унификация произносительной манеры (единая политика чтения иноязычных имён). Можно рекомендовать студиям звукозаписи, осуществляющим запись голосовера, использовать комментарии или представлять единицы иноязычного ономастикона средствами русскоязычной графики, не допускающими

вариативности. Особенное значение такой подход приобретает в межъязыковой и межкультурной передаче длительных проектов (сериалов с несколькими сезонами и / или эпизодами-фильмами или многосерийных фильмов), в которых необходимо сохранять единство ономастикона на протяжении всего континуума вербального кинотекста.

Перспективу исследования могут составить поиск законо-мерностей и анализ причин ошибок межъязыковой трансляции онимов в протяжённых сериалах, исследование индивидуальной орфоэпической манеры в последовательном и синхронном переводе, в работах по психолингвистике, прагмалингвистике и коммуникативной лингвистике, где ИОЭМ может стать отдельным предметом изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35. №2. С. 447–451. DOI: 10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451
2. Архипова И. В. Таксис и кондициональность в аспекте поликатегориального синкретизма // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №7. С. 120–122. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.07.03
3. Волкова Я. А., Панченко Н. Н., Пригарина Н. К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвокогический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. №1. С. 138–150. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.11
4. Демьянков В. З. Перевод как путешествие по возможным и невозможным мирам // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. №3. С. 26–39. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-3-2
5. Касымбекова А. А. Проблема адекватности в диахронии перевода (на материале романов А. Кристи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 21 с.
6. Князев С. В. Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке // Вопросы языкоznания. 2021. №3. С. 7–25. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.7-25
7. Князев С. В. Фонемный статус мягких заднеязычных согласных в русском языке: синтагматика и структура словаря // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №11-2. С. 91–97.

8. Кушнина Л. В., Кан С. Антропонимическая метафора как когнитивный маркер комического в культурном пространстве перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2022. №1. С. 173–182.
9. Маленова Е. Д. Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. №6. С. 101– 107. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_6_874_101
10. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
11. Мисникович Т. В. «В буквальном смысле слова пересоздать на другом языке»: к вопросу о специфике переводческой манеры Федора Сологуба // Русская литература. 2021. №4. С. 123–129. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-123-129
12. Плунгян В. А. Г. А. Шенгели как теоретик и как практик стиха // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. №4. С. 158–168. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-4-11.
13. Филатова Е. А. Комплексная модель оценки аудиовизуального перевода и лингво-функциональный анализ динамики кинопреводческих норм в 1960-2010 гг. (на материале англоязычной документалистики о живой природе): автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2021. 20 с.
14. Strunk W. Jr., White E. B. The Elements of Style. New York: Harcourt, Brace and Company, 1918. 60 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Irina N. Filippova

- e-mail: little_lion06@mail.ru,
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Filippova, I. N. (2025). Individual Orthoepic Manner in Film Dubbing. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To assess the influence of individual orthoepic manner on the reception of film translation.

Methodology. Linguistic comparative analysis and analysis of spoken language were key research methods. The author also used auxiliary linguistic method of contextual analysis and general scientific methods of targeted sampling, quantitative analysis, visualization and classification. This helped to reveal the facts of the individual orthoepic model of I. Gubanova, who voiced Miss Marple in the Russian dubbing of "Miss Marple."

Results. The negative consequences of the individual orthoepic manner, dissonant with the mass pronunciation manner, in relation to units of foreign language onomasticon are proven; they destroy the film text unity and prevent immersing in the depicted world. The causes of discommunication, manifested as syncretism of the dynamics of the orthoepic norm of the Russian language, differences in the phonemic composition and graphics of the original and translation languages, are studied.

Research implications. The system of knowledge about film translation and the terminological apparatus are expanded. The need for dubbing script optimization is substantiated, and means for achieving it are proposed.

Keywords

dissonance, individual style, film dubbing, voiceover, orthoepy, syncretism

References

1. Arkhipova, I. V. (2025). The Category of Taxis as a Semantic Focus of Intercategorical Interaction. In: *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 35 (2), 447–451. DOI: 10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451 (in Russ.).
2. Arkhipova, I. V. (2020). Taxis and Conditionality in the Aspect of Poly-categorical Syncretism. In: *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 7, 120–122. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.07.03 (in Russ.).
3. Volkova, Ya. A., Panchenko, N. N. & Prigarina, N. K. (2023). Discommunication: Intercultural, Discursive, and Linguo-ecological Aspects. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (1), 138–150. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.11 (in Russ.).
4. Demyankov, V. Z. (2023). Translation as a Journey Through Real and Unreal Worlds. In: *Slovo.ru: Baltic Accent*, 14 (3), 26–39. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-3-2 (in Russ.).
5. Kasymbekova, A. A. (2021). *The Problem of Adequacy in the Diachrony of Translation (Based on A. Christie's Novels)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
6. Knyazev, S. V. (2021). Phonation Variation of Consonants in Connection with Their Method and Place of Formation in Russian. In: *Philology. Theory & Practice*, 3, 7–25. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.7-25 (in Russ.).
7. Knyazev, S. V. (2014). Phonemic Status of Soft Veil Consonants in Russian: Syntagmatics and Vocabulary Structure. In: *Philological Sciences. Vocabulary and Practice Issues*, 11-2, 91–97 (in Russ.).
8. Kushnina, L. V. & Kan, S. (2022). Anthroponymic Metaphor as a Cognitive Marker of the Comic in the Cultural Space of Translation. In: *Russian Language and Culture in the Mirror of Translation*, 1, 173–182 (in Russ.).
9. Malenova, E. D. (2023). Audiovisual Translation as an Object of Research in Modern Translation Studies. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6, 101–107. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_6_874_101 (in Russ.).
10. Matasov, R. A. (2009). *Translation of Film / Video Materials: Linguocultural and Didactic Aspects* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
11. Misnikevich, T. V. (2021). "Literally, to Recreate in Another Language": On the Specifics of Fyodor Sologub's Translation Manner. In: *Russkaya Literatura*, 4, 123–129. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-123-129 (in Russ.).

- ЛИНГВИСТИКА ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
- 12. Plungyan, V. A. (2024). G. A. Shengeli as a Theorist and as a Practitioner of verse. In: *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (4), 158–168. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-4-11 (in Russ.).
 - 13. Filatova, E. A. (2021). *A Comprehensive Model for Assessing Audiovisual Translation and Linguo-Functional Analysis of the Dynamics of Film Translation Norms in the 1960s–2010s (Based on English-Language Documentaries about Wildlife)*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
 - 14. Strunk, W. Jr. & White, E. B. (1918). *The Elements of Style*. New York: Harcourt, Brace and Company.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «КиберЛенинка», ЭБС «Лань», «Энзиум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее; написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редакколегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный редактор:
Самсонова Л. В.

Технический редактор:
Глазунова А. А.

Переводчик:
Назарова А. Ю.

Корректор:
Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка
Сёмина Д. А.

Системное администрирование сайта:
Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, стр. 2, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

[https://evestnik-mgou.ru](http://evestnik-mgou.ru), <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».